

Учредитель – Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Национальный исследовательский
Томский государственный университет»

ТЕКСТ. КНИГА. КНИГОИЗДАНИЕ

TEXT. BOOK. PUBLISHING

Научно-практический журнал

2021

№ 27

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
(свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-52489 от 21 января 2013 г.)

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» – 42043

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны
быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой
степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук»,
Высшей аттестационной комиссии

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА «Текст. Книга. Книгоиздание»

Айзикова Ирина Александровна – главный редактор,
д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой общего литературоведения, издательского дела и редактирования Томского государственного университета
E-mail: wand2004@mail.ru

Воробьева Татьяна Леонидовна – зам. главного редактора,
канд. филол. наук, доцент кафедры общего литературоведения, издательского дела и редактирования Томского государственного университета

Баль Вера Юрьевна – ответственный секретарь,
канд. филол. наук, ст. преп. кафедры общего литературоведения, издательского дела и редактирования Томского государственного университета

Гридина Татьяна Александровна – д-р филол. наук, зав. кафедрой общего языкознания и русского языка Уральского государственного педагогического университета
Ершов Юрий Михайлович – д-р филол. наук, зав. кафедрой телерадиожурналистики Томского государственного университета

Есипова Валерия Анатольевна – д-р ист. наук, доцент кафедры общего литературоведения, издательского дела и редактирования Томского государственного университета

Жилиякова Наталия Вениаминовна – д-р филол. наук, зав. кафедрой теории и практики журналистики Томского государственного университета

Калиткина Галина Васильевна – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка Томского государственного университета

Мароши Валерий Владимирович – д-р филол. наук, профессор кафедры русской литературы и теории литературы Новосибирского государственного педагогического университета

Пугачев Валерий Вениаминович – д-р филол. наук, профессор кафедры русской, зарубежной литературы и издательского дела Башкирского государственного университета

Старикова Галина Николаевна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Томского государственного университета

Шарафадина Клара Ивановна – д-р филол. наук, профессор кафедры журналистики Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов

Щитова Ольга Григорьевна – д-р филол. наук, доцент кафедры русского языка как иностранного Томского политехнического университета

Адрес редакции и издателя: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, сайт <http://journals.tsu.ru/book/>

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ТЕКСТА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ

<i>Страшкова О.К., Алексенко А.Д.</i> «Храмовый цикл» в книге стихов поэта-эмигранта Г.В. Голохвастова как текст в тексте	5
<i>Зусева-Озкан В.Б.</i> «Сверхтекст» Е.И. Замятина о деве-воительнице. Статья первая	18
<i>Волощина С.В., Демешкина Т.А., Толстова М.А.</i> Концепт «Семья» в устных автобиографических рассказах жителей Сибири	39

КНИГА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

<i>Панина Н.Л.</i> Полилингвальные таблицы «Первоначального курса обучения» В.А. Жуковского в контексте настольно-печатных игр первой половины XIX в.	69
<i>Дворцова Н.П.</i> К.Н. Высоцкий и медийная революция в уездном сибирском городе второй половины XIX в.	86
<i>Айзикова И.А.</i> Культурный ландшафт Сибири в духовной литературе второй половины XIX в.: воображаемая и социальная география	103

ВОПРОСЫ КНИГОИЗДАНИЯ

<i>Воробьева Т.Л.</i> Трансформация модели чтения в цифровой культуре	126
<i>Есипова В.А., Светличная Н.Н.</i> Платформа ProСибирь: первый год работы и перспективы развития	139
<i>Гольцова Н.В., Сафронова С.А.</i> Формирование издательских проектов как практико-ориентированный подход к подготовке бакалавров издательского дела	155

РЕЦЕНЗИИ

<i>Никонова Н.Е.</i> Рецензия на научную монографию О.Б. Кафановой «Переводы Н.М. Карамзина как культурный универсум». СПб.: Алетейя, 2020. 356 с., ил.	164
<i>Андреева В.Г.</i> Ключ к открытию русской классической литературы. Рецензия на учебник Ю.В. Лебедева «Русская литература XIX века: курс лекций для бакалавриата теологии: в 2 т. М.: Общецерковная аспирантура и докторантура им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия; Издательский дом «Познание», 2020	171
<i>Динер Е.В.</i> Рецензия на учебное пособие «Проблема читателя в Томске и Томской губернии в конце XIX – начале XX вв.» / отв. ред. Т.Л. Воробьева. Томск: Издательский дом Томского государственного университета, 2020. 226 с.	186
Сведения об авторах	197
Правила оформления статей	199

CONTENTS

PROBLEMS OF TEXT: THEORY AND PRACTICE

<i>Strashkova O.K., Alexenko A.D.</i> The “Temple Cycle” in the Book of Poems by the Emigrant Poet Georgiy Golokhvastov as a Text in a Text	5
<i>Zuseva-Özkan V.B.</i> Yevgeny Zamyatin’s “Hypertext” About the Female Warrior. Article I	18
<i>Voloshina S.V., Demeshkina T.A., Tolstova M.A.</i> The Concept “Family” in the Oral Autobiographical Stories of Siberians	39

BOOK IN CULTURE

<i>Panina N.L.</i> The Polylingual Tables of Vasily Zhukovsky’s <i>Initial Course of Study</i> in the Context of Children’s Board Games of the First Half of the 19th Century	69
<i>Dvortsova N.P.</i> Konstantin Vysotsky and the Media Revolution in a Siberian Regional Town of the Second Half of the 19th Century	86
<i>Ayzikova I.A.</i> The Cultural Landscape of Siberia in the Spiritual Literature of the Second Half of the 19th Century: Imaginary and Social Geography	103

BOOK PUBLISHING

<i>Vorobyeva T.L.</i> The Transformation of the Reading Model in a Digital Culture	126
<i>Esipova V.A., Svetlichnaya N.N.</i> The ProSiberia Platform: The First Year of Operation and Development Prospects	139
<i>Goltsova N.V., Safronova S.A.</i> Formation of Publishing Projects as a Practice-Oriented Approach to Training Students for a Bachelor’s Degree in Publishing	155

REVIEWS

<i>Nikonova N.Ye.</i> Book Review: Kafanova, O.B. (2020) <i>Perevody N.M. Karamzina kak Kul’turnyy Universum</i> [Translations by N.M. Karamzin as a Cultural Universe]. Saint Petersburg: Aleteyya	164
<i>Andreeva V.G.</i> The Key to the Discovery of Russian Classical Literature. Book Review: Lebedev, Yu.V. (2020) <i>Russkaya Literatura XIX Veka: Kurs Lektsiy Dlya Bakalavriata Teologii: V 2 T.</i> [Russian Literature of the 19th Century: A Course of Lectures for Bachelors of Theology: In 2 Vols]. Moscow: Ss Cyril and Methodius Theological Institute of Postgraduate Studies; Poznanie	171
<i>Diner E.V.</i> Book Review: Vorobyeva, T.L. (Ed.) (2020) <i>Problema Chitatelya v Tomske i Tomskey Gubernii v Kontse XIX – Nachale XX Vv.</i> [The Problem of the Reader in Tomsk and Tomsk Province in the Late 19th – Early 20th Centuries]. Tomsk: Tomsk State University	186

Information About the Authors	197
--	-----

Rules for Article Submission	199
---	-----

ПРОБЛЕМЫ ТЕКСТА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ

УДК 82.14

DOI: 10.17223/23062061/27/1

О.К. Страшкова, А.Д. Алексенко

«ХРАМОВЫЙ ЦИКЛ» В КНИГЕ СТИХОВ ПОЭТА-ЭМИГРАНТА Г.В. ГОЛОХВАСТОВА КАК ТЕКСТ В ТЕКСТЕ

Аннотация. Исследуется функция образа-кода Храма как текстообразующего знака «русского мира» в полусонетах Г.В. Голохвастова. Предлагаемое исследование содержит описание, анализ и интерпретацию образа Храма на материале полусонетов, образовавших в творчестве поэта отчетливо циклизующиеся художественные единства, включающие художественные символы креста, иконостаса, иконы, монаха.

Ключевые слова: *Храм как текст, полусонет, русский мир, Русь, православие, цикл, храм, монах.*

Георгий Голохвастов – идейный лидер группы поэтов-эмигрантов первой волны (Е.В. Христиани, Д.А. Магула, В.С. Ильяшенко), образовавшейся в 1920–1930-е гг. в Нью-Йорке и названной Е. Витковским русско-американской школой [1. С. 553]. Биография Голохвастова изучена недостаточно, поскольку большая часть архивов поэта на сегодняшний день недоступна (фонд поэта хранится в Библиотеке редких книг и рукописей Колумбийского университета, Нью-Йорк), однако достоверно известно, что в январе 1917 г. он в чине полковника был командирован за границу, где после октябрьского переворота принял решение не возвращаться в Россию. С 1920 г. Голохвастов живет в США, возглавляя Нью-Йоркское русское Общество искусств и литературы, а с 1937 г. – Американский Пушкинский комитет.

Для понимания художественного наследия поэта принципиально важен факт его идеологически добровольной, а не вынужденной эмиграции. Голохвастов сознательно отделил себя после революции

от новой России и не поддержал ни одну из враждующих идеологий. Поэт не принимал участия в братоубийственной войне и трагических революционных событиях, поэтому в США он унес навсегда запечатленный в памяти идиллический образ соборной Руси, ассоциируемой с родовым именем. Россия, воссозданная в лирике Голохвастова, – это большой дом с приветливым треском печи или песнями из девичьей, это тройка с бубенцами, бегущая по заснеженному простору, «разливы спелой ржи», «храм бедный с ветхой колокольней», «лампады у киота» и пасхальный праздничный звон, разливающийся над всей Россией-Русью.

Безусловна ценность поэзии Голохвастова, «в значительной своей части, тенденциозно, но бескорыстно ориентированной на выражение уникальности российской цивилизации, неотъемлемой и органичной частью которой, находясь в условиях вынужденной эмиграции, он продолжал себя ощущать» [2. С. 49]. В поэтической системе Голохвастова создана особая концептуальная художественно-эстетическая модель «русского мира», непротиворечиво выражающая самобытные цивилизационные установки автора. Идейними и аксиологическими основаниями российской идентичности в творчестве поэта выступают канонические образы-коды: Государство, Государь и Вера, – при этом доминантной в модели «русского мира» Голохвастова выступает православная вера: «Мечту / На берегах Генисаретских / Доверил тихому Христу» [3. С. 15].

Поэт воспринимал веру как православие, непременно воплощающее духовные координаты того русского человека, который вынужден жить на чужой земле; она ассоциировалась с образами монастыря, креста, иконы, монаха. Эти семиотические коды иллюстрируют «русскую мысль» Голохвастова. В первых книгах стихов «Из Америки» (1925), «Полусонеты» (1931) коды храма, иконы, молитвы встречаются фрагментарно, не образуя законченного художественного диалога. Это единичные знаки, намечающие границы «русского мира», пока только ощущаемого поэтом, но не определяющего пафос творчества. В поздних книгах стихов «Жизнь и сны» (1943), «Четыре стихотворения» (1944), «Сонеты за полвека» (сер. 1950-х гг.) совокупность цивилизационных кодов образует уже монументальный соборный образ «Святой Руси» – вместилища нравственности русского народа, одухотворенного православными устоями и традициями. «Святая Русь»

не идентифицируется поэтом ни географически, ни хронологически – обширная и необъятная, существует она с начала времен, хранимая Великой Церковью и русскими святыми, жизнью своей связанными с русской землей. Святая Русь для поэта – это «не территория, но духовный космос, проекция вселенной верующего русского человека» [4. С. 8].

Реальным воплощением «Святой Руси» и образа Бога для русского человека в изгнании является Русская церковь, объединяющая под своей сенью всех страждущих и покинутых. Образ Православной Церкви – чтимый и трепетно хранимый в памяти эмигрантов – выступал опорой их духовной жизни, побуждая к творчеству. Церковь являлась на чужбине спасительным маяком для всех, кто шел туда, как в убежище от чужого мира, от трудностей жизни.

Тоска по покинутой Родине воплотилась в художественных образах русских святынь и святых. Голохвастов трагически переживает вынужденную оторванность от России, явленной ему в своеобразном импрессионистическом хронотопе, поэтому в его творчестве постоянно воссоздаются образы русской земли, русской церкви и связанных с ней реалий. Образ Храма в поэзии Голохвастова отражает укорененное в православной традиции русской словесности соборное «мы», преодолевающее разобщенность мира и человека, оторванного от родной земли. Художественной задачей поэта стало воскрешение воцерковленной соборной России-Руси и отражение ее трагической судьбы в лирических формах различных сборников.

Наиболее насыщенной православной тематикой стала книга стихов «Полусонеты», над которой поэт работал на протяжении длительного времени. Книга вышла в 1931 г. в Париже и считается наиболее продуктивным и эстетически значимым сборником русского «американца», поскольку концентрирует уже зрелое сознание художника, демонстрируя его представление о «русском мире».

В сборник включены исключительно полусонеты в различных строфических вариациях: «ровно 300 единиц образцовых произведений жанрово-строфической формы» [5. С. 244]. Именно Голохвастов, по мнению Е.В. Витковского, довел до совершенства форму полусонета.

Полусонеты в составе книги отличаются от полусонетов, функционирующих автономно, единством текстового пространства, циклической замкнутостью, поскольку выступают в своей нарративной функции как повторяющиеся строфы, подхватывающие и ведущие сквозные,

изначально заданные тематические партии [5. С. 246]. Корпус полусонетов членится на соотносимые тематические группы со своими эпицентрами, периферией и взаимопереходами. К числу таких образных текстовых единств относится корпус полусонетов на христианские темы, которые в книге стихов «Полусонеты» можно разделить на три циклических единства: церковные праздники («Страстная суббота», «Троицын день», «Пасха», «Святая ночь», «Апрельский день на небосклон...»); описания церквей и монашеских традиций («Темны лампы у киота...», «Монах», «Храм бедный с ветхой колокольней...», «Скит»); интерпретация библейских сюжетов («Мадонна», «Грехопаденье»).

Предметом анализа в статье является реализация в полусонетах Голохвастова образа-кода Храма, выступающего в модели мира для поэта символом культуры России, основанием традиционного миропорядка, трепетно хранимого в памяти поэта-эмигранта, причем реализация, отражающая динамическое развитие смыслов «Храмового цикла» как единого лирического текста. Лирический цикл Голохвастова воплощается в небольших тематических блоках, «соприкасающихся, пересекающихся, а иногда и расположенных совсем изолированно, т.е. несколько лирических произведений объединены в единую поэтическую структуру при помощи самых различных конструктивных приемов, главным из которых является сквозная тема или, что еще чаще, единая авторская эмоция» [6. С. 182]. Сквозной темой цикла выступает Святая Русь – всемирный светлый Храм, запечатленный в творческом импульсе Голохвастова. Размышляя о структурных особенностях лирического цикла, В. Сапогов отмечает: «Лирический сюжет строится на развитии и оттенках авторской эмоции; сила и “центростремительность” поэтического чувства являются тем моментом, который сдерживает стихотворения цикла в пределах единой поэтической структуры» [7. С. 90]. Именно циклическая организация «Храмовой» темы в тексте книги стихов позволяет выявить своеобразный сюжет вхождения лирического героя в Храм, его очищения и восхождения к горнему миру.

Пространство Храма в лирике Голохвастова индивидуализируется под влиянием историко-культурной ситуации, психоментальных особенностей и личного опыта носителя. Код Храма в художественной системе Голохвастова имеет различные трансформации: это и одино-

кий монашеский скит, и древний монастырь, и небольшой городской приход. Описание церковного убранства в лирике Голохвастова поражает тихой сдержанной красотой, воссозданной в синтезе цветовых и светотеневых образов, звуков, едва уловимых движений воздуха, бликов, отсветов. Для поэта важна не только пластика образа, но и его эмоционально-психологическое переживание.

Полусонет «Темны лампы у киота...» открывает книгу стихов:

1. Темны лампы у киота
2. С пучком давно засохших верб...
3. С печалью тихой лунный серп
4. В оконце глянул: позолота
5. Икон зажглась, и бледный блик
6. Чуть-чуть дрожит, как будто кто-то,
7. Незрим, Христа целует Лик [3. С. 10].

Полусонет начинается описанием старого, почти оставленного храма. Лампы у киота не зажжены, печать времени лежит на ветках «давно засохших верб». Являясь единым синтаксическим целым, описание убранства храма в 1-м и 2-м стихах прерывается взглядом лирического героя извне «вместе» с печальным лунным серпом.

Последующее взаимодействие стихов находится в сфере оптической картины, составленной из живописных кадров: начиная с 3-го стиха в темное пространство заглядывает лунный серп, зажигая позолоту икон. Реализуется «гармонический принцип единовременного контраста» [5. С. 62]: пространственная статика храма оживляется эмоциональностью восприятия лирического субъекта и мерцанием бликов.

Перебой ритма в 4-м стихе, вызванный несовпадением метрического членения с синтаксическим («В оконце глянул: позолота»), обеспечивает динамическое начало и повышает эмоциональное воздействие на читателя. Второй анжамбеман соответствует строфическому членению полусонета, попадая между катреном и терцетом, вследствие чего высвечивается гармонический центр полусонета, приходящийся на полноударное и семантически значимое слово «Икон». Иконостас здесь – часть единого целого, того предметного мира, который является важнейшей категорией эстетического мышления поэта.

Терцет реализует идейно-художественный потенциал полусонета. В храме появляется незримый «Кто-то», чьим присутствием оживляет-

ся все пространство. Неопределенное местоимение «Кто-то» вмещает смысловые линии всего полусонета. Божий дом, даже ветхий и древний, не оставлен, а сам Святой Дух трепетно и благоговейно прикладывается к святому окладу, оживляя и наполняя святостью все пространство.

Художественно значим в полусонете прием светописи. В 1-м и 2-м стихах пространство храма темно: «Темны лампы у киота». Используя прием светописи, Голохвастов, вероятнее всего, находится под влиянием поэтики символизма, поскольку в 1-м стихе отчетливо прочитывается «Вхожу я в темные храмы» Блока. Далее происходит усиление светового образа: «лунный серп взглянул» – «позолота зажглась» – «бледный блик // дрожит» – «Лик». Светообраз развивается от легкого лунного свечения к расцвеченному бликами образу Спасителя. Оклады икон зажигаются, символизируя тождественность Христа и Света.

«Старописные» лики освещаются мерцанием лампад и в полусонете «Монах»:

1. В ночи у Ликов старописных,
2. Лампад мерцаньем озарен,
3. Следит чреду поклонов он
4. По зернам четок кипарисных
5. И вьет молитв заветных нить,
6. Чтоб дух от Князя Тьмы и присных
7. В полночный час оборонить [З. С. 11].

Голохвастов здесь следует древнерусской книжной традиции описания уединенной монашеской жизни. В центре внимания поэта – смиренная молитва монаха в древнем монастыре. Молитвенные сцены неоднократно встречаются в поэзии Голохвастова, но, как правило, они представлены в ситуации торжественной праздничной службы или одиночной молитвы лирического героя в миру.

В полусонете «Монах» аутентично воссоздается предметный мир Храма: иконы, лампы, священные четки. Монашеские четки – лишь единожды использованная художественная деталь в обозримом и доступном для нас корпусе текстов поэта. Четки в монашестве называются духовным мечом и вручаются монаху при постриге как орудие непрестанной молитвы, чтобы через призывание имени Божьего монах восходил по ступеням духовного развития и стяжал Дух Святой. Перекрестная рифма «нить» – «оборонить» актуализирует функцию образа-оберега как великого христианского символа.

Образ монаха представлен в номинации полусонета и в его строфической организации. Лексема «Монах» вынесена в название, а в самом полусонете она не представлена. Голохвастов использует местоимение «он», которое приобретает семантику благодаря расположению в конце 3-го стиха. Местоимение стягивает на себя логическое ударение не только 3-го стиха, но и всего катрена, выстраиваемого вокруг образа безымянного монаха. Враждебная монаху сила номинирована более образно: «Князь Тьмы и присные». Заявленный в 6-м стихе «Князь Тьмы» выступает центром терцета, выделенным строфически и ритмически. Противостояние темной дьявольской силы и одинокого монаха лежит в основе повествовательной структуры полусонета.

Динамичность полусонета создается отсчетом «зерен кипарисных»: каждый поклон и каждая молитва приближают «дух» к великому спасению. Разрешение противостояния двух онтологических начал происходит в 7-м стихе. Подтверждая всемогущество молитвы, полусонет завершается сильным смысловым глаголом «оборонить», дающим надежду каждому христианину на неизбежное повержение Дьявола и бесов, на обретение духовного покоя.

Продолжает тему обретения духовного покоя в стенах Дома Божьего полусонет «Храм бедный с ветхой колокольной...»:

1. Храм бедный с ветхой колокольной.
2. Чуть свечи теплятся. Но тут
3. Душе-скиталице приют;
4. Здесь сердце проще, богомольней,
5. И думы в сумерках минут
6. Властнее прочь от жизни дальней
7. К Завету Горнему зовут [3. С. 21].

В полусонете представлена важнейшая специфическая черта русского национального характера – вечное странничество в поисках высшей правды и Дома Божьего. Душа соотносится с образом странника и вечным странничеством: «...он ходит по земле, но стихия его воздушная, он не врос в землю, в нем нет приземистости» [8. С. 33]. Душа скитается в поисках приюта, и здесь, в Бедном Храме, она становится проще, богомольнее. Ее движение организовано тремя вехами, обозначающими дорогу от временного приюта в ветхом храме через «думы в сумерках минут» к обретению пристанища в Горнем мире.

Первый сюжетный шаг (веха) закольцован 1-м стихом. Перед лирическим героем разворачивается картина, близкая и понятная каждому русскому человеку: «Храм бедный с ветхой колокольной». Голохвастов скуп на художественные детали: эпитеты «бедный», «ветхий» оттеняют строгость и сдержанность общей картины. Синтаксическая и лексическая обособленность первой части 2-го стиха «чуть свечи теплятся» локализует пространство полусонета внутри храма, а его художественная и лексическая сдержанность фиксирует аскетичность интерьера.

Бедность и ветхость убранства резко контрастируют с удивительным животворящим духом, спасающим и исцеляющим измученную душу-скиталицу. Прогивительный союз «но», разделяющий 2-й стих, фиксирует начало третьего сюжетного шага и обеспечивает связь между двумя онтологическими сферами полусонета – духовной и земной. Лирический герой переходит границу земного бытия, отрекается от всего мирского и обретает для «души-скиталицы» приют.

В последнем терцете, намечающем движение к «Завету Горнему», смещается система пространственно-временных координат. Катрен завершается пространственным маркером «здесь», и вектор духовного обновления закрепляется в стихах 6 и 7, содержащих антитезу «дольного / горнего» миров. Покой и простота Дома Божьего сподвигли лирического героя к несуетной молитве и неспешным размышлениям о спасения души. Закономерно в этом контексте говорить об особом «Храмовом сознании» Голохвастова, которое представляется соединением возвышенного и земного в нравственном, а следовательно, в религиозном чувстве.

Завершает книгу стихов «Полусонеты» полусонет «Скит», транслирующий идею обретения духовного покоя. Лирический герой Голохвастова находит желанное утешение и покой в духовной обители.

1. *Конца нет хмурым поворотам*
2. *Дорожки в чаще хмурых хвой...*
3. *Ни звука, ни души живой...*
4. *Вдруг – древний скит. Тропа к воротам.*
5. *Седой монах, как часовой,*
6. *Крестясь, окликает: – «Кто там?..»*
7. *– Открой, старик, впусти: я – свой [З. С. 55].*

Образ скита восходит к паломнической традиции, которая является неотъемлемой частью жизни Русской Православной Церкви. Па-

ломническая литература восходит к хождению – каноническому жанру древнерусской книжности, на который, очевидно, ориентируется поэт.

В полусонете выделяются специфические особенности строфической организации. Первые три стиха вводят в сумрачный, беззвучный и бездушный мир, который неожиданно – «вдруг» – разрывается видением сакрального образа. Стих 4 номинирует древний скит: «Вдруг – древний скит. Тропа к воротам». Разрыв синтаксического целого стиха организует короткую паузу и замедляет ритм, создавая ощущение восторженного любования древней обителью, случайно выступившей из чащи леса. Далее, используя парцелляцию, поэт как бы монтирует кадры увиденного лирическим героем, переключая план повествования на тропинку у ворот и на старого монаха.

Стихи 4 и 5 выстраивают трехчастную смысловую горизонталь, которая реализуется по мере приближения героя к заветной цели: древний скит – тропа к воротам – седой монах. Картина древнего монастыря постепенно открывается лирическому герою, подобно древнему граду Китежу, выходящему из вод озера.

Говоря о ментальности русского человека, Н.О. Лосский в работе «Характер русского народа» подчеркивает «его религиозность и связанное с нею искание абсолютного добра, следовательно, такого добра, которое осуществимо лишь в Царстве Божием» [9. С. 240]. Именно такую модель избирает Голохвастов для своего лирического героя, обретающего Царствие Божие на земле, в удалении от мирской суеты: «Вдруг – древний скит. Тропа к воротам. / – Открой, старик, впусти: я – свой». Духовная самоидентификация героя – это его манифест «я – свой». Путь лирического героя к скиту сложен и тернист, как и непростой жизненный путь поэта, поэтому в конце пути он просит о приюте и покое.

Выявленный в лирических миниатюрах «Темны лампы у киота...», «Монах», «Храм бедный с ветхой колокольней...» сюжет с незначительными отличиями развивает эпизод пребывания лирического героя в Божьем доме. Голохвастов продолжает традицию, заложенную еще в XIX в. славянофилами и почвенниками: храм представлен не как часть пейзажа, а как онтологическое замкнутое пространство, определяющее аксиологические и мировоззренческие установки личности, нации, человечества.

Приметы Храма в «Храмовом цикле» Голохвастова становятся устойчивыми и повторяемыми. Главная примета, идентифицирующая

Храм – безусловная сакральность, которая обнаруживается в силу ряда причин. Прежде всего, Храм для лирического героя Голохвастова – это локус обретения силы и душевного покоя, в котором возможно избавление от одиночества среди враждебной толпы, отход от чуждой западной цивилизации. Алтарь, иконы и пение дьякона напоминают лирическому герою о его родовом имении, где он «трепетал в молитвах детских». Пространство Храма в лирике Голохвастова строго замкнуто в себе, оно не коррелирует с окружающим миром. Переступая порог храма, линию, которая разделяет и соединяет мирскую и горную реальности, лирический герой совершает переход из одной онтологической плоскости бытия в другую. Возобновляющее и очищающее душу пространство христианских символов ведет его дорогой молитвы и несуетного созерцания.

Приведенная выборка полусонетов свидетельствует о том, что одним из путей постижения своеобразия национального мира Голохвастова является анализ христианских мотивов в его сборнике «Полусонеты». Динамика развития сюжета этого цикла – подтверждение нашей гипотезы о циклическом единстве. Текстовое единство «Храмового цикла» полусонетов Голохвастова организуется благодаря «попытке через повествование передать человеческое существование во времени и пространстве, или, другими словами, организовать повествование на основе таких понятий, как историческое и национальное» [10. С. 30]. Поэзия религиозного чувства проявляется в изображении торжественной красоты и умиротворенной гармонии храма, имеющего исключительное значение для художественной системы Голохвастова. Наполненный важнейшими онтологическими смыслами, он выступает точкой пересечения координат прошлого, настоящего и будущего, поскольку, пребывая в пространстве Дома Божьего, лирический герой может вновь обрести утраченную навсегда Святую Русь. Трагическая отъединенность от чуждого североамериканского настоящего и житейской суеты преодолевается молитвой у родных икон, знакомых со времен счастливого прошлого в родовом имении. Лирический герой обращается к Богу в поисках цельности духа и надежного ориентира в нравственном самосовершенствовании. Он осознает Бога как «возврат к цельности, как собирание души, как высвобождение из того тягостного состояния внутренней разорванности и распада, которое стало страданием века» [11. С. 250]. Образный мир

«Храмового цикла» Голохвастова глубоко согласуется с духом христианской доктрины о Боге, которую поэт в течение всей творческой жизни репрезентировал в разных лирических формах и образах. Являясь текстом в тексте, этот цикл расширяет границы понимания художественной модели поэта-эмигранта и единства его поэтической системы.

Литература

1. Витковский Е.В. От смерти к жизни // Голохвастов Г.В. Гибель Атлантиды : стихотворения, поэма. М. : Водолей, 2008. С. 553–557.
2. Останкович А.В., Алексенко А.Д. Сюжетно-образная конкретизация концепта «Русь» в сонетах Г.В. Голохвастова // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 436. С. 49–55.
3. Голохвастов Г.В. Гибель Атлантиды : стихотворения, поэма. М. : Водолей, 2008. 576 с.
4. Щербинин А.И., Щербинина Н.Г. Конструкт «Святая Русь» и его смысловые актуализации // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2015. № 3 (31). С. 5–14.
5. Останкович А.В., Сугай Л.А., Федотов О.И., Шпак Е.В. Традиционные строфические формы и их жанрово-строфические единства в русской поэзии. Ставрополь : Альфа Принт, 2013. 282 с.
6. Сапогов В.А. Лирический цикл и лирическая поэма в творчестве А. Блока // Русская литература XX века (дооктябрьский период) / отв. ред. Н.М. Кучеровский; Тул. гос. пед. ин-т им. Л.Н. Толстого. Калуга, 1968. С. 174–189.
7. Сапогов В.А. О некоторых структурных особенностях лирического цикла А. Блока // Язык и стиль художественного произведения : тез. докл. IX Науч.-теор. и метод. Конф., организуемой Кафедрой рус. литературы. (26–28 мая 1966 г.) / Моск. гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина; под общ. ред. А.И. Ревякина. М., 1966. С. 90–91.
8. Бердяев Н.А. Душа России : сб. ст. М. : Центрполиграф, 2016. 255 с.
9. Лосский Н.О. Условия абсолютного добра: основы этики ; Характер русского народа. М. : Политиздат, 1991. 368 с.
10. Айзикова И.А. Передача национально-исторического колорита в ранних прозаических переводах В.А. Жуковского (из Коцебу и Флориана) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2007. № 1. С. 30–44.
11. Флоровский Г.В. Пути русского богословия. Paris : YMCA-PRESS, 1937. 600 с.

The “Temple Cycle” in the Book of Poems by the Emigrant Poet Georgiy Golokhvastov as a Text in a Text

Текст. Книга. Книгаиздание – Text. Book. Publishing, 2021, 27, pp. 5–17.

DOI: 10.17223/23062061/27/1

Olga K. Strashkova, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russian Federation).
E-mail: olga.strashkova8@gmail.com

Anastasiya D. Alexenko, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russian Federation). E-mail: nastasya140@rambler.ru

Keywords: temple text, half-sonnet, Russian world, Rus, Orthodoxy, cycle, temple, monk.

The article examines the artistic system of the book of poems *Polusonety* [Half-Sonnets] by Georgiy Golokhvastov, the ideological leader of a group of poets of the first wave of emigrants (E.V. Khristiani, D.A. Magula, V.S. Ilyashenko) that originated in the 1920s–1930s in New York. The article deals with the specific phenomenon of a “temple cycle” as a text in the text of *Polusonety*. The cycle can be specified by the author as a structural unit of the book, or it can “stand out” as a united text space based on thematic or figurative unity. The latter is our case. The object of the research is the realization in the half-sonnets of the image-code of the Temple, which is a symbol of Russian culture within the model of the poet’s world, the basis of the traditional world order reverently stored in the memory of the emigrant poet. The “temple cycle” is considered as a single lyrical text. The cross-cutting theme of the cycle is the Holy Rus, represented in the image of the world lucent Temple; this image is in the memory of every emigrant. The signs of the Temple in Golokhvastov’s half-sonnets are “dark lamps at the kiot”, “monk”, “poor temple with a wrecked bell tower”, “skete”. The poet voluntarily emigrated to the United States after the revolution of 1917, but his memory preserved the idyllic image of Cathedral Russia that shaped in his poetic system as the conceptual artistic and aesthetic model of the “Russian world” closely connected with the Orthodox faith. The poet perceived faith as the embodiment of spiritual coordinates of Russian people forced to live in a foreign land, associated it with images of monastery, cross, icons, monk in his poetry. These semiotic codes illustrate Golokhvastov’s “Russian thought”. The code of the Temple in Golokhvastov’s art system has various transformations: it is a lonely monastic skete, an ancient monastery, and a small city parish. The space of the Temple is individualized under the influence of the historical and cultural situation, psycho-mental characteristics, and personal experience of the author. The temple for Golokhvastov’s lyrical hero is a locus of gaining strength and peace of mind, in which he can get rid of loneliness among the hostile alien crowd. The altar, icons, and deacon’s singing remind the lyrical hero of his ancestral estate, where he “trembled in his child’s prayers.” The renewing and purifying space of Christian symbols leads him by prayer and uncomplicated contemplation. Staying in the space of the House of God, the lyrical hero regains the forever lost Holy Rus. We come to the following conclusions: the figurative world of Golokhvastov’s “temple cycle” is deeply consistent with the spirit of the Christian doctrine of God, which was represented by the poet in various lyrical forms and images throughout his creative life. Being a text in the text, this cycle extends the boundaries of the understanding of the emigrant poet’s artistic model and the integrity of his poetic system.

References

1. Vitkovskiy, E.V. (2008) Ot smerti k zhizni [From death to life]. In: Golokhvastov, G.V. *Gibel' Atlantidy : stikhotvoreniya, poema* [Death of Atlantis: Poems]. Moscow: Vodoley. pp. 553–557.
2. Ostankovich, A.V. & Aleksenko, A.D. (2018) The plot and image concretization of the concept Rus' in sonnets by G.V. Golokhvastov. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 436. pp. 49–55. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/436/6
3. Golokhvastov, G.V. (2008) *Gibel' Atlantidy : stikhotvoreniya, poema* [Death of Atlantis: Poems]. Moscow: Vodoley.
4. Shcherbinin, A.I. & Shcherbinina, N.G. (2015) The construct “Holy Russia” and its semantic actualizations. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 3(31). pp. 5–14. (In Russian).
5. Ostankovich, A.V., Sugay, L.A., Fedotov, O.I. & Shpak, E.V. (2013) *Traditsionnye stroficheskie formy i ikh zhanrovo-stroficheskie edinstva v russkoy poezii* [Traditional stanzas and their genre and stanzaic unity in Russian poetry]. Stavropol: Al'fa Print.
6. Sapogov, V.A. (1968) Liricheskiy tsikl i liricheskaya poema v tvorchestve A. Bloka [The lyric cycle and lyric poem in the works by A. Blok]. In: Kucherovskiy, N.M. (ed.) *Russkaya literatura XX veka (dooktyabr'skiy period)* [Russian literature of the 20th century (the pre-October period)]. Kaluga: [s.n.]. pp. 174–189.
7. Sapogov, V.A. (1966) O nekotorykh strukturnykh osobennostyakh liricheskogo tsikla A. Bloka [On some structural features of A. Blok's lyric cycle]. In: Revyakin, A.I. (ed.) *Yazyk i stil' khudozhestvennogo proizvedeniya* [Language and Style of a Work of Art]. Moscow: Moscow State Pedagogical Institute. pp. 90–91.
8. Berdyayev, N.A. (2016) *Dusha Rossii* [The Soul of Russia]. Moscow: Tsentrpoligraf.
9. Lossky, N.O. (1991) *Usloviya absolyutnogo dobra: osnovy etiki; Kharakter rus-skogo naroda* [Conditions for Absolute Goodness: The Foundations of Ethics. The Character of the Russian People]. Moscow: Politizdat.
10. Aizikova, I.A. (2007) Peredacha natsional'no-istoricheskogo kolorita v rannikh prozaicheskikh perevodakh V.A. Zhukovskogo (iz Kotsebu i Floriana) [The transfer of national-historical flavor in the early prose translations by V.A. Zhukovsky (from Kotzebue and Florian)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 1. pp. 30–44.
11. Florovskiy, G.V. (1937) *Puti russkogo bogosloviya* [The Paths of Russian Theology]. Paris: YMCA-PRESS.

В.Б. Зусева-Озкан

«СВЕРХТЕКСТ» Е.И. ЗАМЯТИНА О ДЕВЕ-ВОИТЕЛЬНИЦЕ. СТАТЬЯ ПЕРВАЯ¹

Аннотация. Статья посвящена образу девы-воительницы в творчестве Е. Замятина. Выявляется корпус текстов с ее участием, анализируется связанный с ней мотивно-сюжетный комплекс. Показывается, что воительницы чрезвычайно часто появляются в текстах Замятина – начиная с рассказа «Кряжи» (1915) и до киносценариев 1930-х гг. Демонстрируются константы и эволюция этой фигуры в замятинском творчестве. Особенно детально анализируются трагедия «Атилла» и ее главная героиня – Ильдегонда, исследуются источники пьесы.

Ключевые слова: дева-воительница, Е. Замятин, гендер, фемининность, «Атилла», Юдифь, Брунгильда.

1. Явления воительницы у Замятина: константы и характерные особенности

Цель данной статьи – проанализировать «сверхтекст» Е.И. Замятина о деве-воительнице, т.е. совокупность ее явлений в творчестве писателя и формируемый ими смысловой объем.

Фигура воительницы представляется весьма значимой в замятинском художественном мире, поскольку появляется многократно. Как отмечалось, «в произведениях Замятина переплетаются два сюжета: борьба за власть и любовный поединок. Сильная женщина нарушает социальный порядок, соперничает с мужчинами, подчиняет их, мучает, убивает» [1. С. 14]. А.Ф. Строев, однако, называет такой тип героини «роковой женщиной» вообще, тогда как, по нашему мнению, в ряде случаев речь идет специфически о типе воительницы. По крайней мере это случаи рассказа «Кряжи» (1915), рассказа «Север» (1918) и одноименного киносценария (1927), сценариев «Стенька Разин» (1932–1933) – с некоторыми оговорками, о которых мы скажем позднее, «Добрыня» (1932–1933), «Бич Божий» (1934–1935), «Бог танца» (1934–

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-78-10100) в ИМЛИ РАН.

1935), «Чингиз-хан» (1936), «Владыка Азии» (1936), черновых набросков «Былины» и, конечно, трагедии «Атилла» (1925–1928), где эта героиня и связанный с ней конфликт представлены наиболее отчетливо и развернуто.

В названных произведениях появляется героиня, обладающая выдающимися физическими данными (в частности, силой, умением прекрасно ездить верхом, стрелять и пр., но одновременно и красотой) и сильным, гордым характером, упорством, способностью к сопротивлению и желанием одержать верх во что бы то ни стало, которые особенно проявляются в столкновении – в том числе силовом, вооруженном – с героем, влюбленным в нее и / или возлюбленным ею. Примечательно, что для этих воинственных героинь у Замятина сверхценностью является любовь (а не как у некоторых других авторов Серебряного века – субъектность, «самостоянье» и власть над собственной жизнью, свобода, духовное спасение и пр.): именно из-за нее эти героини борются, убивают и готовы быть убитыми сами. (Отсюда, в частности, мелодраматическая тональность большинства названных текстов, особенно сильная в киносценариях.)

Другая характеристика присутствия воительницы в замятинском творчестве состоит в том, что присутствие это трагично: у Замятина в основном реализуется такой вариант сюжета с участием воительницы, когда героиня представляется равной по силе мужскому персонажу, и происходит испытание силы, или «испытание борьбой» [2. С. 52]. Константный мотив такого сюжета – *поединок*, понятый как «ратоборство равных» (М. Цветаева), и *любовь-ненависть*; вне зависимости от исхода поединка – кто бы ни победил – развязка этого сюжета сопровождается гибелью либо одного, либо обоих персонажей как в ходе поединка, так и в виде отдаленного его результата.

Поединок воительницы и героя у Замятина неизменно мотивируется как поединок брачный, описанный еще В.М. Жирмунским: «Рядом с боевыми темами, характерными для воинского века, в эпическом творчестве всех народов широкой популярностью пользуются сюжеты богатырского сватовства <...> Среди наиболее архаических и универсально распространенных отметим в особенности воинские состязания <...> между женихом и невестой, богатырской девой (германские сказания о Брюнхильде и Зигфриде, среднеазиатские – об Алпамыше и др.). <...> Победенная героем воинственная красавица

обычно становится возлюбленной или женой своего победителя и после этого теряет свою богатырскую силу» [3. С. 28–29]. И далее: «Сюда относятся древнегреческие амазонки, земные девы-воительницы (Schildmaid) и полубожественные валькирии германского эпоса, воинственные героини древнеирландских саг, “Шах-намэ” Фирдоуси и “Давида Сасунского”, арабских сказок (“Тысяча и одна ночь”), тюркского и монгольского эпоса <...>; к их числу должны быть отнесены и “удалые поленицы” русских былин. Сказания эти имеют <...> универсальное распространение и автохтонный характер <...> Этим древним происхождением и повсеместным распространением мотива девы-воительницы не исключается, конечно, возможность позднейших литературных взаимодействий: так, в более поздних французских и францужско-итальянских поэмах героико-романического стиля, как и в основанном на них итальянском эпосе эпохи Ренессанса (Пульчи, Боярдо, Ариосто), воинственная красавица, обычно сарацинка, становится своего рода модной темой чисто литературного характера» [Там же. С. 114–115].

У Замятина представлены почти все названные варианты: есть у него и воительницы, спроецированные на образ валькирии (Ильдегонда), и удалые «поленицы» (Настасья Микулишна, Марья из «Кряжей»), и монгольские воинственные девы (Бортэ, Улек). Не менее очевидно, что писатель склоняется здесь, условно говоря, к архаике: хотя позднейшие литературные наслоения у него, разумеется, тоже присутствуют (в частности, на наш взгляд, недооценена роль ибсеновского театра для «Атиллы»), его воительницы либо принадлежат легендарному эпическому прошлому, либо укоренены в «народной архаике», принадлежат деревенскому миру. Когда же не реализуется ни тот ни другой вариант, образ «воинственной» героини становится весьма размытым, как в случае с «Богом танца» или даже со сценарием, очень вольно адаптирующим для киноэкрана пьесу М. Горького «На дне» (1935), где Василисе Костылевой приданы некоторые черты воительницы (желание самостоятельно определять собственную судьбу и иметь свободу в выборе возлюбленного, в отношениях с которым она стремится играть не подчиненную, а активную роль; убийство мужа и вообще склонность применять физическую силу; своеобразное понимание справедливости – см., например, визит к Барону в стремлении отстоять свободу своего возлюбленного Васьки Пепла;

гордость и неумение прощать обиды, мстительность; соперничество с «нормативной» женщиной).

2. Воительница в рассказе «Кряжи» и в типологическом освещении

Первое, насколько нам известно, явление воительницы в творчестве Замятина происходит в рассказе «Кряжи», где действие развивается в глухой деревне, причем начинается рассказ с того, как откопали «старое идолище», «каменного бога» (см. сказанное выше об архаике как фоне для явления воительницы): «Через эту самую нечисть и пошла вражда между Иваном да Марьей» [4. Т. 1. С. 316]. Обратим здесь внимание и на имена героев – предельно «народные» и в то же время накрепко связанные друг с другом (ср., например, растение «иван-да-марья»). То есть эти герои сразу предстают как взаимно предназначенные и в то же время друг другу враждебные – это типичнейшая черта сюжетов с участием воительницы. С самого начала отношения этих персонажей строятся на соперничестве и стремлении «осилить»: кто первый «своротит» с дороги. Напрямую появляется здесь мотив угроз, переходящих в схватку, физический поединок:

– Ах ты, заворотень, шаромыга! Я тебе покажу, как оси ломать...

Уж вскочила к Ивану на грядущку, уж замахнулась. Да на грех тут оборвалась пуговица у баски, разошлась на груди баска – и отынула Марья.

У Ивана дух перехватило – от злости или еще отчего, Бог его знает... [Там же].

Эта сцена тоже типична – и для сюжетов с участием воительницы вообще, где она соответствует неожиданному открытию противником, что он борется именно с женщиной (мотив узнавания прекрасной девицы, скрытой под рыцарскими латами), и для Замятина в частности, у которого именно в таком виде (созерцание противником женской груди) она возникает в целом ряде текстов. Вот, например, киносценарий «Добрыня»:

Добрыня идет к оврагу и видит, что с противоположной стороны приближается к бревну какой-то другой молодой богатырь. Они встречаются на середине бревна, ни один не хочет уступить дорогу. Возникает ссора, <...> они готовятся к схватке. Добрыня одним прыжком перелетает через овраг, кидается на противника – и вот уже молодой богатырь лежит под ним. Добрыня вытащил нож, вспарывает кольчугу побежденного. Левой рукой раздвигая кольчугу на груди лежащего, правой Добрыня уже заносит нож над ним – и вдруг нож выпадает из его

руки: Добрыня увидел под кольчужой девичьи груди... Молодой богатырь оказался Настасьей Микуличной – русской валькирией [4. Т. 4. С. 197–198].

Сценарий «Чингиз-хан»: «Во время киргизской байги – скачек с живым бараном – Чингизу удается выбить противника из седла. Но юноша крепко прижимает к груди окровавленную ногу барана. Чингиз, наступив на побежденного коленом, рванул его кафтан... и увидел девичьи груди. Он на мгновение растерялся. Девушка воспользовалась этим, чтобы вскочить на коня и умчаться с ногой барана. Чингиз побежден, и его победительницей оказывается Бортэ...» [Там же. С. 193].

Сценарий «Владыка Азии»: «Охваченные азартом зрители неистово кричат имя Тимура, он впереди всех. Его догоняет юноша на коне Алтана, вырывает у него окровавленную баранью ногу. Тимур вышибает его из седла, но юноша ни за что не хочет отдать ему трофей – баранью ногу, прячет ее за пазуху. Тимур рванул его кафтан – и увидел девичьи груди. Он на мгновение растерялся. Девушка воспользовалась этим, чтобы вскочить на коня и умчаться с трофеем. Тимур побежден, и его победительницей оказывается Улек...» [1. С. 37].

Фрагменты «Былины»: «Дунай Иванович и Добрыня – отправляются Владимиром как сваты к Опраксии в “Литву” (где, впрочем – все татары...). <...> Взяли Опраксу – поехали в Киев. Спать легли, оставив в головах колья, сабли. Догоняет их татарин какой-то. Бой его с Дунаем. “Рыкнул татарин по-звериному, свистнул по-змеиному”, – свалился Дунай. Вскочил – сбил с ног татарина, насел на него. Хочет убить его, но... увидел девичьи груди: то была Настасья. И взял ее за себя замуж...» [4. Т. 4. С. 416].

Даже в трагедии «Атилла», где герой знает, что имеет дело именно с женщиной, этот мотив появляется в рудиментарном виде:

Атилла (<...>Ильдегонде).

Когда ты вот так, стиснув зубы,
стоишь и глаза свои мечешь в меня,
как копыа, ты еще прекраснее – слышишь?

Ильдегонда пытается закрыть грудь.

Зачем? Все равно ведь ты моя:

Захочу, так увижу тебя всю [Там же. Т. 3. С. 387].

И в финале, перед тем как происходит решительный «поединок» героев:

Керка.

Да, слышу, опять смеется.

Сквозь стену вижу: вот теперь

он одежду с нее снял...

она грудь прикрыла... [4. Т. 3. С. 416].

Таким образом, появление аналогичной приведенным сцены в «Кряжах» тоже маркирует ситуацию «простонародных» героев как ситуацию воительницы и ее влюбленного врага. После этой первой встречи, отмеченной соперничеством и стремлением одержать верх, отношения героев так и остаются враждой, которая в глубине скрывает страстную любовь: «Вот с той поры и пошло. Оба – кряжи, норовистые: встретятся где, в лесу ли на по-грибах, у речки ли на поводе – и ни вполглаза не глянут. <...> А ночью... Да что: ночью человек ведь один сам с собой, да и не видит ночь ничего...» [Там же. Т. 1. С. 317].

Подчеркнуты также «богатырские», эпические, героические черты в облике и характерах обоих героев: «Кому же это сказать, как не Марье: она везде коновод, заводило» [Там же. С. 318]; «Только и разговору в Пожоге, что про Марью, как Марья сома обротала: ну и богатыриха, ну и бой-девка» [Там же. С. 319]; «А Иван <...> нарочно в ночь выехал: волки так волки, хоть что-нибудь, развернуться бы в чем, одолеть бы что» [Там же. С. 321] и пр. Для каждого из них невозможно признать в своей склонности, которая воспринимается как душевная слабость, т.е. преклониться, покориться, отдаться:

А сам скорей топор на плечо да куда-нибудь в лес подальше, на поповых делянках сосны валить. Хекал-свистел топор, брызгали щепки, сек со всего плеча – будто не сосна это была, а Марья <...>. И сейчас подкосится, сломится, падет на колени и жалостно скажет:

– Ой, покорюсь, ой, Иванюша, помилуй... [Там же. С. 320].

Это, разумеется, типичный для сюжетов о воительнице мотив любви-вражды, любви-борьбы, любви-осиления. Неудивительно, что и финал рассказа соответствующий: и герой, и героиня готовы даже рискнуть жизнью, чтобы произвести впечатление на другого, но ни за что не выдать своего влечения. В итоге Иван действительно оказывается на краю гибели:

Унжа тут не широкая, видно, как на том боку машут руками. Бабы кричат – дразнятся:

– Эй, вы, заунженские! А ну-ко, по первопутку-то к нам?

– Ты, зевластая, помолчи! А то как вот перееду да как почну мутьскасть...

– А ну, переедь! А переедь, переедь-ка, я погляжу!

И показалось Ивану: на том боку, среди увязанных платками – мелькнула Марьяна голова. Закипело в нем, ударил он лошадь – и стал спускаться на лед. <...> Только когда уж к тому боку стал подъезжать, вдруг – все кругом в глазах – и куда-то вниз тихонько пошел, пошел, пошел...

Пока это опамятавались, да за ум взялись, да слег накидали на лед, пока вытащили Ивана и лошадь. <...> Иван – жив ли, нет ли, кто его знает.

– Качай, ребята, качай! [4. Т. 1. С. 321–322].

Конец рассказа открытый:

...выл, причитал чей-то бабий звонкий голос. Поглядели: Марья.

– Качай, ребята! Отживе-е-ет еще, у нас народ крепкой, кражистой...

Отживе-е-ет! Ну хоть бы послушать Марьины причеты – отживе-е-ет [Там же. С. 322].

Только когда герой оказывается мертв или почти мертв, Марья позволяет себе проявить свои истинные чувства. Это тоже типичный элемент сюжета с участием воительницы, который иногда предстает и в гендерно инвертированном виде: так Ахилл оплакивает сраженную им Пенфесилею, когда она уже мертва. Мотив трагического разминовения равных – константный мотив, сопровождающий образ воительницы (см. в наиболее эксплицированном виде – в стихотворении втором из цикла М. Цветаевой «Двое»). Но именно в таком варианте, когда на смертном одре оказывается герой-мужчина, он характерен для Замятина: вообще, хотя такой исход поединка – в том числе поединка воль – с воительницей известен и в мифологии, и в фольклоре, и в литературе, он все же гораздо менее распространен, нежели обратный вариант. У Замятина же он повторяется регулярно: героиня, вроде бы искренне желающая смерти герою – под влиянием обиды, оскорбленной любви, гордости, оказывается неспособна нанести решающий удар.

3. Воительница в рассказе и киносценарии «Север» и проблема сюжетной развязки

В рассказе «Север» (и основанном на нем сценарии) обсуждавшийся выше сюжетный поворот как бы «обрамляет» цепь эпизодов, повторяясь в начале и в конце, где, однако, сцепление обстоятельств и вообще вся трагическая сущность любви героини такого типа способствуют смерти героев. В начале:

– Эй, ружье-то свое... – хотел крикнуть Марей... Но уж рыжая подняла, приложила – бух!

Цел? Нет? После... Прыгнул – пока опять не зарядила – смял ее, скрутил, наземь, навалился всем телом.

А-а, ножом? Руки ее поймать... где руки?

И захохотал: горячие руки замкнулись у него на шее, губами – нашла губы, всё крепче. На губах – солоно, теплое: кровь.

Ударило Марейю в голову, завертелось. <...>

Нет, теперь уж не-ет... Где ножик? Так: теперь – мой ножик. И губы мои, и руки, и вся... Ага, больно?

– Не больно... ой! Ну, еще больнее, еще – ну?

– Ты? Звереныш! Не тронь нож! Красавица, олень моя золотая, волосы мои... За что же ты меня из ружья-то?

– За то, что люблю, а ты... [4. Т. 1. С. 521].

В конце:

У Пельки в рыжих волосах – зеленый можжевеловый венок.

– На, зарядила...

<...> В нос вдарило острым медвежьим духом: на поляне на дыбах стоял медведина <...>

Неспешно Марей поставил свою пищаль на развилку, подпустил на десять шагов: с десяти шагов под лопатку – верное дело.

– Бух! – разошелся дымок – качнулся медведь – сейчас рухнет...

Но не рухнул: взвыл – и, огребая лапой больное место, прямо на них.

Что ж это: ведь с десяти шагов. Разве только дробь? Господи...

– Дробь... – кивнула ему Пелька. – А мое не заряжено.

Понял Марей всё. Вдруг – солнце – рыжее пятно – жить...

– Ложись! – крикнула Пелька. Не двигаться – медведь зароет, уйдет: мертвечины боится. Только не шевельнуться, не дышать... [Там же. С. 540].

В сценарии эта сцена объяснена досконально: «Марей сейчас же понял: вместо пули, как было нужно, Пелька нарочно зарядила ружье дробью. Сама в последний момент испуганная тем, что она сделала, Пелька крикнула Марейю, чтоб он бросился ничком на землю и притворился мертвым: медведь не трогает трупов, он обычно зарывает их. <...> медведь начал забрасывать их землей, хворостом. Потом сам сел сверху этой импровизированной могилы и началлизывать свою рану. Задохнувшиеся под его тяжестью люди не шевелились: все было для них кончено» [Там же. Т. 4. С. 10].

Примерно так же развиваются события в сценарии «Владыка Азии», где возлюбленная Тимура Улек, пройдя несколько кругов ненависти в своем отношении к герою, наконец осознает свою лю-

бовь к нему. Подсылая ядовитую змею к его второй жене, она невольно подвергает смертельной опасности Тимура и пытается спасти его:

Когда Улек вскрикивает, чтобы предупредить об опасности Тимура – уже поздно: змея ужалила его. Улек <...>, схватив укушенный змеей палец, высасывает яд. Она плачет, целует его руки, она сквозь слезы просит простить ее: она не хотела – она любит его...

Тимуру все понятно теперь и без ее слов: он счастлив, он завоевал Улек, это может быть самая трудная из его побед. <...> Долгая любовная война между этими двумя сильными людьми сейчас, очевидно, найдет разрешение в счастливой развязке. Но едва Тимур прижимает ее губы к своим – как Улек вскрикивает от боли и отталкивает Тимура. <...> высосав яд, Улек погубила себя – ее губы были искусаны [1. С. 47].

В сценарии «Бог танца» героиня (она принадлежит стану врагов – является агентом ЧК) несколько раз пытается убить героя, но оказывается неспособной пойти в своем намерении до конца:

Жизнь для Сержа мучительна, невыносима. Зинаида становится ему врагом. Она ему ненавистна. Но все же она <...> – несмотря ни на что! – влечет его.

Однажды у Зинаиды собирается целая компания <...> так как она уже много выпила, она идет на дикое пари. Она знает, что «плясун» сидит сейчас за столом – вот он скребет перышком! – она выстрелит в него через тонкую переборку.

За переборкой начинают считать: «Раз... два...». Серж слышит это, но он заставляет себя продолжать писать – в наступившей тишине слышен скрип его пера. «Три!» – но выстрела нет, револьвер Зинаиды опускается [4. Т. 4. С. 136].

В конце сценария она пытается подстроить герою несчастный случай во время выступления – падение в люк:

...Бледного Сержа несут. Из виска у него бежит тонкая струйка крови, он, видимо, мертв...

Зинаида в ужасе широко открывает глаза: этого еще нет, но это может быть через несколько минут. И, не раздумывая, не рассуждая, подчиняясь как будто чужой воле – Зинаида устремляется из ложи за кулисы. <...> Серж проходит в танце по люку – и катастрофы не происходит. <...> Танец в это время уже кончен. Неистовые аплодисменты, крики. Сияющий «бог танца» – у рампы. <...> вдруг в изумлении останавливается: он видит в люке взволнованную, аплодирующую ему Зинаиду... Он улыбается и кивает ей: в этот момент, когда из человека он стал богом, – он всепрощающ как бог... [Там же. С. 138–139].

Эта благополучная развязка, скорее, нетипична для Замятина; столь же счастливый исход в сюжете с участием воительницы встречается у него еще только в сценарии «Добрыня», где он подсказан исходным былинным материалом и где конфликт между воительницей и героем оказывается исчерпан уже в самом начале, когда герой

осиливает поленицу: «В любовном бою – уже она оказывается победительницей. Добрыня рад бы не выпустить ее из объятий, но сначала нужно покончить с Змеем...» [4. Т. 4. С. 198]. На полях добавим, что вообще-то былинный сюжет о женитьбе Добрыни Никитича на богатырке-великанше Настасье Никуличне разворачивается несколько иначе: ее превосходство над славным богатырем таково, что она сначала не замечает его ударов палицей (традиционный мотив), а потом, разглядев-таки Добрыню, кладет его в свой карман вместе с конем. Решение о браке принимается именно ею:

Ежели богатырь мне в любовь придёт,
Я теперь ведь за богатыря за муж пойду.
Вынимает-то богатыря да из карманчика,
Тут ей богатырь да понравился [5. С. 171].

У Замятина в набросках «Былины» появляется именно этот вариант развития сюжета: «Добрыня побежден в бою “поляницей” Настасьей Микуличной, но она щадит его, потому что полюбила. Они – муж и жена» [4. Т. 4. С. 413]. Можно предполагать, однако, что этот более архаичный вариант (о чем можно судить уже хотя бы по тому, что героиня здесь предстает великаншей), где неравенство сил героев слишком отчетливо и имеет гротескный оттенок, не устроил Замятина именно своей полукомической тональностью: все его тексты, где участвуют воительницы, мелодраматичны или трагичны.

4. Трагедия «Атилла» и проблема любовного треугольника

Сказанное в высшей степени верно и для трагедии «Атилла» (и сценария «Бич Божий», написанного по ее мотивам), в которой наряду с названными константами есть и специфичные элементы. Поскольку проблема источников, которыми пользовался Замятин при создании пьесы, и ее творческая история, включая описание редакций пьесы, хорошо разработаны [6–11], мы будем касаться этих аспектов лишь косвенно, фокусируясь в основном на интересующем нас вопросе, а именно на специфике образа воительницы и его сюжетных функций.

С этой точки зрения начать следует с того, что это единственное произведение Замятина с участием героини-воительницы, где она не любит героя. Ильдегонда, дочь бургундского короля, посланная

к Атилле в качестве заложницы, любит в пьесе другого – византийского посла Вигилу, участвующего в заговоре с целью убить гуннского вождя. Но надо сделать ряд оговорок. Во-первых, такой вариант развития сюжета впоследствии разрабатывался Замятиным в сценариях «Чингиз-хан», «Владыка Азии» и собственно в сценарии «Бич Божий», основанном на событиях трагедии «Атилла» и романа «Бич Божий». Однако эти сценарии были созданы уже после «Атиллы», где такой вариант появляется впервые, и унаследовали его сюжетное зерно (азиатский вождь, прошедший долгий и сложный путь к владычеству, наделенный мистической властью над окружающими, завоеватель полумира, любит непокорную, враждебно настроенную к нему женщину). Как и в «Атилле», отношения красавицы воительницы с избранным героем есть часть любовного треугольника, в котором героиня испытывает чувства к другому мужскому персонажу – юному и красивому, но негероическому, не равне ни ей, ни главному мужскому персонажу. В «Чингиз-хане» Бортэ любит Уркура (и даже рождает от него сына), во «Владыке Азии» Улек влюблена в одноименного персонажа (с тем же результатом). Во-вторых, в этих двух сценариях отношение героинь к главным мужским персонажам не исчерпывается одной краской, одним чувством: первоначальная ненависть позднее переходит в любовь. Сценарий «Чингиз-хан» обрывается до того, как происходит этот перелом, но он предсказан целым рядом событий; ср., например: «Этот акт благородства – победа Чингиза в его борьбе с Бортэ, она чувствует это – и ее ненависть к Чингизу становится еще острее. Борьба между ними продолжается. В ответ на высокомерное замечание Бортэ: “Кто ты – и кто я”, – он отвечает: “Ты еще не знаешь, кто я”» [4. Т. 4. С. 194–195].

Героиня также перестает любить Уркура: «Бортэ ждет известий от Уркура. Но проходят все условленные сроки – Уркура нет. Гордая Бортэ решает, что он забыл ее, она не хочет больше слышать его имени» [Там же. С. 195]. Чингиз-хан производит впечатление на героиню своим невероятным возвышением: «Наутро Бортэ, выйдя из юрты, не верит глазам: вместо скромного становища в несколько юрт среди степи – перед нею знамена, бунчуки, юрты, кони, войска... Оказывается, ночью прибыл ее муж и ее враг – Темучин. <...> Чингиз-хан предстает перед Бортэ в полной славе...» ([Там же. С. 195–196] и пр. Во «Владыке Азии», где повторяется та же цепь эпизодов, она прихо-

дит к закономерной и отчетливой развязке – перерождению прежней ненависти в любовь, что еще ускоряется ревностью: «Тимур тем временем вернулся к себе, в родное становище – в сопровождении новой жены Хуа-Лу. Очаровательная, веселая как ребенок китайка забавляет Тимура, но в его душе по-прежнему живет образ гордой и непобедимой Улек. В борьбе с нею у Тимура теперь есть великолепное оружие: Хуа-Лу. <...> Улек невыносимо страдает от ревности, но она делает все, чтобы скрыть это» [1. С. 46].

Отметим, что этот сюжетный вариант в авторском горизонте присутствовал уже во время написания «Атиллы», как следует из характеристики действующих лиц: «Ильдегонда. Наполовину – из того же металла, что и Атилла. Другая половина – женщина. Любит Вигилу, но временами мощь Атиллы действует на нее – голова кружится. Ненавистна за это самой себе – и еще ненавистней от этого Атилла. Горда, непокорна. Знает, что может стать рабой Атиллы – и скорее убьет его, чем позволит себе стать рабой» [12].

Тем не менее в окончательном тексте пьесы этот подтекст («голова кружится») почти совсем не ощущается, и Ильдегонда до конца остается верна как своей любви к Вигиле, так и ненависти к Атилле, так что, в отличие от других героинь подобного типа у Замятина, она идет до конца и наносит герою смертельный удар. Эта особая расстановка действующих лиц, выламывающаяся из канонического сюжета о воительнице, которая, даже если и убивает героя, все равно терзается любовью к нему, имеет целый ряд последствий.

5. Образ Ильдегонды: традиционные топосы и легендарные параллели

В приведенной выше характеристике важен многократно упоминавшейся нами мотив равенства: Ильдегонда – «из того же металла, что и Атилла» (хоть и «наполовину», к чему мы вернемся позднее). Как и он, это героическая личность; она предназначена не для обыкновенного женского удела, но для войны, власти и победы. Когда зритель впервые знакомится с Ильдегондой, она, заложница, утешает Вигилу – посла, т.е. их роли оказываются дважды инвертированы – и гендерные (женщина сильнее мужчины), и социальные (заложница vs. посол):

Вигила, ты бледен? Твоя рука
 в моей дрожит. Что задумал ты?
 Быть может, могу я тебе помочь?
 мои руки не так нежны, как твои,
 не умею играть на лютне я –
 но умею играть копьем, ножом... [4. Т. 3. С. 362].

Возлюбленный Ильдегонды бледен и дрожит, а она решительна и смела, руки его нежны, ее – сильны, он играет на лютне – она же играет с оружием.

Первая встреча Ильдегонды с Аттилой тоже отмечена нетрадиционным для женщины (и заложницы) поведением – она ведет себя как равная, т.е. в глазах окружающих – дерзко. Именно эти дерзость и гордость сразу же обращают на себя внимание Аттилы, причем в сцене их первого столкновения оказываются полностью предсказаны дальнейшие события пьесы. Еще чуть ранее, в разговоре с Едеконом, Атилла говорит – в русле героического модуса: «Ну что ж: хороший враг – милее друга», а его друг и посол отвечает ему: «Страшен враг не в поле, а в доме» [Там же. С. 367]. В ходе этого разговора, после того как Едекон отдает Атилле голову его брата Вледы, предавшего Атилла и перешедшего на сторону «Запада» – римлян, Атилла просит:

Вот так же мне с плеч голову снеси,
 когда увидишь, что как с псами пес
 я с Римом снюхался [4. Т. 3. С. 368].

Сразу же после этого происходит явление Ильдегонды:

(Ильдегонда, одетая пышно, входит. Садится на скамью).

Атилла (увидел).

Кто смел там сесть?

(С разных сторон кидаются к Ильдегонде, Атилла останавливает их).

Ты знаешь наш обычай:

при мне дано сидеть моей супруге.

Ты что ж, со мной спала

и хочешь, чтоб про это знали все?

(Смех).

Ильдегонда.

У вас, быть может, есть обычай,

чтоб женщины зверям давались.

У нас такого нет, ошибся.

Атилла.

Пусть стоит! Поднять ее!

<...>

Ильдегонда (*Вигиле*).

Не надо – я сумею сама.

Атилла.

Подойди.

(*Ильдегонда стоит*).

Ты что же, боишься?

Ильдегонда.

Боюсь? До сих пор боялись – меня.

(*Подходит*).

Атилла (*смотрит на нее*).

Да, вижу: тебя бояться можно.

Не знал я слова такого: страх,

но так хороша ты, что даже страшно [4. Т. 3. С. 368–369].

В этой последовательности сцен заложено все дальнейшее развитие событий: Атилла влюбится в «милого врага», который, будучи «в доме», окажется смертоноснее, чем на поле битвы, и в каком-то смысле «заслужит» свою смерть, ибо, влюбившись в Ильдегонду и нарушив ради нее клятву, данную Гоуру, а в его лице – рабам и всем «варварам», на которых стоит Рим, с римлянами и их союзниками «снюхается», за что и потеряет голову: неслучайно дальше сказано, что если Ильдегонда и не собственно римлянка, то все-таки «Ехидна и змея – одно. / Союзники бургунды с Римом». Ильдегонда же действительно окажется женой Атиллы и ляжет с ним в постель, но – не испытает страха и «умеет сама» убить его.

Примечательно, что, как всегда у Замятина, именно нестереотипное, смелое и воинственное поведение героини заставляет героя испытать к ней интерес – то же встречаем в сценарии «Стенька Разин», где одна из героинь, персиянка Зейнаб, по внешности и поведению – совсем не воительница, бросается на героя, ненавидя его за смерть отца (как и в «Атилле», где герой тоже оказывается виновником гибели противника – отца героини): «Зейнаб поняла, что отцу грозит опасность, она плачет, кричит что-то Разину, вырвалась из рук Уса, кинулась к Разину и зубами вцепилась в его руку, уже взявшуюся за

рукоять сабли. Разин стряхнул ее, как котенка, посмотрел на кровь, выступившую на руке, пристально посмотрел на Зейнаб – говорит: “Отвести ее на мой струг!”» [4. Т. 4. С. 50–51]. Неслучайно, что и в «Атилле» явственно присутствуют отголоски истории о Стеньке Разине и персияночке. Как в знаменитой поэтической обработке эпизода из «Бунта Стеньки Разина» Н.И. Костомарова Д.Н. Садовниковым (1883), где казаки упрекают Разина в том, что «атаман-то / Нас на бабу променял! / Ночку с нею повозился – / Сам наутро бабой стал...» [13. С. 420], в «Стеньке Разине» Замятина герой выбрасывает Зейнаб «в набежавшую волну» под влиянием казаков: «В рубке – Разин с Зейнаб, полуодетый. Стук в дверь. <...> Выступает вперед седой, как лунь, казак: “Уж прости, а похоже, Стенька, ты забыл, кто ты, – из-за бабы. Народ за тобой пошел, а ты – что же?” Разин пытается что-то сказать, но его заглушает <...> дружный, общий, негодующий крик...» [Там же. С. 54]. Решение убить Зейнаб дается ему огромным усилием: «Схватившись за голову, неподвижно стоит у борта Разин...» [Там же. С. 57].

В «Атилле» герой тоже забывает о своем долге из-за Ильдегонды. Как и разинские казаки, приближенные Атиллы неоднократно говорят ему о том, что от Ильдегонды надо избавиться (неслучайно один из рабкоров на заседании Художественно-политического совета 15 мая 1928 г. сравнил Атиллу со Стенькой Разиным [14. С. 22]; см. также в разъяснениях Замятина к постановке пьесы «Атилла»: «Суд истории над Атиллой состоялся, приговор был вынесен. Атилла и гунны – варвары, разрушители, злодеи. Такими же злодеями еще недавно были Пугачев, Разин... Меня заинтересовала задача изменить установившийся взгляд на гуннов и Атиллу – фигуру куда более крупную» [7. С. 146].): «Едекон (*подняв топор*). Дай-ка я ее... вернее бы дело. <...> (*с поднятым над Ильдегондой топором, Атилле*). Прикажи!» [4. Т. 3. С. 388]. Едекон настаивает на этом не раз:

Атилла.

<...> Едекон, уведи! Он твой,
и как только взойдет заря...
Ты понял?..
Едекон. Эх... заодно бы? [Там же. С. 394].

Шут Зыркон увещевает Атиллу, чтобы тот отдал Ильдегонду Камелю, который стремится отомстить ей за то, что она убила его сына:

«Пусть станет твоей женой, а после отдай, кому обещал» [4. Т. 3. С. 401]. В сцене свадебного пира Атиллы и Ильдегонды вновь возникает «разинская» тема:

Исла.

О чем? О Риме! Или вы забыли,
что ранен Рим, – но он еще не сдох.
Чтоб с бабами его вам не проспать,
чтоб не пропить, я вот о чем!

Голоса.

А верно он... верно!.. так!..

Едекон.

И-х, гуляй!

Исла (*Атилле*).

Ты не гневись.

(*Атилла, нахмурившись, молчит.*) [Там же. С. 405].

Атилла, казалось бы, внимает словам товарищей и вспоминает о боевой славе, чем, как и Разин, заслуживает их одобрение:

Атилла.

Так завтра с зарей – в поход!
Кто жилье не успел достроить –
пусть сожжет, что начал, дотла.
Кого руки дома обнимут, –
пусть отрубят руки прочь.
Завтра все – на коня! <...>

Исла.

Это ты – опять ты, Атилла!

Голоса.

Алла, Атилла! Ты! Ты наш! Наш! [Там же. С. 412].

Однако, в отличие от Разина, в том числе и замятинского, Атилла оказывается неспособен убить Ильдегонду:

Атилла.

Не могу отдать ее на смерть,
не могу, чтоб у нее посинели губы,
не могу, чтоб закрылись ее глаза...
<...>

Зыркон.

А завтра? Что ж будет завтра?

Атилла.

Не хочу, чтоб завтра было...

Зыркон. <...> От него никуда не уйдешь. Разве что... в землю: там не догонит. (*Молчит, уткнувшись в ноги Атиллы.*) [4. Т. 3. С. 417].

Фактически история завершается так, как пожелал Атилла: завтра для него так и не наступает – Ильдегонда убивает его в постели, как некогда поступила Юдифь с Олоферном. Только если героиня Книги Юдифи совершает убийство из чувства долга и будучи вдохновлена Богом («Господь Вседержитель низложил их [врагов] рукою жены. <...> потому что она для возвышения бедствовавших в Израиле сняла с себя одежды вдовства своего, помазала лице свое благовонною мастью, украсила волосы свои головным убором, надела для прельщения его льняную одежду. Ее сандалии восхитили взор его, и красота ее пленила душу его; меч прошел по шее его»), то Ильдегондой руководит чувство мести, очень свойственное типу воительницы: «Атилле все заплачу сполна / за себя, за отца, за Вигилу, за Рим» [4. Т. 3. С. 398]. Интересно, что, хотя в Новое время писатели, обращавшиеся к сюжету Юдифи, зачастую «романтизировали» его, вводя мотив любви Юдифи к своему врагу [15], Замятин оказывается ближе к оригиналу: его героиня не испытывает к Атилле страсти. Напомним, что Юдифь воспринимается как одна из «воинствующих» героинь; так, она служила одной из библейских параллелей для авторов XVI–XVIII вв., писавших о Жанне д’Арк [16. С. 73, 76, 307, 308]. Отчетливый пример восприятия Юдифи как своего рода воительницы в русской литературе Серебряного века и одновременно введения любовного мотива в легендарный сюжет дает стихотворение А. Ахматовой «Юдифь» (1922), где глаза убитого Олоферна как бы говорят: «Меня ты поправа в неравном бою. // Прощай же, Израиля ратная дочь, / Тебе не забыть Олоферна и ночь» [17. С. 255].

Вообще в образе Ильдегонды можно различить как минимум три основных прототипа: это уже названные Юдифь и персидская княжна из сюжета о Стеньке Разине, а также – хотя на самом деле в первую очередь – валькирия Брунгильда. Напомним, что в сценарии «Бич Божий» Ильдегонда сравнивается именно с валькирией: «...это – бургунды, везущие к Атилле, в качестве заложницы, дочь своего короля, молодую, похожую на дикую валькирию – принцессу Ильдегонду. Быстро, как пожар в сухой степи, разгорается любовь между нею и младшим из послов – Вигилой» [1. С. 33]. Отметим сразу мотив пожара: валькирию в «Старшей Эдде» и позднейших переработках окружает море огня, которое способен преодолеть только избранный герой.

Более того, в приведенном выше первом диалоге Ильдегонды и Атиллы тоже присутствуют намеки на образ валькирии Брунгильды – напомним, что Атилла говорит: «Не знал я слова такого: страх, / но так хороша ты, что даже страшно». Это почти в точности повторяет реплику Зигфрида из одноименной оперы Р. Вагнера, когда он впервые видит валькирию Брунгильду, преодолев море огня и сняв со спящей доспех: «Но то не муж! – / Пламенем чары / Льются мне в грудь, / Пламенный страх / Очи сжигает, – / Почти лишаюсь я чувств» [18. С. 39]. И далее: «Ужли я трушу? / Не страх ли это? / <...> Твой сын был ведь смел; – / Но встретил деву он здесь / И страх он пред спящей узнал» [Там же. С. 40]; «Сковала ты / Страхом меня. – / С тобой лишь я / Этот страх ощутил» [Там же. С. 41] и т.д. Лекарством от этого страха, согласно Вагнеру, может стать лишь любовное соединение: «Сколько страсти в этом объятьи? / Прежний мой дух / Вернулся ко мне. Недоступный страх, / Что не мог я найти, – / Что здесь я, / Казалось мне, – узнал, – / Страх этот теперь / Я, глупый, опять позабыл!» [Там же. С. 44].

Разумеется, Замятин был знаком с тетралогией Вагнера «Кольцо нибелунга», бесконечно популярной в России Серебряного века. Более того, по нашему мнению, история Зигфрида и Брунгильды была знакома писателю не только по Вагнеру, но и по ряду других претекстов, но к этому мы вернемся во второй статье этого двухчастного цикла.

Литература

1. Строев А.Ф. Неизвестные сценарии Евгения Замятина // Литературный факт. 2019. № 3 (13). С. 8–70.
2. Веселовский А.Н. Мелкие заметки о былинах // Журнал Министерства народного просвещения. 1890. ССLXVIII. С. 1–67.
3. Жирмунский В.М. Народный героический эпос. М. ; Л. : Гослитиздат, 1962. 435 с.
4. Замятин Е.И. Собрание сочинений. М. : Рус. кн., 2003. Т. 1. 605 с.; Т. 2. 591 с.; Т. 3. 602 с.; Т. 4. 510 с.; Т. 5. 560 с.
5. Добрыня Никитич и Алеша Попович. М. : Наука, 1974. 447 с.
6. Гольдт Р. Мнимая и истинная критика западной цивилизации в творчестве Е.И. Замятина. Наблюдения над цензурными искажениями пьесы «Атилла» // Russian studies : ежеквартальник русской филологии и культуры. 1996. Т. II. № 2. С. 322–350.
7. Ерыкалова И.Е. К истории создания пьесы Е.И. Замятина «Атилла» // Творческое наследие Е. Замятина: взгляд из сегодня. Тамбов, 1997. Вып. III. С. 137–158.

8. Ерыкалова И.Е. О рукописи романа Е.И. Замятина «Бич Божий»: из парижского архива писателя // Творческое наследие Е. Замятина: взгляд из сегодня. Тамбов, 2000. Вып. IX. С. 159–175.

9. Комлик Н.Н. «...Согласно истории Иловайского...» // Лебедянский путеводитель : учеб. пособие. Елец : Елецкий гос. ун-т им. И.А. Бунина, 2003. С. 33–54.

10. Лядова Е.А. Историческая и структурно-поэтическая парадигма трагедии Е.И. Замятина «Атилла» : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2000. 24 с.

11. Полякова Л.В. О «скифстве» Евгения Замятина: художник в полемике «западников» и «славянофилов». Контур проблемы // Творческое наследие Е. Замятина: взгляд из сегодня. Тамбов, 2000. Вып. VII. С. 12–46.

12. Замятин Е.И. Характеры пьесы «Атилла» : автограф. 1 л. 1925–1926 // Отдел рукописей ИМЛИ РАН. Ф. 47. Оп. 1. Ед. хр. 131.

13. Песни русских поэтов. Л. : Сов. писатель, 1957. 528 с.

14. Ерыкалова И.Е. Сюжет об Атилле в двух жанрах // Замятин Е.И. Бич Божий. Атилла. СПб. : Лениздат, 2014. С. 5–26.

15. Каплун М.В. Образ Юдифи в драматургии: от XVI в. к эпохе модернизма // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2021. № 69. С. 265–280.

16. Тогоева О.И. Еретичка, ставшая святой: две жизни Жанны д'Арк. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2016. 576 с.

17. Ахматова А.А. Собрание сочинений. М. : Эллис Лак, 1999. Т. 2, кн. 2. 628 с.

18. Вагнер Р. Зигфрид / пер. И. Тюменева. Изд. 3-е. М. : П. Юргенсон, 1905. 44 с.

Yevgeny Zamyatin's "Hypertext" About the Female Warrior. Article I

Текст. Книга. Книгоиздание – Text. Book. Publishing, 2021, 27, pp. 18–38.

DOI: 10.17223/23062061/27/2

Veronika B. Zuseva-Özkan, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: zuseva_v@mail.ru

Keywords: female warrior, Yevgeny Zamyatin, gender, femininity, *Atilla*, Judith, Brünnhilde.

The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 19-78-10100.

This article deals with Yevgeny Zamyatin's "hypertext" about the female warrior, i.e. with the totality of her manifestations in the works of the writer and the semantic continuum that they form. This type of character is defined as a heroine with outstanding physical abilities (such as strength, horse-riding and shooting skills, etc. – and also great beauty), a strong, proud personality, persistence, ability to fight back, determination to gain the upper hand, to win at all costs – especially in the game of power and armed conflict with the male character that is in love with the heroine and/or is loved by her. The author identifies Zamyatin's works in which the woman warrior appears,

analyzes the plot functions and the characteristic motif complex associated with this image. The author demonstrates that the female warrior represents a very frequent type of heroine in Zamyatin's works: the image appears at the beginning of his career as a writer, in the short story "Kryazhi" (1915), and accompanies him until the end, manifesting itself in the screenplays written in the 1930s. The author reveals that a specific variant of the plot featuring the female warrior is implemented in Zamyatin's works: the heroine is shown as equal in strength with the male character, and the test of power happens, in particular in the form of a literal duel. Whatever its outcome is and whoever wins, the storyline usually finishes with the death of one or both characters – either during the combat or as its remote consequence. While the type of the plot is usually the same, the female character itself shows a wide variety: there are Valkyrie-like heroines (Ildegonda in the play *Atilla*), *polenitsas* from Russian bylina songs (such as Nastasya Mikulishna in the screenplay "Dobrynya" or Marya in "Kryazhi"), Mongolian women warriors (Bortè, Ulek), and even contemporary heroines of this type (Zinaida in the screenplay "The God of Dance"). Usually such characters are attributed in Zamyatin to the legendary epic past or rooted in "folk archaics"; they belong to the rural world, to the Russian village. The constant topoi and the evolution of the female warrior in Zamyatin's artistic works are revealed; in particular, such motifs as love-hate, test of strength (in the form of a duel or a competition), mutual intendedness of two "strong ones" and their tragic non-encounter are considered. The author notes that the super-value of the female warriors in Zamyatin's works is love, while for some other writers of the Silver Age, for instance, for Marina Tsvetaeva or Lyubov Stolitsa, such values were female agency, independence, control over one's life, freedom, or even spiritual salvation. The play *Atilla* and its heroine Ildegonda are analyzed in this article in particular detail; the sources of this image are revealed.

References

1. Stroeв, A.F. (2019) Neizvestnye stsenarii Evgeniya Zamyatina [Unknown scripts by Evgeny Zamyatin]. *Literaturnyy fakt*. 3(13). pp. 8–70.
2. Veselovsky, A.N. (1890) Melkie zametki o bylinakh [Short notes about epics]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. CCLXVIII. pp. 1–67.
3. Zhirmunsky, V.M. (1962) *Narodnyy geroicheskiy epos* [Folk Heroic Epic]. Moscow; Leningrad: Goslitizdat.
4. Zamyatin, E.I. (2003) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Moscow: Rus. kn.
5. Smolitsky, V.G. (ed.) *Dobrynya Nikitich i Alesha Popovich* [Dobrynya Nikitich and Alyosha Popovich]. Moscow: Nauka.
6. Goldt, R. (1996) Mnimaya i istinnaya kritika zapadnoy tsivilizatsii v tvorchestve E.I. Zamyatina. Nablyudeniya nad tsenzurnymi iskazheniyami p'esy "Atilla" [Imaginary and true criticism of Western civilization in the works by E.I. Zamyatin. Observations on the censorship distortions of the play "Atilla"]. *Russian studies*. 2(2). pp. 322–350.
7. Erykalova, I.E. (1997) K istorii sozdaniya p'esy E.I. Zamyatina "Atilla" [On the creation of the play "Atilla" by E.I. Zamyatin]. In: Polyakova, L.V. (ed.) *Tvorcheskoe*

nasledie E. Zamyatina: vzglyad iz segodnya [E. Zamyatin's Creative Heritage: A View from Today]. Vol. 3. Tambov: Tambov State University. pp. 137–158.

8. Erykalova, I.E. (2000) O rukopisi romana E.I. Zamyatina “Bich Bozhii”: iz parizhskogo arkhiva pisatelya [About the manuscript of E.I. Zamyatin's novel “The Scourge of God”: from the Parisian archive of the writer]. In: Polyakova, L.V. (ed.) *Tvorcheskoe nasledie E. Zamyatina: vzglyad iz segodnya* [E. Zamyatin's Creative Heritage: A View from Today]. Vol. 9. Tambov: Tambov State University. pp. 159–175.

9. Komlik, N.N. (2003) *Tvorchestvo E.I. Zamyarina: Lebedyanskiy putevoditel'* [E.I. Zamyatin's Creativity: The Lebedyansky Guide]. Elets: Elets State I.A. Bunin University. pp. 33–54.

10. Lyadova, E.A. (2000) *Istoriosofskaya i strukturno-poeticheskaya paradigma tragedii E.I. Zamyatina “Atilla”* [Historiosophical and structural-poetic paradigm of E.I. Zamyatin's tragedy “Atilla”]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tambov.

11. Polyakova, L.V. (2000) O “skifstve” Evgeniya Zamyatina: khudozhnik v polemike “zapadnikov” i “slavyanofilov”. Kontur problemy [On “Scythianism” of Evgeny Zamyatin: an artist in the polemics between “Westernizers” and “Slavophiles”. The outline of the problem]. In: Polyakova, L.V. (ed.) *Tvorcheskoe nasledie E. Zamyatina: vzglyad iz segodnya* [E. Zamyatin's Creative Heritage: A View from Today]. Vol. 7. Tambov: Tambov State University. pp. 12–46.

12. Zamyatin, E.I. (1925–1926) *Kharaktery p'esy “Atilla” : avtoGRAF. 1 l. 1925–1926* [Characters of the play “Atilla”: Autograph 1 l. 1925–1926]. Department of Manuscripts of the Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences. Fund 47. List 1. File 131.

13. Rozanova, I.N. (ed.) (1957) *Pesni russkikh poetov* [Songs of Russian Poets]. Leningrad: Sov. pisatel'.

14. Erykalova, I.E. (2014) Syuzhet ob Atille v dvukh zhanrakh [A plot about Attila in two genres]. In: Zamyatin, E.I. *Bich Bozhii. Atilla* [Scourge of God. Atilla]. St. Petersburg: Lenizdat. pp. 5–26.

15. Kaplun, M.V. (2021) The Image of Judith in Drama: From the 16th Century to Modernism. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 69. pp. 265–280. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/69/13

16. Togoeva, O.I. (2016) *Eretichka, stavshaya svyatoy: dve zhizni Zhanny d'Ark* [The Heretic Turned Saint: Two Lives of Joan of Arc]. Moscow; St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ.

17. Akhmatova, A.A. (1999) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 2(2). Moscow: Ellis Lak.

18. Wagner, R. (1905) *Zigfrid* [Siegfried]. 3rd ed. Translated from German by I. Tyumenev. Moscow: P. Yurgenson.

С.В. Волошина, Т.А. Демешкина, М.А. Толстова

КОНЦЕПТ «СЕМЬЯ» В УСТНЫХ АВТОБИОГРАФИЧЕСКИХ РАССКАЗАХ ЖИТЕЛЕЙ СИБИРИ¹

***Аннотация.** Рассматривается проблема взаимодействия концепта и речевого жанра в рамках устного повседневного дискурса, описаны факторы трансформации представлений о семье в обыденном сознании. Сделан вывод о том, что концепт «Семья» имеет жанровую обусловленность и является жанрообразующим в структуре автобиографического рассказа. Представлены наблюдения над региональной спецификой воплощения концепта, проявляющейся в актуализации признаков, связанных с природой и ландшафтом, административно-политическим статусом Сибири.*

Ключевые слова: *речевой жанр, автобиографический рассказ, концепт, когнитивные признаки, трансформация.*

Жанроведение – одно из активно развивающихся, более или менее сложившихся и разработанных научных направлений [1]. В его существовании исследователи выделяют как этапы интенсивных изменений [2], так и периоды застоя, неблагополучия [3, 4]. Дальнейшее его развитие видится в интеграции с другими научными направлениями, в частности с когнитивным [5]. В современной теории речевых жанров выделяется проблематика, связанная с соотношением понятия речевого жанра с другими понятиями, касающимися «жанра и культуры», «жанра и концепта», «жанра и оценки», «жанра и творчества», «жанра и языка» [6]. Обозначив в качестве наиболее актуальной проблему взаимодействия жанров и культуры, В.В. Дементьев вместе с тем отмечает недостаточность разработки ее такого очевидного аспекта, как «жанр и концепт» [Там же. С. 247]. Обзор работ в области жанроведения за последние 20 лет подтверждает сделанное исследователем наблюдение. Вместе с тем в современной лингвистике существуют работы, в которых высказаны теоретические идеи [7–9]

---

¹ Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 19-412-700001р_а «Автобиографические практики как способ отражения социокультурных процессов региона»).

и представлен опыт практических исследований – анализ концептов, функционирующих в том или ином речевом жанре [10–13].

Цель данной статьи – анализ реализации концепта «Семья» в речевом жанре автобиографического рассказа.

Материалом исследования выступают 200 устных автобиографических рассказов, записанных в селах Томской области в процессе диалектологических экспедиций, осуществляемых сотрудниками Томского государственного университета с 1946 г. по настоящее время. Информанты – жители сел и деревень Томской области, среди которых – представители разных типов речевой культуры (носители диалекта, литературного языка). Источником материала послужили тексты Томского диалектного корпуса (<http://losl.tsu.ru/corpu>), аудиозаписи речи сельских жителей, сделанные авторами статьи в результате экспедиции в с. Первомайское Первомайского района Томской области в 2008 г., а также устные автобиографические рассказы, записанные в с. Мельниково Шегарского района Томской области в 2018–2020 гг., с. Больше-Жирово Асиновского района Томской области в 2019–2020 гг.). Все рассказы характеризуются относительно устойчивой тематикой, средствами языкового воплощения и структурой, что позволяет квалифицировать их как отдельный речевой жанр, коммуникативной целью которого является рассказ информантов о своей жизни от момента рождения до момента общения.

Речевые жанры понимаются как относительно устойчивые тематические, композиционные, стилистические типы высказываний [14], рассматриваемые как поле реализации определенного спектра социальных ценностей и основанных на них лингвокультурных концептов [8]. Концепт мы определяем как единицу сознания, которая репрезентируется языковыми средствами. Ю.С. Степанов отмечает, что концепты существуют в сознании (в ментальном мире) человека: тот «пучок» представлений, понятий, знаний, ассоциаций и переживаний, которые сопровождают слово, и есть концепт [15. С. 43].

По мнению исследователей, в структуре каждого речевого жанра выделяется несколько системообразующих концептов, «выражающих потребности носителя культуры, ради удовлетворения которых создается данный жанр. Все прочие концепты, функционирующие в картине мира данного жанра, являются средством конкретизации системообразующих концептов» [7. С. 188]. Для устных автобиографических

рассказов жанрообразующими концептами являются «Жизнь», «Работа» [16]. Такую же природу имеет, на наш взгляд, и «Семья», несмотря на то что информация о семье – это информация не о самом информанте, однако индивидуальная идентичность в значительной степени определяется связью с семейной и национальной историей [17. Р. 493]. Рассказывая о себе, человек мыслит себя как члена той или иной семьи, рода и в процессе рассказа меняет свои роли от сына / дочери, внука / внучки к роли матери / отца, бабушки / дедушки и т.п. Информация о семье присутствует в каждом записанном тексте, что также свидетельствует о жанрообразующем характере концепта.

Концепт «Семья» относится к числу концептов, имеющих «базовый характер в любой этнолингвокультуре и в то же время имеющих национальные черты» [18. С. 323], это значимая единица русской языковой картины мира [19]. Данный концепт относится к хорошо исследованным: его изучали на материале литературного языка [20–22] и диалектной речи [23–24]; рассматривается актуализация концепта «Семья» в текстах разной жанровой принадлежности [25–29]. В сопоставительном аспекте анализировались национальные и общие черты концепта «Семья» в русском и китайском языках [30–31], турецком [18], английском, турецком и татарском языках [32] и др. Исследованию концепта «Семья» в разных аспектах посвящен сборник научных статей [33].

На материале устных рассказов жителей сел Томской области выделены слова-мифемы в сибирском семейном обряде [34], проанализирован образ ребенка в семье и связанные с ним семейные аномалии [35], описаны воспоминания о родителях [36], рассмотрены представления о членах семьи – муже и жене [37], выявлен концепт «Семья» в речи одной диалектной языковой личности [24], осуществлено лексикографирование лексических и фразеологических единиц, относящихся к «детской» сфере традиционной культуры и называющих, в частности, семейный статус ребенка и его семью [38].

Научная новизна статьи обусловлена обращением к проблеме взаимодействия и взаимовлияния концепта и речевого жанра в рамках устного повседневного дискурса, выявлением когнитивных признаков концепта «Семья», определением факторов трансформации представлений о семье в обыденном сознании.

Обращение к концепту «Семья» обусловлено, с одной стороны, его способностью отражать жизненные ценности человека и их динамику,

с другой – показывать влияние внешних факторов на жизнь отдельного человека. Кроме этого, тема семьи занимает большую часть повествования в автобиографических текстах сельских жителей, поскольку «родственные связи являются важнейшей ценностью в крестьянской культуре, на основе которых формируются и впоследствии функционируют сельские сообщества» [38. С. 59]. Как отмечает В.В. Дементьев, «жанры составляют важную часть смыслов, которые включаются в концепт» [6. С. 250]. Таким образом, анализ концепта «Семья» дает возможность получить новые данные о речевом жанре автобиографического рассказа, его построении, а речевой жанр, в свою очередь, показывает зависимость особенностей содержания и реализации концепта «Семья» от сферы функционирования. Данным фактором обусловлена теоретическая значимость полученных в работе результатов.

Описание концепта в речевом жанре автобиографического рассказа осуществляется с помощью метода моделирования и выделения в структуре концепта понятийного, образного и ценностного слоев [39. С. 107]. На первом этапе анализа выявлены номинации семьи и ее репрезентантов – слов разных частей речи. Затем был сформирован корпус высказываний с лексемой *семья* и ее дериватами, а также единицами, являющимися компонентами представлений о семье; в дальнейшем проанализированы их сочетаемость, системные связи (полисемия, синонимия, антонимия), рассмотрена семантика этих единиц и высказываний, на основании чего при помощи приема интерпретации и контекстуального анализа определены когнитивные признаки, реализуемые в автобиографических рассказах. Когнитивный признак – это минимальный структурный компонент концепта, отражающий его отдельную черту или признак [40. С. 52]. Содержательная сторона концепта (в том числе динамика представлений о семье) моделируется при помощи контекстуального анализа. Описание образного слоя концепта проведено с опорой на основные понятия теории концептуальной метафоры.

Понятийный слой концепта «Семья»

Понятийный слой концепта выявляется через варианты его обозначения, описания, признаковую структуру, дефиниции, сопоставительные характеристики по отношению к тому или иному концепту [39. С. 107].

Анализируемый концепт репрезентирует лексическая единица *семья*, а также образованные от нее слова с таким же значением – *семейство, семьишша, семьин*, и синонимичные слова – *род, порода, породство, природа* (= семья).

В вербализации концепта участвуют термины родства и их словообразовательные дериваты: *муж, жена, сын, дочь, брат, мать, отец, тятя, дед, дедушка, дедонька, бабушка, баушка, бабуля, баба, бабка, золовка, сноха, зять, родственники, родня, родные* и др.; слова разных частей речи: наречия: *семьей* (= *семейным кругом, объединенными усилиями членов семьи* [41. С. 45]); прилагательные: *семейный, родной, беспородный*; глаголы и существительные, обозначающие создание или распад семьи: *сватать, выйти (уйти) замуж, жениться, осемьиться, обсемьиться, венчаться, развестись* и др., *сватовство, свадьба, приданое, венчание, развод* и др.; устойчивые конструкции и фразеологизмы: *жить в семье, дружить семьями, в семье не без урода, в семье не без грома, лезть в чью-либо семью* и др.

Анализ сочетаемости показывает, что лексема *семья* используется в разнообразных словосочетаниях и конструкциях. Это, как правило, количественные конструкции и устойчивые сочетания:

- **я какой? / какая? был (-а) в семье:** *Я четвертая была в семье, средняя. Всего детей было шестеро; я была сама старша в семье, мне досталось больше всех;*
- **семья сколько? человек; сколько? человек было в семье:** *Семья четырнадцать человек; Семь человек было в семье; Я начал работать с тринадцати лет, в семье было шесть человек;*
- **идти / выйти в семью:** *Вот сестра моя вышла в семью; Я плакала, ведь в другу' семью шла, да и годков маловато было;*
- **зажить своей семьей:** *Потом я вышла замуж, своей семьей зажила;*
- **завести семью / семья завелась / обзавестись семьей:** *...молодые были, вечерами ходили, а постарше стали, семьи пообвели'ся, некогда было разгуливать; Придя из армии, очень тяжело пришлось, было трудно, потому что восстановительный период хозяйства был и семья завелась;*
- **жить в (своей) семье, жить с семьей:** *Не с этим дедушкой, у меня муж умер тот, в которой я семье жила, а это уж у меня муж второй; Отец сюда пришел, жил с семьей. Но заболел, в пятьдесят первом помер; Нет бы жить с семьей, бросил;*
- **семья прибавляется:** *Толик, ты посмотри: у нас семья-то опять прибавилась; Семья прибавляется, нам дали другу' квартиру побольше;*
- **кормить / выкормить / прокормить семью:** *Свекровушка немножко ворова у него, таку' семью бы не выкормила; а ись-то надо и семью кормить – берут за счет зарплаты;*

– **на семью (что? сколько чего? что делать?):** вот на се'мью коробку, берут коробками хлеб; Приедешь, ночью постираешь на семью и обратно поедешь; Мешок возьмешь муки, так на такую семью че?; На нашу семью, а больша была – два килограмма давали хлеба печеного; На всю семью одна кровать деревянна и палати большуушиш;

– **семья есть / семьи нет:** Ведь человек если женат или че-то есть, семья есть; А вот у этого, у Федьки, который рядом с ней, тоже, гыт, семья была, щас нету ничего и вот так болтается.

Фиксируется сочетаемость лексемы *семья* с прилагательными (**большая, небольшая, маленькая, хорошая, порядочная, неплохая, богатая, зажиточная, бедная, крестьянская, работающая, рабочая, своя, чужая, новая** и др.), анализ которых будет приведен далее.

В сибирских диалектных словарях и в словарях русского литературного языка отмечены следующие значения слова *семья*:

1. Группа людей, состоящая из мужа, жены, детей и других близких родственников, живущих вместе [41. С. 45].

2. перен. Группа людей, объединенных общей деятельностью, общими интересами [42. С. 76].

3. Группа животных, состоящая из самца, самки (самок) и детенышей, живущих вместе [Там же].

4. Группа родственных языков [Там же].

5. Пчел. Общество пчел, состоящее из рабочих пчел, матки и трутней [43. С. 213].

Наиболее часто слово *семья* в исследуемых автобиографических рассказах употребляется в первом значении из указанных. Встречается и употребление слова *семья* во втором, переносном значении: *Поэтому гуляли, и толпа вот эта вся улица, все шли в военкомат, и вот наша компания играет и пляшет, частушки поет... Это пели тогда уже все. И там компания, и та, запела, все подхватывали. Поэтому жили-то очень дружно, все жили как одна семья, и если уж проводы, все, поминки – все тут, то есть просто шли, разбирали, готовили, потом столы накрывали; редко – в 3-м и 5-м значениях. Частотность и преобладание первого значения в текстах обусловлена их жанровыми особенностями. Значительная часть автобиографического рассказа отводится семье, о чем свидетельствует построение автобиографического рассказа: сообщение о годе, месте рождения → информация о семье, в которой родился говорящий, родителей, о хозяйстве семьи → сведения о переезде, перемене места жительства (ссылке*

в Сибирь) → повествование о событиях в личной жизни, о сферах деятельности → информация о детях и их судьбе, о своей жизни в настоящее время [16].

Сведения о семье присутствуют при описании всех значимых этапов жизни человека:

– **рождение:** *Я родилась в семье большой, нас пятеро детей, я вторая в семье, нас четыре сестры, одна уже умерла, и один брат, ну раньше же большие семьи были;*

– **учеба:** *Кото'ры хорошо учились, кото'ры плохо. Я хорошо училась, как [так как] дома меня отец был грамотный. Тогда учились мало. Девоч почти не отдавали в школу, дескать, зачем, замуж выйдет, никака' грамота не надо; Вдруг перестали в школу принимать детей кулаков. Я закончил шесть классов, мне надо учиться в седьмом, а я сын кулака, меня не принимают в школу;*

– **жизнь в семье родителей:** *Семья моя были середняки. Когда я еще маленькая была, нас была семья семнадцать человек. Скотины было много, полный двор, до десятку запряженных лошадей. Телята, овцы стояли в хлеву;*

– **переезд / перемена места жительства (в том числе вынужденные):** *А Миша [брат] три года отслужил в десантной части. Вот и он уехал по комсомольской путевке в Усть-Каменогорск, получил квартиру, забрал жену с дочкой. А потом и мы поехали туда за братом. К брату приехали; В общем, как в Шегарку попала. Ну вот из того леспромхоза, мама когда вышла замуж за этого дедушку, они переехали в Каргасок. Вот. Там купили домик, а почему в Каргасок, там у дедушки была двоюродная сестра, жила. И она, значит, их туда переманила. Ну а они, соответственно, меня; Я родилась в Алтайском крае. А родственников по маминой линии раскулачили, сослали. [А откуда?] Вот и с Алтайского края, Быстроистокский район, вот. А мы уже приехали сюда в тридцат девятом году, как раз на Алтае был неурожай, сельское хозяйство такое было, возрождающееся, и отец завербовался сюда на Кетский лесозавод; Нас раскулачили, и потом седьмого марта, я хорошо помню, тридцатого, тыща девятьсот тридцатого года, нас, наверно, пять или шесть семей с деревни, погрузили на лошадей, и повезли в эту Рубцовку <...> В общем, в первых числах апреля прибыли в Высокий Яр, он и сейчас стоит этот Высокий Яр, и тогда был;*

– **работа:** *...я помогала им маленько и по дому помогала маме, сложила руки не сидел никто, работающая семья у нас была; После школы каждый день ходили помогать, а в выходные уже с утра мы ходили. И картошку нам давали. Дадут в семье сколько человек и столько рядов. Тоже со школы придём, бросаем сумки в первую очередь и идем помогать. Вот-от. И на хмель ходили. Тоже вот это хмель рвать. <...> Тоже ходили туда, тоже сколько-то рядков дадут нам, и мы должны пройти; Нас у маме было семь девчонк, только девчонки, и мама нас... Сама работала, и мы все делали, и хлеб себе сеели, голодные не были, ну дядька маленько нам помогал там, посеять, плуг наладить, и все; Пришел с фронта – надо работать. Семья появилась;*

– **создание семьи, свадьба:** *Невесту по природе искали. Порода хороша – вся родня хороша; Раньше на вечерках и знакомились. Тоды сговорятся, девка идет к отцу, к матери. Трое, четверо поедут. Отец захочет, отдаст, а если парень вороватый или порода плохая, то не берут; Ка'жны украшают вся'ко свадьбы. Я убе'гом шла. Так было заведено. Свекор блаславле'ния просил. Потом свадьбы, как родителям пондра'вятся;*

– **рождение и жизнь детей:** *Я нарожала их... в о'бщем, шесть у меня живых, один был мертвый. <...>А щас шесть человек у меня щас. Все живут у меня в го-орде, работают, все.*

Приведенные фрагменты показывают, что в устных автобиографических рассказах наряду с информацией о себе сообщается и о семье, что дает информанту возможность представить себя, объяснить причины своих поступков, черт характера, событий в жизни и т.д., поскольку семья выступает в качестве модели общества, института социализации, в котором человек получает основы трудового воспитания, опыт ведения хозяйства, умственное, нравственное, эстетическое развитие, перенимает опыт в разных сферах жизнедеятельности. В семье человек приобретает первые необходимые для жизни знания и навыки. Важным, как отмечает В.А. Зверев, в народной педагогике был принцип возрастной иерархии, трансляции знаний от старших к младшим, но не наоборот [44]: *Стали вспоминать, кто каки старинные песни знат. А им мы от родителей учились; Покойница мама мне говорила, если нет за первым мужем счастья, за вторым не ищи.*

В результате контекстуального анализа выявлены следующие когнитивные признаки, представленные в содержании концепта «Семья» и актуализованные в речи жителей сел Томской области.

1. Размер семьи (большая, небольшая, маленькая):

Да-а-а-а, держали мы целый двор. И овечек, и коз, и коровы, наверно, коровы две, наверно, было. [То есть зажиточно так?] Да-а-а, да, да, много держали. А семья большая, ведь, считай, десять человек; Родился в семье крестьянина хлебопашца. Семья небольшая, две сестры и три брата нас; Конечно, я родилась в семье большой, нас пятеро детей, я вторая в семье, нас четыре сестры, одна уже умерла, и один брат, ну раньше же большие семьи были; Жена с Коларовой, там у ней тоже почти все примерли. Одна сестра родна осталась. У них большуиша семья была, все молоды примерли: и братья, и сестры; Семья наша велика была.

Традиционные деревенские семьи были большими, они обычно состояли из родителей и большого количества детей, которые расценивались как будущие работники, обеспечивающие жизнедеятель-

ность семьи; от количества членов семьи зависело ее богатство: **Семья у нас была большая, сейчас таких уже мало найдешь, а раньше работники нужны были; Все жили своим хозяйством. Сами кушали – продадут и питались этими деньгами. Семья из ребят только девять, но не было такого, чтоб пойти куда-то работать.**

2. Благосостояние / социальный статус (богатая, зажиточная, крестьянская, бедная семья, середняки, бедняки):

*У нас мамка красивая – я на отца [похожа] – она красивая такая, она из такой семьи тоже, из **богатой семьи** мамка была; После гражданской войны **были бедные**, земли мало, семья большая была, детей семь было, вопчем прожил до самой молодости такой **беднотой в крестьянской семье**, так, например, было семнадцать лет мне, ни брюк, ни рубахи, надо к девушке идти; Семья-то бедна была у ее, а отец мужчина был видный, да красивый, работающий; **Зажиточная** семья. Жили мы в Алтайском крае. Отобрали все у нас. Все хозяйство забрали; **В крестьянской семье-то** выросла. Одиннадцать человек детей...*

Приведенные высказывания отражают взаимосвязь концептов «Семья» и «Богатство».

3. Соответствие / несоответствие нормам поведения, этики и морали. С учетом этого признака выделяются приличная / порядочная / хорошая / нормальная / ладная / плохая / худая / нехорошая и тому подобные семьи. Информанты дают оценку своей или чужой семьям, приводят аргументацию своего оценивания:

*И вот мне очень повезло с какой стороны, в том что у нас очень и очень была **порядочная семья**. При нас никогда не матерились, мы не знали матов никогда. При нас не ссорились родители, если у них что-то. Папа был высокий, красивый, а мама маленькая. Говорили, Катерина между ног у Андрея Григорыча проскочит. Ну и война, бабенки, конечно, заглядывались на папу. Но я не помню, чтобы мама и папа при нас ругались. Если что-то у них там, она ему может высказать и он ей, но без нашего присутствия, поэтому я и говорю, что мне повезло очень, потому что **очень хорошая семья** была; Вот к нам бывало как у нас **семья была хорошая** но вот у папы много было. У папы 8 человек была семья, и все, как один, на подбор – все высокие, вот. А мама маленькая, но пела очень хорошо, и вот любили к нам собираться петь; Пошла в чужую семью. **Семья была худая**. Людей много было у их, а все не работающие, все ленивые, не такие как у нас; А я-то сама **не из хорошей семьи**: у нас отец пил, мать забивал; Парнишка он ладный был, работающий, Семья у их тоже **ладная, справная**, меня опять же любил; Да тут одна семья, они не вылезат из тюрьмы. **Нехорошая** **кака-то** семья.*

Оценивая семью и обосновывая оценку, информанты отмечают соответствие общественным нормам, воспроизводят определенные стереотипные представления о семье, роли в ней мужчин и женщин:

...Мама боялась потерять кормильца своих детей, это же, это мы все понимаем, что муж в семье, в **нормальной семье**, добытчик, че говорить, он должен, конечно, участвовать в воспитании детей, все-все он должен делать, но он добытчик...

4. Отношения между членами семьи. На основании этого признака семья квалифицируется как дружная / недружная:

*Семья у нас большая. Жили мы дружно, что-то сблизвало всех; Щас вот мы с сестрой двое остались, мы каждый день перезваниваемся, и... и племянники, все. Это у нас уже **семья дружная**. Мама уже нас приучила; Ну, это мне очень нравится, что так вот дружно, никогда никаких нет ни ссор там, ни распрей каких-то, **дружная семья, хорошая**, че.*

Отметим большое количество контекстов, в которых описываются взаимоотношения мужа и жены, свекрови и снохи, снохи и золовки, детей и родителей, детей и мачехи и т.п.:

*Я своего мужа всю жизнь страшно любила, прожили мы с ним сорок девять лет, одного года не хватило до золотой свадьбы, и родню его всегда хорошо привечала, и со свекровью в ладах жила; Так и поженились, ну и свекровь меня ненавидела. Так прожила 18 лет, потом его на войну забрали, убили, так я и осталась; Ну и вот, я так к ним пришла в эту се'мью, ну жила. Мне, конечно, не сладко было. Две девочки было, **две золовки мои. Они, ну, они меня не обижали**, и вообще меня там не обижали; Замуж вышла – разошлись, муж меня выгнал, сказал: «Не нужна». **Золовка была злая**, говорила: «Не я буду, что я их не разведу». А потом, кода' Володя мне сказал, что: «Уходи», я ушла и она сказала: «Че хотела, то и добилась»; **Кака жизнь с мачехой?! Баба, правда, хороша была, работаца, но ведь не мать...***

5. Отношение к труду – признак, который ложится в основу характеристики крестьянской семьи как **работящей, рабочей**, потому что труд – основа ее существования:

*Наша завьяловская **порода работяца**, глазами все бы сделал, а руки уже хохь отруби, да выкинь, в плечах разламываются, не знаешь, куды девать; Вот которые туняядцы работать не хо'чут, вот те и раскулачивали. Вот. А мамато, с **рабочей семьи** она выросла, бабушка с дедушкой работали, у мамы, отец еще как в семнадцатом-то году погиб, родной-то отец.*

В традиционной культуре трудолюбие рассматривается как одна из целей семейного воспитания и воспитывается в детях с раннего возраста [44].

6. Наличие детей в семье: многодетная / бездетная семья:

*...вот все наши соседи, все – мы жили как одна семья. Вот нас было много детей, напротив не было у них, они **бездетные были**...*

Как уже отмечалось, традиционно в крестьянских семьях было много детей, многодетность была нормой и, соответственно, не отражалась в коммуникации. Словосочетания «многодетная семья, многодетная мать» встречаются в тех случаях, когда речь идет о социальных льготах для таких семей:

Мама на механизации была техничкой. Ну, нас было четверо, ну трое, считай, вот. Вот и все. [А было какое-то название многодетной семьи?] Ну не. Ну тогда' не, я не знаю, тогда' не было, не называли многодетной, трое детей; Я работаю техничкой в клубе. Многодетна, скоро на пенсию уйду; Сколько я лет работала? Года два, наверное. Ну и тоже почти носила и в сельском совете пол мыла, чтобы как-то. И за четверых я еще получала четыре рубля, ну, это, как пособие многодетным; Я инспектором работала в отделе госпособий. Тогда' одиноким и многодетным матерям по сорок рублей давали на каждого ребёнка. Вот видишь, какое пособие.

7. Наличие / отсутствие обоих или одного из родителей: полная / неполная семья:

У нас 25–30 человек детей было, ну и тогда в детском доме другие были дети, не такие как сейчас: тогда были в основном дети матерей-одиночек и сироты дети, а сейчас-то у всех детей где-то есть родители, они лишены родительских прав эти родители; Я с детства без родителей одна: ни сестры, ни брата, никого нет у меня. Я с тетей воспитывалась, и с тетей с такой, что она была тетей еще маме моей, а мне бабушкой или прабабушкой была.

8. Время создания семьи, продолжительность ее существования (молодая):

Вот они, представляете, молодая семья с детьми, то есть, соот... соответственно народу много получается. Вот прям... и да... А, ну потом, конечно, ну как раз до перестройки как раз семьи вот эти и приехали. Двадцать пятой серии дома. Да, прям семьи, да, с детьми; Вот когда переехали, пока там жили, мы там так мало жили, года полтора, мы там неплохо жили. Ну, как вот для молодой семьи. У нас и домик такой был, и картошку сажали, и все.

9. Своя / родная и чужая семья. Этот признак может быть интерпретирован по-разному: с одной стороны, своя семья может пониматься как семья родителей, с другой стороны – как своя созданная семья, а чужая семья – как семья мужа / жены или кого-то другого:

Я вот в своей семье была, я не предполагала, что я когда-то буду безработная, я в 66-м году, когда ликвидировали детский дом, я тогда была на положении безработного, а кто мне сразу бы дал работу, мне сразу никто не дал работу; ... вот народили и разошлись – не живут уже год. И парень бы ниче так, мне его жалко так. А она крик: «Баб, нет, все». Ну, а я уж и не лезу в и'хну се'мью; Старшая сестра умерла, а мы, я и младшая в Шега'рке вот живет. У ей семья своя, у меня своя семья была шест человек, а теперь вот я одна осталась; Пошла

в *чужу'* семью. Семья была худая. Людей много было у их, а все не работа'шши, все лени'вы, не таки' как у нас; Как Вам объяснить, без отца прожить – это очень сурезно для мужского человека. Для женщины. Женщины есть женицины, она то не дас, что дас мужчина. [Вы чувствовали в семье, как-то, ну, что Вы мужик в семье один?] Ну, я почувствовал, кода' с армии то'ка пришел уже. Кода' свою семью заводить стал, а так-то че мне было. Как говорится, поел, поспал и пошел. И все это; Вза'муж пойдешь, к свекру попадешь, в *другой семье* работать будешь; Потом я вышла замуж, *своей семьей* зажила; В феврале домой пришел. Пришел в *свою родну семью*; *Му'жсева семья-то* была маленькой: мужик мой да свекр со свекровью; *Щас* вот говорят, голод такой, я грю, это не голод, вот раньше, это был голод. Я *свою се'мью* кормила и *соседскую* кормила. Всякими неправдами, но не бросала тетю Надю.

10. Старожильческая / переселенческая семья:

...мало же было *семей сознанных*, они пережились там, вот, а потом уже... Вот у нас нет, нет наверно все-таки католиков; Он и вырос в семье рыбака, у них *высланная семья* была; А в тридцать втором году нас ссылали. Из полторы тыщи семей осталось триста семей живых и то не полностью.

Концепт «Ссылка» занимает значительное место в сибирской лингвокультуре; основными речевыми жанрами устной коммуникации, в которых он реализуется, являются воспоминание и автобиографический рассказ [45].

11. Профессиональная ориентация семьи. Во многих автобиографических рассказах информанты сообщают о передаче из поколения в поколение профессии, навыков какого-либо дела, которые приобретались в семье, что становилось источником ее благосостояния:

И сам по себе, раз... он вырос в *семье рыбака*, они с малых лет уже, отец тоже его рыбак, они с малых лет на этой рыбалке; У нас семья больша' была, так у нас мамаша целый ведечный чужун еды кусками вот таке'ми, и вот, милая моя, назавтра уж если останется мясо от ужина, мы его не ели, собакам выкидывали, да, хорошо жили, потому что у нас *семья охотников*, нельзя было вчерашнее мясо есть, нельзя; У нас в *семье все хлеборобы* были, и я пахать стал; Мы в нашей семье, женицины, занимались всё больше скотом, да рыбачили. Мужчины тоже, да ещё и плотничали они; *Родители были наши портные*. Шильталось семья бедняцкая тогда, а это отец у нас и мать шили шубы, по'льты мы шили, портные были.

12. Состав семьи:

Ну, мы в Новоабрамкине жили, а семья у нас че была: я помню – дедушку, бабушку, они потом померли, дедушка с бабушкой, мы остались, родители. Мать, отец и нас двое, у меня брат, он тоже в <шесть> лет помер, болел. Нас двое было всего в семье...

Для обозначения членов семьи используются лексемы **человек, душа, рот**:

В семье нас шесть человек было, ртов много, а есть нечего; Семья большая у нас была, шесть душ.

В автобиографических рассказах встречается не только перечисление членов семьи, но и данные об их возрасте, месте жительства, образовании, профессии, способностях, характере, истории их жизни:

У меня сестра старшая учительницей работала... Она на 13 лет меня старше, учительницей работала, потом круговую эту вот мерезжку сделали с нею вдвоем; У меня в Томске живет внук, сынов сын: ну вон над койкой сынок мой. И вот этой дочи, от сына сын, и от той дочери дочь. В Томске они живут. Маму и сына (уточняет) папу схоронила я их. Дочери было 43, было. Сыночке было 45. Щас бы уже Оле было бы 57 нынче. Ее Доченьке 37 лет. В Томске живет. Вон мааленькая у меня была Аленушка, теперь ей уже 37. А от сына сын. В 45 лет сына схоронила. Щас бы уже 52 было бы. А от этой дочери двое ребятишек. Здесь в Шегарке они все живут; Муж на войне погиб, хороший был. 3 детей. Дочь у меня хорошая картина. Молоденькая по 58-й статье попала. 12 лет отбывала, всех детей порастеряла. От первого мужа Славка жил со мной тут 5 лет. Потом уехал к дяде, тут не поглянулось. Теперь женился, и сын родился; Дети все учились, кончили по десяты классов, специальность получили, живут теперь в Томском. Внуки приезжают.

Состав семьи – один из факторов, определяющих ее благосостояние, которое, с одной стороны, зависело, как уже отмечалось, от количества детей как будущих работников, с другой – от наличия / отсутствия мужчины в семье:

Неграмотная женщина осталась с детьми, в возрасте от десяти до восьми месяцев, пятеро детей, рабочий маслозавода, я вот так вот вспоминаю, думаю: «Боже мой, как мы выжили, голод?!», но единственное, что нас спасало, это вот была корова. Когда мама и где, когда, кого она нанимала, тогда же не было таких условий, как сейчас.

13. Религиозность / атеистичность:

Семья религиозная у нас была, папа даже, наверное, в церкви работал. И колхозы образовывались, видимо, тут причина была, может быть. Не согласился вступить в колхоз. Ну, в общем, в тридцать первом году, в мае месяце нас оттуда выслали; Вот я выросла в семье, понимаете, раньше все, что было связано с обрядами, православной верой коммунистическая власть все преследовала, понимаете, и вот мама, хотя и неграмотная женщина, потом уже когда перестройка-то, она умерла в 88, семь лет назад в 2000 году, восемь будет даже вот 4-го ноября, она даже боялась молиться, потому что мужей снимали с работы, это вот никто не говорит ничего, все хорошо было, и мама боялась потерять кормильца своих детей.

14. Грамотность, наличие образования:

У нас были учителя в ту пору из старых интеллигентных семей. [Из старых – это из каких?] Ну каких, кто-то, может быть, сослан сюда. Из грамотных семей. Потому что грамотность же тогда была очень низкая. Вот мама у меня в школу вообще не ходила, только потом, когда уже вот революция прошла, вот эти школы для малограмотных и безграмотных...

15. Закрепленное законом / незаконное создание семьи:

Нет, я вот щас своих ругаю. Я грю: «Я вот жила в девчёнках. Вышла, как была девушкой, так и вышла девушкой, а вот... а вот [указывает] у меня долго жила в гражданском браке, а те потом сошлись, вот народили и разошлись – не живут уже год. И парень бы ниче так, мне его жалко так. А она грит: «Баб, нет, все». Ну, а я уж и не лезу в и'хну се'мью; Ну, раньше вот, ну, когда вот мы, это, мы были молодыми-то, даже не в регистрации, вот, например, свадьба, сговорились, значит, это все, щас – помолвка, тогда – просватанье. Просватали, значит, все, все это уже законно, а свадьба – тем более, уже муж и жена. Еще и даже не расписывались, нет. Вот, вся, как сказать, спаянность семьи – это свадьба.

В изучаемых текстах встречаются контексты, которые показывают, что вне зависимости от того, закреплены законом отношения или нет, обычаи, семейные традиции в крестьянской семье могут иметь большую силу. Согласно традиционному укладу вступление в брак предписывало женщине соблюдение, принятие правил семьи мужа:

Например, женищина должна принимать правила мужа, семьи мужа. Она входит в дом. Но каждая семья по-своему. Так как Володя вырос на том, что кололи свиней и кололи так, чтобы оставались сгустки крови, то есть Володя то же самое и повторял, на чем вырос. Мы этого в нашей семье не делали. Но когда я замуж вышла, вот это как бы хочешь – не хочешь, а надо было принимать. А постепенно к этому уже привыкаешь; С свекровкой сноха живет, вот и нябедничает. Что неправда, в семье поговорили, посоветовались, она разнесла. Эта к этому. Мети, да сор из избы не выноси.

16. Кровное и некровное родство: родная и приемная семья:

Остался сиротой в 1919 году. Ну и что говорить? Двадцатый год. Голодовка – вон моё и детство. Трудно было, не то что щас. Жил я в батраках. Хозяин мой середняком был. Жил я как дите у них. Кормили меня, одевали. Жил как их дите; Помню, в школу ходила. Последний год учебы. Вот была у меня подруга. Вот идем в школу. А она жила, у ей было две сестры и брат... мать вперед умерла, а отец на фронте, там погиб. Вот идем из школы, у меня надеть нечего, взади портянки тащутся. Она наступа'т и смеется. Я говорю: «Че смеется-то? Ладно ты с родней живешь, а я с чужой теткой».

Итак, понятийный слой концепта является детально разработанным в устной повседневной коммуникации сибиряков. Он представ-

лен достаточно большим количеством лексических единиц, отражающих количественные и качественные характеристики данного концепта. Выявленные когнитивные признаки лежат в разных плоскостях и отражают утилитарную, этическую, социальную, профессиональную стороны существования семьи. В содержании концепта отражается региональная специфика, которая проявляется в вычленении таких признаков, как переселенческая / старожильская семья, профессиональная ориентация.

Образный слой концепта «Семья»

Материал показывает, что образный слой изучаемого концепта в автобиографических рассказах жителей сибирских сел не так хорошо разработан, как понятийный и ценностный.

Изучение этого сегмента направлено на выявление образного функционирования лексических единиц, вербализующих концепт «Семья» (лексемы *семья*, ее дериватов и других репрезентантов концепта), а также определение метафорических моделей, которые объективируют концепт и включают два компонента: единицу, называющую сферу-источник, и единицу, называющую сферу-мишень.

Так, *семья* как единица, называющая сферу-источник для образных представлений, может номинировать некий коллектив людей, не объединенных родственными отношениями, и отражать специфику сельского внутрикollectивного взаимодействия, при котором существуют особые отношения, обусловленные общими интересами, ценностями и т.п.:

Школа и все классы – это была одна семья. И никто никого никогда там что-то еще... Этого не было; ... вот все наши соседи, все – мы жили как одна семья. Вот нас было много детей, напротив не было у них, они бездетные были, Ма'рченки жили. <...> купила, вот у нее достаток, детей не было, она <...> по одной конфетке вынесет – вот мне, Ольге, мы уже младшие были, те-то уже постарше были. Вы знаете, и как-то вот... все жили одной семьей.

Лексическая единица *семья* в прямом значении может использоваться в сочетании с глаголами переносной семантики, характеризующими ее как нечто хрупкое, способное разрушаться, распадаться на части:

Конечно, трудно было которым, но у нас семья не так уж и большая в войну была, рассыпалась; Вся семья так распалась.

В то же время семья может пониматься как совокупность людей, большое количество предметов, которые могут собираться в единое целое:

А вечером соберемся вся семья в кучку. Кто в гармошку, кто в балалайку, а мы уж пойдем плясать в семье, так хорошо жили.

Семья понимается как некое закрытое пространство, имеющее свои границы. Вмешательство в жизнь семьи номинируется в текстах метафорой *лезть в чью-либо семью*.

В устной коммуникации находит отражение представление о семье как сфере-мишени.

Семья, род может обозначаться метафорически словом *корни*: *...по фотографиям знала, что у меня корни еврейские есть; Я как-то ... ну здесь же родилась, здесь и все мы, здесь мои корни.*

Для обозначения детей используются кулинарные метафоры, которые актуализируются в единичных случаях:

...нас раскулачили... наверно, пять или шесть семей с деревни, погрузили на лошадей, и повезли в эту Рубцовку <...> ему было лет тридцать пять или шесть, у него было шесть ребятишек, и самый старший был примерно моего возраста, это одиннадцать лет... И вот а он как их, такую кучу, лапша целая – шесть ребятишек, один еще грудной последний, и вот мать сидит в этом коробе, а кругом ее это, а эти два, один со мной одногодок, а второй помоложе года на два, эти пешком шли, я тоже, конечно, пешком, как положено.

Кроме метафор встречаются образные сравнения, отражающие идею сближения ребенка и растительного мира. В данном случае ребенок уподобляется грибам (быстрый рост, крепкий организм и т.д.):

...ну спасибо господу богу, деточки у меня здоровенькие, никто не болели, как родятся рада, и растут как грибочки, и росли все, у меня сразу три сыночка были, а мы все радуемся, что у нас девочки все, мальчишечки появились, и мама пока живая, два при маме еще родились.

В текстах фиксируются и метонимические сближения лексем *семья* и *дом*: *в нашем доме так было не принято.*

Итак, образный слой анализируемого концепта представлен единичными актуализациями. При этом отметим разнообразие их выражения: это метафоры, метонимии, сравнения. Мир семьи может формировать исходную и результирующую сферы метафорических моделей. В исходной сфере преимущественно отражен мир растений (*корни, грибы*), продуктов (*лапша*), в исходной сфере актуализована семантика единения, родства.

Ценностный слой концепта «Семья» является хорошо представленным в устном автобиографическом дискурсе.

Семья занимает одно из главных мест в системе жизненных ценностей крестьян: *Ни семьи нет, семья была, первая жена где-то в Каргаске, что ли, вторая жена была пьющица, утонула*, – это одна из составляющих ценностной картины мира сельских жителей, что отмечается, в частности, в современных социологических исследованиях: «Семейные ценности считают значимыми для себя большинство россиян, независимо от типа поселений. Но среди селян отмечается больший процент брачности, меньший процент разводов, ориентация на большее число детей. Для селян семейные ценности входят в число базовых, определяющих образ жизни в силу их связанности с хозяйственной необходимостью» [46. С. 13].

В рассказах информантов о семье эксплицируются многие семейные ценности: наличие родителей, детей, мужа / жены, дома, еды, одежды, работы, здоровья, отсутствие вредных привычек, пороков у членов семьи:

Матери не было, отца не было, это у кого родители были, те учились; Страшно, когда женщина неродяца, на старость лет голову преклонить некуда. Бездетные у нас тут рядом жили старики, как бобыли жили; А та семья, где уважают труд – превосходно живут; В войну шибко я мучилась, одна без мужика, с девкой; Он [муж] сразу в фронт угодил. Жила, своего угла не было. В сорок четвертым году жила у брата, мамы не было... От че попало пьют, че попало. Так они-то напьются, а женам как досаждают. Други' воруют деньги, крадут, да пропивают, ве'иши пропивают у жены. У жены ута'ишат каки'-нибудь отре'зы. Не дай Бог это вино!; Встретимся, он трезвый. А потом как-то говорю: «Ты говорят мне пьешь». А он мне говорит: «Вот женюсь и брошу пить». Ну бросишь, так бросишь. Я и поверила. А он оказывается и женился, да не бросил. Нет, первые три года он не пил, Маринка у нас родилась. А потом как запил. И сказала хватит, помучилась, помучилась и бросила его и т.д.

Ценность обусловленными для семьи являются любовь, понимание, отношения с членами семьи, семейные традиции, общие интересы:

Кто в гармошку, кто в балалайку, а мы уж пойдем плясать в семье, так хорошо жили; Надеть семью любить и работу надеть тоже любить. Там оговорок нет...; Замуж я в е'тот дом вышла. Но жили мы мало, всего шесть месяцев, из-за свекру'вки разошлись. У отца мы жили горя не знали, заботы не знали, а замуж вышла, много горя хватила; Папа хороший тоже был. Семья хорошая была. Да, мне кажется, раньше как-то, у них все, наверное, хорошие были. Работали все, каждый себе, каждый помогали друг дружке, если... конечно, так живут. Оно и сейчас друг дружке помогают. Родители если да сестры, все равно.

Среди ценностей, которые может дать семья человеку, – воспитание, образование, трудолюбие, любовь к чистоте и к порядку. Результатом правильного воспитания, в представлении сельских жителей, является достойное, одобряемое обществом поведение детей. Позитивно оцениваются воспитание любви к труду, передача умений, практических навыков, желание дать образование детям:

Я хоть сама и неграмотна, но всех детей своих повьучила. Ну, думаю, повьучу всех. Я знаю, что я умная, да вот записать-то ничего не умею. И ум-то потому не к месту; И муж, и дети у меня всегда чисты ходили. У меня этого не было, чтоб грязь. И в дому' всегда прибрано было. Я и ребятишек к порядку приучила. Все они у меня делали и сейчас в колхозе хва'ют, что все умеют делать. Раньше трудно было жить, а тапе'рь лучше жить. Установи'лась жисть хорошая, помира'ть не захочешь никак.

Анализ всех слоев концепта «Семья» показывает, что в автобиографическом рассказе как ретроспективно направленном речевом жанре отражается сопоставление жизни информанта в настоящее и прошлое время и показывается динамика представлений о семье в течение XX–XXI вв. Исторические процессы и разнообразные факторы, нашедшие отражение в автобиографических рассказах, оказывают влияние на жизнь отдельного человека и его семьи. Этот факт находит яркое отражение в уникальном материале, собранном томскими диалектологами в течение последних семидесяти лет.

Л.Г. Гынгазова выделяет мировоззренческие константы традиционной культуры, к которым относятся «необходимость вступления в брак как следование социальной норме; важность своевременного создания брачного союза и для мужчины, и для женщины; одобрение союза, скрепленного венчанием или регистрацией; взвешенный подход к формированию семейной пары, поддерживавшийся институтом сватовства, соблюдение в семейной жизни выработанных веками поведенческих норм» [24. С. 69].

Вместе с тем необходимо отметить, что при сохранении основных констант происходят и трансформации традиционной культуры. Так, в современных текстах отмечается создание семьи без официального заключения брака, одобрения его родителями, обряда сватовства:

Нет, я вот щас своих ругаю. Я грю: «Я вот жила в девцёнках. Вышла, как была девишкой, так и вышла девишкой, а вот... а вот [указывает] у меня долго жила в гражданском браке, а те потом сошлись, вот народили и разошлись – не живут уже год. И парень бы ниче так, мне его жалко так. А она крик: «Баб, нет, все». Ну, а я уж и не лезу в и'хну се'мью.

В рассказах информантов встречается сравнение современных семей с теми, которые были раньше: *«Семья у нас была большая, сейчас таких уже мало найдешь, а раньше работники нужны были»; «Конечно, я родилась в семье большой, нас пятеро детей, я вторая в семье, нас четыре сестры, одна уже умерла, и один брат, ну раньше же большие семьи были»*. В современных семьях стало меньше детей, что вызывает сожаление: *«Еще жалею, что мало у меня детей, надо было больше, теперь жалею, надо было мне больше родить, а я мало, что четверо? У моей золовки восемь, она вырастила, и мне надо было хоть бы семь, хоть бы шесть, можа б другая доченька была, а то вот одна доченька, три сыночка, а доченька одна. Ну мужчины лучше, мужчины ходовее»*.

Автобиографические рассказы фиксируют не только уменьшение размера семьи, но и проживание взрослых детей отдельно от родителей:

Одна семья жила, пахота' была, покос. Потом стали расходиться по своим домам, да сколько слез-то было. А счас свадьбу справили и пошли в свою; Раньше в семье было не столь человек, жили по двадцать, по тридцать восемь человек и все вместе жили. Как было. Сыновья не разбеались, а с семьей там же и оставались, где родились. А счас один сын в семье, да и тот уж никому не подчинится.

Истоки этого процесса зародился в XIX в. Как отмечает В.А. Зверев, «в период 1861 – середины 1890-х гг. складывались предпосылки радикального преобразования менталитета, культуры и образа жизни крестьянства Сибири», – и в конце XIX – начале XX в. появились первые признаки модернизации (перехода к современному образу жизни и воспроизводству населения), к которым исследователь относит стремление вступать в брак не по желанию, выбору родителей, а по любви и в оптимальном возрасте, выделиться вместе с супругом из патриархического двора, создать эгалитарную семью, основанную на равенстве обоих супругов, попытки регулировать рождаемость [44. С. 218].

Трансформируется не только модель семьи в целом, но и отношения внутри нее. Например, в рассказах информантов, рожденных до 1916 г.. отмечается беспрекословное подчинение жены мужу, терпимость по отношению к рукоприкладству, сохранение семьи при любых условиях, что изменяется со временем:

У ней мать-то такая. Пьяный напился да что-то дуре'ть стал. Три года да-ли ему. Она поди ходит к ей. Мужуку надо покоряться-то; Не как сейчас, что сёдня с кузьями, а завтра со слезами едут оне'. А раньше, уж раз замуж выйдут, женятся, уже живут. Венец приняла, значит, жена должна уже подчи-

няться мужу и жить, горько ли, тошно, а живи; А ведь всё равно колотил отец мать. Только она молчала. И за что колотил, не знаю. Така' баба была ладная, мастерица. Уже так наверно велось, что муж жене колотить должен; Укра'дет и увезёт, на третий день идёшь в ноги кланисся. Родители не про'ти, а если и проти. Ить раньше стеснялись свекровок. И били мужики которых и всё равно жили; Много чего мы видели, а сейчас вышла замуж, две недели пожила и разбежались. А молоденька выходит, она ещё жисти не видела, а выходит. Не пожилося, разошлась.

В связи модернизацией института семьи, уходом взрослых детей из семьи родителей осуждается одиночество в старости при наличии детей, неуважительное отношение к пожилым родителям; положительно оценивается внимание взрослых детей к родителям:

Ростила, ростила, а таперь живи одна, как перст. Сам помер уже годков семь, детки разъехались, внуки учутся. Сижу одна как палка, туда гляну, никого нет, туда погляжу – нет никого, так и живу одна; Ниче не жалею, сейчас все ближе к смерти. Ровня все поумирали. Обидно только, что кого растили, того рядом нету; ...вышли замуж, получили специальность, уехали и все, молодцы, я своими детьми очень довольна, не только звонят и письма пишу, и деньги шлют и посылки шлют, нельзя я на своих детей, вот некоторые говорят: «Такой сякой, немзаный сухой». Нет, я ничего подобного не могу сказать.

В рассказах фиксируется изменение бытового уклада в семье, обычаев:

Ну раньше же вся семья ели вместе, это щас для каждого, а раньше-то этого не было. Хоть десять человек, хоть пять – чашка одна.

Жизнь ребенка в детском доме при наличии родителей осуждается, признается семейной аномалией, нарушением традиционного семейного уклада:

Тогда в детском доме другие были дети, не такие как сейчас: тогда были в основном дети матерей-одиночек и сироты дети, а сейчас-то у всех детей где-то есть родители, они лишены родительских прав эти родители.

Трансформации института семьи обусловлены разнообразными факторами. Среди них можно отметить влияние государственных, мировых, глобальных исторических событий XX в., имевших катастрофические последствия для населения и его воспроизводства.

Коллективизация, репрессивная политика государства привели к распаду семей, потере дома, родных при переезде с одного места на другое во время ссылки:

Родился я, вообще интересно, в 30-м году, то есть в 29-м году в феврале, моих родителей выслали в Пудинск, это остров среди болот, Пудинский район. Вот

так, собственно говоря, в феврале. Как они там жили, не знаю, ну а почему выслали? Деду предложили вступать в колхоз. Он числился середняком. Он отказался. Я, как говорится, все нажил своим собственным горбом, и в колхоз не поиду. Эти, он говорит, пьяницы, говорит, собираются за болота, вот, пожалуйста, выслали, там на берегу Чузика, в омут. И один домик, староверы жили. Как они первую ночь переночевали, непонятно. Но лес, тайга, рубили, на другой день. Зимой-то, кто шалаши делал, кто землянки копал, кто рубил, бараки строили. И как они выжили, я не знаю. Но старшие меня была сестренка, я еще не родился, я был у матери. И вот она умерла. Отец с матерью через болота, там шестьдесят километров по болоту зимой, сбежали после этого. Дед с бабушкой остались. И я родился в это время там, где родители матери жили. Во Второй Сибирцевой, Новосибирской области. Ну что, жить в бегах, можно быть всегда арестованным. Отец в другой деревне скрывался. Взяли их и обратно. И меня тащили по болоту по этому. Я не знаю зимой, пока болото не замерзло, не растаяло.

Во многих автобиографических рассказах сообщается о бедности, невозможности выехать из села, принудительном труде в колхозах и на поселении в определенный период истории:

Год прожили с мужем, поженились, приехали в Зырянку, где мои родители жили, ну я вам рассказывала в начале, вот, а через год мы поехали к его родителям туда вот, а зачем, чтобы привезти их к себе, они жили как рабы, у них не было паспортов, уже это был пятьдесят восьмой год, сорок один год советской власти, значит так, у них не было паспортов, почему? Они не могли никуда поехать, потому и специально, а кто будет работать просто за спасибо работать, им и спасибо никто не говорил, вот почему такая бедность была? Если они какую-то рыбу, какого-то зверька в лесу поймают, им некому продать-то в этой деревне, а сто двадцать километров до Каргаска, у них нет копейки, чтоб взять билеты на катер или на пароход, чтобы выехать и продать свою рыбёху, которую они добыли...

Великая Отечественная война также сказалась на жизни семьи: о потере родных на фронте, голоде, тяжелой работе, воспитании детей без отцов рассказывают все информанты, жизнь которых или жизнь их родителей пришлось на военное время:

Всех детей вывела, всех как есть. Работала в колхозе на всяких работах, где че, где удобней. Совершенно мало мужиков в войну было. Всё (женщины). Всего пережили, дрова на себе таскали. А мужа на второй год побил; Один брат убитый на войне, другой пришел калекой. Вот так. Сестра у меня есть. Также на военном заводе искалечили. У нас военный завод там был; Мама была беременна, и папу забрали на фронт. Забрали его по той причине, что, во-первых, он был коммунистом, во-вторых он был военнообязанный, вот, значит, и в-третьих, видимо, по возрасту уже, ему где-то было лет 26–27. И их двух мужчин, два друга, их в военкомат сразу. И они еще прошли как раз перед этим эту,

переподготовку. И все, и сразу их забрали. Я родилась уже без него. 22 июня началась война, 7 июля его взяли, вот. Это сорок первый. Сорок второй год. А я родилась 29 августа сорок первого. То есть седьмого июля его взяли, а в августе я родилась. И то есть я росла без него.

Исследование концепта «Семья» в аспекте его трансформации свидетельствует о том, что через рассказы о семье человек закрепляет себя в мире, идентифицирует себя со своим родом, местом рождения, проживания, с точки зрения своего возраста и семейного статуса:

*Всю жизнь свою прожила здесь. У меня прожили бабушка с дедушкой, мама с папой, моих дети и мои дети, и внуки, и правнуки! **Всё наше семейство**; А я щас одна живу. А тут вся семья была раньше. Много нас детей было'у роди'телев. **И родители тут помёрли**, и две сестры. А тоды'я с се'строй жила вдове; Вот, мне это сейчас 81, Вере было бы сейчас уже, еще 5, 95 бы уже было ей сейчас. В 75 она умерла. Потом так, 20 апреля Веру схоронили в Белоруссии, и в Нелюбино сестра младшая, на 2 года меня моложе 3-го марта умерла. В течение двух недель и старшая, и младшая.*

Таким образом, концепт «Семья» является одним из жанрообразующих признаков автобиографического рассказа, выполняющих функцию самопрезентации, самоидентификации человека, он отражает фрагмент ценностной картины мира сибирских крестьян. Специфика структурирования данного концепта в устном повседневном дискурсе заключается в том, что в нем детально разработанным оказывается понятийный слой концепта, формируемый 16 когнитивными признаками, отражающими преимущественно представления, сформированные традиционной, патриархальной культурой (семья должна быть большая, дружная, трудолюбивая, младшие почитают старших, дети должны получить образование и т.д.). В то же время отмечаются значительные изменения в системе семейных ценностей, детерминированные социально-историческими процессами. Эти изменения оцениваются информантами неоднозначно, и семья по-прежнему остается для них одной из главных жизненных ценностей.

Литература

1. Дементьев В.В. Что дало жанроведение современной лингвистике? // Жанры речи. 2020. № 3 (27). С. 172–194.
2. Шмелёва Т.В. Жанроведение? Генристика? Генология? // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М. : Лабиринт, 2007. С. 62–67.

3. Шмелёва Т.В. Речеведение в современной русистике // Русский язык: исторические судьбы и современность : тр. и материалы II Междунар. конгресса исследователей русского языка. М. : Моск. гос. ун-т, 2004. С. 30.
4. Гиндин С.И. Болевые точки теории речевых жанров // Русский язык сегодня : сб. докладов. М. : ФЛИНТА : Наука, 2015. Вып. 6: Речевые жанры современного общения. С. 55–61.
5. Дементьев В.В., Фенина В.В. Когнитивная генеристика: внутрикультурные речевые ценности // Жанры речи : сб. науч. статей. Саратов : Колледж, 2005. Вып. 4: Жанр и концепт. С. 5–34.
6. Дементьев В.В. Теория речевых жанров. М. : Знак, 2010. 600 с.
7. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты : дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2004. 322 с.
8. Слышкин Г.Г. Речевые жанры: перспективы концептологического анализа // Жанры речи: сб. науч. статей. Саратов : Колледж, 2005. Вып. 4: Жанр и концепт. С. 34–50.
9. Поршнева Н.В. Соотношение понятий «речевой жанр» и «концепт» в современной лингвистике // Креативная лингвистика : сб. науч. статей. Астрахань : Астрахан. гос. ун-т, 2020. С. 305–311.
10. Серебрянникова А.Н., Максимов В.В., Найдён Е.В. Концепт «Знание» в составе речевого жанра «Миссия университета» // Известия Томского политехнического университета. 2010. Т. 317, № 6. С. 204–208.
11. Игнатьева Т.В., Брягунова Н.С. Концепт «Комфорт» в речевом жанре объявления о продаже недвижимости // Слово. Грамматика. Речь. 2015. № 16. С. 251–254.
12. Шерстяных И.В. Специфика воплощения концепта в речевом жанре (на примере речевого жанра «Разговор по душам») // Казанская наука. 2017. № 4. С. 79–82.
13. Волошина С.В., Толстова М.А. Концепт «Работа» в женских автобиографических рассказах сибирских старожилов: константы и трансформация // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 425. С. 12–18.
14. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. М. : Худ. лит., 1986. С. 428–473.
15. Степанов Ю.С. Константы : словарь русской культуры. 3-е изд. М. : Акад. проект, 2004. 992 с.
16. Волошина С.В. Речевой жанр автобиографического рассказа (на материале диалектной речи) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2010. № 2 (10). С. 5–10.
17. Davis R. Mediating historical memory in Asian/American family memoirs: K. Connie Kang's «Home was the land of morning calm» and Duong Van Mai Elliott's «The sacred Willow» // Biography. 2007. Vol. 30 (4). P. 491–511.
18. Сидорина Н.П. Концепт «Семья» в ассоциациях носителей русского и турецкого языков // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. № 63-1. С. 323–329.

19. Самойлова Г.С., Комышкова А.Д. Мысль семейная в русской языковой картине мира: история ценностного отношения к семье по данным русского языка // Вестник Мининского университета. 2016. № 2. С. 23–30.
20. Добровольская Е.В. Концептуализация семьи в русской языковой картине мира : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2005. 24 с.
21. Матвеева М.В. Концепт «Семья» и его репрезентация в русском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 Тамбов, 2007. 249 с.
22. Занегина Н.Н. Концепт «Семья» в русском литературном языке и принципы его описания : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. 25 с.
23. Малышева В.А. Семья и семейные отношения глазами диалектоносителя (на материале идиолексикона) // Функциональный анализ значимых единиц языка: язык и семья : Межвуз. сб. науч. статей. Новокузнецк : РИО КузГПА, 2008. Вып. 3. С. 68–77.
24. Гынгазова Л.Г. Ключевые концепты традиционной народной культуры в речевых практиках сибирской крестьянки // Словесная культура Сибири в общероссийском и европейском контекстах (XIX – начало XX в.). Томск, 2019. С. 55–95.
25. Белковский С.В. Концепт «Семья» в современной массовой российской прессе // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 4-2. С. 193–199.
26. Яковлева С.Л. Фреймовая организация концепта «Семья» в пословичной картине мира финского языка // Педагогический журнал. 2013. № 3-4. С. 69–86.
27. Ани Рахмат. Концепт «Семья» в русской паремике: лингвокультурологический аспект : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2013. 24 с.
28. Павлова А.А. Жанр, гипертекст, интертекст, концептосфера (на материале внутрисемейных родословных). Белгород : Изд-во БелГУ, 2004. 162 с.
29. Рухленко Н.Н. Концепт «Семья» в жанре семейных родословных : дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2005. 195 с.
30. Синьшой У. Лингвокультурологическая специфика концепта «Семья» в русской и китайской культурах // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2009. № 105. С. 110–115.
31. Ян Ф. Концепт «Семья» в русской и китайской языковых картинах мира // Известия Томского политехнического университета. 2013. Т. 323, № 6. С. 250–255.
32. Биктагирова З.А. Концепт «Семья» в паремиологии английского, турецкого и татарского языков : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2007. 24 с.
33. Функциональный анализ значимых единиц русского языка: язык и семья : Межвуз. сб. науч. статей / отв. ред. С.П. Петрунина. Новокузнецк : РИО КузГПА, 2008. Вып. 3. 189 с.
34. Банкова Т.Б. Слова-мифемы в сибирском семейном обряде // Вестн. Том. гос. ун-та. 2008. № 314. С. 7–12.
35. Угрюмова М.М. Константы народной культуры в языковом воплощении представлений о ребенке (на материале говоров Среднего Приобья) // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 359. С. 25–27.

36. Волошина С.В. Воспоминания о родителях в структуре автобиографических рассказов сибиряков // Язык. Культура. Коммуникация: изучение и обучение : материалы IV Междунар. конф. (13 октября 2020 г., г. Орел). Орел : Ооловский гос. ун-т им. И.С. Тургенева, 2020. С. 223–228.

37. Гынгазова Л.Г., Иванцова Е.В. Муж и жена как константы традиционной народной культуры в речи диалектной языковой личности // Труды института русского языка им. В.В. Виноградова. 2017. № 12. С. 272–284.

38. Словарь детства: говоры Среднего Приобья (с лингвокультурологическим комментарием) / Н.А. Агапова, С.В. Волошина, Т.А. Демешкина и др.; под ред. М.М. Угрюмовой. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2018. 200 с.

39. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002. 477 с.

40. Рудакова А.В. Когнитология и когнитивная лингвистика. Воронеж : Истоки, 2004. 80 с.

41. Полный словарь диалектной языковой личности / авт.-сост. Т.Б. Банкова, З.М. Богословская, В.П. Васильев, Э.В. Васильева и др.; под ред. Е.В. Иванцовой. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2012. Т. 4: С–Я. 366 с.

42. Словарь русского языка : в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд. стереотип. М. : Русский язык, 1988. Т. 4. С–Я. 800 с.

43. Вершининский словарь / гл. ред. О.И. Блинова. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2002. Т. 6: Р–С. 454 с.

44. Зверев В.А. Дети – отцам замена: воспроизводство сельского населения Сибири (1861–1917 гг.). Новосибирск : Новосиб. гос. пед. ин-т, 1993. 244 с. URL: <https://hero.nspru.ru/handle/nspru/641> (дата обращения: 21.01.2021).

45. Демешкина Т.А. «Ссылка» как феномен сибирской лингвокультуры // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 56. С. 34–46.

46. Цапок С.В. Социокультурные особенности образа жизни современного сельского жителя : автореф. ... канд. социол. наук. Ростов н/Д, 2009. 28 с.

The Concept “Family” in the Oral Autobiographical Stories of Siberians

Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing, 2021, 27, pp. 39–68.

DOI: 10.17223/23062061/27/3

Svetlana V. Voloshina, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vsv1304@yandex.ru

Tatiana A. Demeshkina, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: demeta@yandex.ru

Maria A. Tolstova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tolstova_11@mail.ru

Keywords: speech genre, autobiographical story, concept, cognitive features, transformation.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 19-412-700001r_a.

The aim of the article is to analyze the implementation of the concept “family” in the speech genre of an autobiographical story. The research material is 200 oral autobiographical stories, which were recorded in the villages of Tomsk Oblast during dialectological expeditions from 1946 till 2021. The informants are residents of villages of Tomsk Oblast; they are representatives of different types of speech culture (native speakers of dialect and literary language). All stories are characterized by a relatively stable theme, means of language implementation, and structure, which allows qualifying them as a speech genre whose communicative purpose is to tell about life from the moment of birth to the moment of communication. The novelty of the article is connected with: (1) its appeal to the problem of interaction and mutual influence of the concept and the speech genre in oral everyday discourse, (2) the identification of cognitive features of the concept, (3) the definition of factors of transformation of ideas about the family in ordinary consciousness. The analysis of the concept makes it possible to obtain new data about the speech genre of the autobiographical story and its construction. The speech genre shows the dependence of the features of the content and implementation of the concept “family” on the sphere of functioning. This factor determines the theoretical significance of the results obtained. The analysis of the concept in the speech genre is carried out using the method of modeling and description of the conceptual, figurative, and value layers in the structure of the concept. As a result of contextual analysis, 16 cognitive features were identified; they are represented in the conceptual layer of the concept “family” and actualized in the speech of informants (family size, social status, compliance with moral norms, relations between family members, attitude to work, etc.). The conceptual layer is developed in detail in the oral everyday communication of Siberians. It is represented by a large number of lexical units. The figurative layer of the concept is characterized by single actualizations. At the same time, the variety of their expression is noted: metaphor, metonymy, comparisons are used. The world of the family can form the initial and resulting spheres of metaphorical models. In the initial sphere, the world of plants (roots, mushrooms), products (noodles) is mainly reflected; the semantics of unity and kinship is actualized in the initial sphere. The value layer of the concept “family” is well represented in the oral autobiographical discourse. It indicates that the family occupies one of the main places in the system of life values of peasants. The specifics of structuring this concept in the oral everyday discourse are determined mainly by the attitudes, norms of traditional culture (the family should be large, friendly, hardworking, young members of family honor the older ones, etc.). At the same time, changes in the system of family values determined by socio-historical processes are noted. These changes are evaluated ambiguously by informants, and the family is still one of the main values of life for them. Regional (natural, social, historical, geographic) specificity is reflected in the actualization of the concept.

References

1. Demytyev, V.V. (2020) What Have Genre Studies Given to Modern Linguistics? *Zhany rech'i – Speech Genres*. 3(27). pp. 172–194. (In Russian). DOI: 10.18500/2311-0740-2020-3-27-172-194

2. Shmeleva, T.V. (2007) Zhanrovedenie? Genristika? Genologiya? [Genre studies? Genristics? Genology?]. In: Wierzbicka, A. & Goldin, V.E. *Antologiya rechevykh zhanrov: povsednevnyaya kommunikatsiya* [Anthology of Speech Genres: Everyday Communication]. Moscow: Labirint. pp. 62–67.
3. Shmeleva, T.V. (2004) Rechevedenie v sovremennoy rusistike [Speech in modern Russian studies]. In: Remneva, M.L., Polikarpov, A.A. & Dedova, O.V. *Russkiy yazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost'* [The Russian Language: Historical Destinies and Modernity]. Moscow: Moscow State University. p. 30.
4. Gindin, S.I. (2015) Bolevye točki teorii rechevykh zhanrov [Pain points in the theory of speech genres]. In: Zanađvorova, A.V. (ed.) *Russkiy yazyk segodnya* [Russian Language Today]. Vol. 6. Moscow: FLINTA: Nauka. pp. 55–61.
5. Demytyev, V.V. & Fenina, V.V. (2005) Kognitivnaya genristika: vnutrikulturnye rechezhanrovye tsnnosti [Cognitive genetics: intracultural speech genre values]. In: Demytyev, V.V. (ed.) *Zhanry rechi* [Speech Genres]. Vol. 4. Saratov: Kolledzh. pp. 5–34.
6. Demytyev, V.V. (2010) *Teoriya rechevykh zhanrov* [The Theory of Speech Genres]. Moscow: Znak.
7. Slyshkin, G.G. (2004) *Lingvokul'turnye kontsepty i metakontsepty* [Linguocultural Concepts and Meta-concepts]. Philology Dr. Diss. Volgograd.
8. Slyshkin, G.G. (2005) Rechevye zhanry: perspektivy kontseptologicheskogo analiza [Speech genres: perspectives of the conceptual analysis]. In: Demytyev, V.V. (ed.) *Zhanry rechi* [Speech Genres]. Vol. 4. Saratov: Kolledzh. pp. 34–50.
9. Porshneva, N.V. (2020) Sootnoshenie ponyatiy “rechevoy zhanr” i “kontsept” v sovremennoy lingvistike [Correlation of the concepts of “speech genre” and “concept” in modern linguistics]. In: Galichkina, E. (ed.) *Kreativnaya lingvistika* [Creative Linguistics]. Astrakhan: Astrakhan State University. pp. 305–311.
10. Serebrennikova, A.N., Maksimov, V.V. & Nayden, E.V. (2010) Kontsept “Znanie” v sostave rechevogo zhanra “Missiya universiteta” [The concept of “knowledge” as part of the speech genre “University Mission”]. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta – Bulletin of the Tomsk Polytechnic University. Geo Assets Engineering*. 317(6). pp. 204–208.
11. Ignatieva, T.V. & Bryazgunova, N.S. (2015) The concept “comfort” in the speech genre announcements of property sale. *Slovo. Grammatika. Rech'*. 16. pp. 251–254. (In Russian).
12. Sherstyanykh, I.V. (2017) The specifics of implementing the concept of speech genre (for example, the speech genre “a heart-to heart-talk”). *Kazanskaya nauka – Kazan Science*. 4. pp. 79–82. (In Russian).
13. Voloshina, S.V. & Tolstova, M.A. (2017) The concept “work” in women's autobiographical stories of Siberian old residents: constants and transformation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 425. pp. 12–18. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/425/2
14. Bakhtin, M.M. (1986) *Literaturno-kriticheskie stat'i* [Literary critical articles]. Moscow: Khud. lit. pp. 428–473.

15. Stepanov, Yu.S. (2004) *Konstanty: slovar' russkoy kul'tury* [Constants: Dictionary of Russian Culture]. 3rd ed. Moscow: Akad. Proekt.
16. Voloshina, S.V. (2010) Rechevoy zhanr avtobiograficheskogo rasskaza (na materiale dialektnoy rechi) [Speech genre of an autobiographical story (based on dialect speech)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 2(10). pp. 5–10.
17. Davis, R. (2007) Mediating historical memory in Asian/American family memoirs: K. Connie Kang's "Home was the land of morning calm" and Duong Van Mai Elliott's "The sacred Willow". *Biography*. 30(4). pp. 491–511.
18. Sidorina, N.P. (2008) Kontsept "Sem'ya" v assotsiatsiyakh nositeley russkogo i turetskogo yazykov [The concept "family" in associations of speakers of Russian and Turkish languages]. *Izvestiya RGPU im. A.I. Gertsena – Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 63-1. pp. 323–329.
19. Samoylova, G.S. & Komyshkova, A.D. (2016) Family thought in the Russian language model of the world: history of the valuable relation to a family according to Russian. *Vestnik Mininskogo universiteta – Vestnik of Minin University*. 2. pp. 23–30. (In Russian).
20. Dobrovolskaya, E.V. (2005) *Kontseptualizatsiya sem'i v russkoy yazykovoy kartine mira* [Conceptualization of the family in the Russian linguistic picture of the world]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tomsk.
21. Matveeva, M.V. (2007) *Kontsept "Sem'ya" i ego reprezentatsiya v russkom yazyke* [Concept "family" and its representation in Russian]. Philology Cand. Diss. Tambov.
22. Zanegina, N.N. (2011) *Kontsept "Sem'ya" v russkom literaturnom yazyke i printsipy ego opisaniya* [The concept of "family" in the Russian literary language and the principles of its description]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
23. Malysheva, V.A. (2008) Sem'ya i semeynye otnosheniya glazami dialektonositel'ya (na materiale idioleksikona) [Family and family relations through the eyes of a dialect carrier (based on the idioplexicon)]. In: Petrunina, S.P. (ed.) *Funktsional'nyy analiz znachimykh edinits yazyka: yazyk i sem'ya* [Functional analysis of significant language units: language and family]. Vol. 3. Novokuznetsk: KuzSPA. pp. 68–77.
24. Gyngazova, L.G. (2019) Klyucheveye kontsepty traditsionnoy narodnoy kul'tury v rechevykh praktikakh sibirskoy krest'yanki [Key concepts of traditional folk culture in the speech practices of the Siberian peasant woman]. In: Aizikova, I.A. (ed.) *Slovesnaya kul'tura Sibiri v obshcherossiyskom i evropeyskom kontekstakh (XIX – nachalo XX v.)* [Verbal culture of Siberia in the general Russian and European contexts (the 19th – early 20th century)]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 55–95.
25. Belkovskiy, S.V. (2013) Kontsept "Sem'ya" v sovremennoy massovoy rossiyskoy presse [Concept "family" in the modern mass Russian press]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*. 4-2. pp. 193–199.
26. Yakovleva, S.L. (2013) Freymovaya organizatsiya kontsepta "Sem'ya" v poslovichnoy kartine mira finskogo yazyka [Frame organization of the concept "family" in

the proverbial picture of the world of the Finnish language]. *Pedagogicheskiy zhurnal*. 3-4. pp. 69–86.

27. Rahmat, A. (2013) *Kontsept "Sem'ya" v russkoy paremike: lingvokul'turologicheskiy aspekt* [Concept "family" in Russian paremics: the linguoculturological aspect]. Abstract of Philology Cand. Diss. St. Petersburg.

28. Pavlova, A.A. (2004) *Zhanr, gipertekst, intertekst, kontseptosfera (na materiale vnutrisemeynykh rodoslovnykh)* [Genre, hypertext, intertext, conceptual sphere (based on intra-family genealogy)]. Belgorod: BelSU.

29. Rukhlenko, N.N. (2005) *Kontsept "Sem'ya" v zhanre semeynykh rodoslovnykh* [Concept "family" in the genre of family genealogy]. Philology Cand. Diss. Belgorod.

30. Xinyu, U. (2009) *Lingvokul'turologicheskaya spetsifika kontsepta "Sem'ya" v russkoy i kitayskoy kul'turakh* [Linguoculturological specificity of the concept "family" in Russian and Chinese cultures]. *Izvestiya RGPU im. A.I. Gertsena – Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 105. pp. 110–115.

31. Yan, F. (2013) *Kontsept "Sem'ya" v russkoy i kitayskoy yazykovykh kartinakh mira* [Concept "family" in the Russian and Chinese language pictures of the world]. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta – Bulletin of the Tomsk Polytechnic University. Geo Assets Engineering*. 323(6). pp. 250–255.

32. Biktagirova, Z.A. (2007) *Kontsept "Sem'ya" v paremiologii angliyskogo, turetskogo i tatarskogo yazykov* [Family concept in paremiologies of English, Turkish, and Tatar languages]. Abstract of Philology Cand. Diss. Kazan.

33. Petrunina, S.P. (2008) *Funktsional'nyy analiz znachimykh edinits russkogo yazyka: yazyk i sem'ya* [Functional analysis of significant language units: language and family]. Vol. 3. Novokuznetsk: KuzSPA.

34. Bankova, T.B. (2008) *Slova-mifemy v sibirskom semeynom obryade* [Words-myths in the Siberian family rite]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 314. pp. 7–12.

35. Ugryumova, M.M. (2012) Folk culture constants in linguistic realisation of concept of child (based on material of Middle Priobie dialects). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 359. pp. 25–27. (In Russian).

36. Voloshina, S.V. (2020) *Vospominaniya o roditelyakh v strukture avtobiograficheskikh rasskazov sibiryakov* [Memories of parents in the structure of autobiographical stories of Siberians]. *Yazyk. Kul'tura. Kommunikatsiya: izuchenie i obuchenie* [Language. Culture. Communication: study and teaching]. Proc. of the Fourth International Conference. October 13, 2020. Orel: Orel State University. pp. 223–228.

37. Gyngazova, L.G. & Ivantsova, E.V. (2017) *Muzh i zhena kak konstanty traditsionnoy narodnoy kul'tury v rechi dialektnoy yazykovoy lichnosti* [Husband and wife as constants of traditional folk culture in the speech of a dialectal linguistic personality]. *Trudy instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova*. 12. pp. 272–284.

38. Agapova, N.A., Voloshina, S.V., Demeshkina, T.A. et al. (2018) *Slovar' detstva: govory Srednego Priob'ya (s lingvokul'turologicheskim kommentariem)* [Dictionary of childhood: dialects of the Middle Ob region (with linguoculturological commentary)]. Tomsk: Tomsk State University.

39. Karasik, V.I. (2002) *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [The language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd: Peremena.
40. Rudakova, A.V. (2004) *Kognitologiya i kognitivnaya lingvistika* [Cognitology and cognitive linguistics]. Voronezh: Istoki.
41. Bankova, T.B., Bogoslovskaya, Z.M., Vasiliev, V.P., Vasilieva, E.V. et al. (2012) *Polnyy slovar' dialektnoy yazykovoy lichnosti* [Complete Dictionary of Dialect Language Personality]. Vol. 4. Tomsk: Tomsk State University.
42. Evgenieva, A.P. (ed.) (1988) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. 3rd ed. Vol. 4. Moscow: Russkiy yazyk.
43. Blinova, O.I. (ed.) (2002) *Vershininskiy slovar'* [The Vershinino Dictionary]. Vol. 6. Tomsk: Tomsk State University.
44. Zverev, V.A. (1993) *Deti – ottsam zamena: vosproizvodstvo sel'skogo naseleniya Sibiri (1861–1917 gg.)* [Children are substitutes for fathers: reproduction of the rural population of Siberia (1861–1917)]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical Institute. [Online] Available from: <https://repo.nspu.ru/handle/nspu/641> (Accessed: 21st January 2021).
45. Demeshkina, T.A. (2018) “Exile” as a phenomenon of the Siberian linguaculture. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 56. pp. 34–46. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/56/3
46. Tsapok, S.V. (2009) *Sotsiokul'turnye osobennosti obraza zhizni sovremennogo sel'skogo zhitelya* [Sociocultural features of a modern villager's lifestyle]. Abstract of Sociology Cand. Diss. Rostov on Don.

КНИГА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

УДК 821.161-1 + 76.03/09
DOI: 10.17223/23062061/27/4

Н.Л. Панина

ПОЛИЛИНГВАЛЬНЫЕ ТАБЛИЦЫ «ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО КУРСА ОБУЧЕНИЯ» В.А. ЖУКОВСКОГО В КОНТЕКСТЕ НАСТОЛЬНО- ПЕЧАТНЫХ ИГР ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.¹

Аннотация. В начале 1850-х гг. В.А. Жуковский разрабатывает таблицы с рисунками предметов и явлений и их зашифрованными названиями на четырех языках. Последовательное применение визуальной дидактики выглядит новаторским на фоне учебных пособий того времени и в их контексте не может быть объяснено, но оно может рассматриваться как органическое продолжение традиции «полезных» семейных настольных игр на уровне визуального и пространственного решения, зримой и тактильно воспринимаемой формы, механизмов взаимодействия ребенка с пособием.

Ключевые слова: учебное пособие, полилингвальное обучение, визуальная дидактика, настольные игры, В.А. Жуковский.

Четырехязычные таблицы с рисунками [1] являются частью «Первоначального курса обучения», который В.А. Жуковский разрабатывал в последние годы жизни. История создания этого новаторского для середины XIX в. комплекса учебных пособий подробно освещена Д.В. Долгушиным [2]. «Курс» стал итогом многолетней педагогической деятельности В.А. Жуковского. В 1851–1852 гг. поэт разрабатывал его и одновременно уже занимался по нему с дочерью Сашей. Одной из важнейших задач обучения было овладение русским языком, так как в семье Жуковских говорили на немецком и французском языках. Для этой задачи полилингвальные таблицы предназна-

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00529.

чались в первую очередь, хотя их конструкция преследовала в конечном счете гораздо более сложную цель.

К моменту составления таблиц В.А. Жуковский уже накопил значительный опыт преподавания русского языка как иностранного на основе собственноручно изготовленных визуальных пособий. В 1820-х гг., обучая русскому языку будущую императрицу Александру Федоровну, он использовал карточки большого формата (14 × 40 см), на которых были размещены грамматическая таблица русского языка, примеры словообразования, образцы написания прописных и строчных букв и азбука в картинках. Возможно, к этому же периоду относится картон такого же формата с немецкими прописями и азбукой в картинках [2. С. 95]. То, что полилингвальные таблицы начала 1850-х гг. являются развитием этих первых живописных азбук, подтверждает не только сохраненный принцип объединения вербальных элементов, рисунков и таблиц, но и прямые соответствия, например рисунок Цербера, охраняющего вход в Аид, в качестве рисунка к слову «Ад».

Дальнейшее развитие замысла происходит в начале 1840-х гг. В это время В.А. Жуковский занимается русским языком с женой Елизаветой Алексеевной, родным языком которой также был немецкий. Сохранилась рукопись, написанная ее рукой и озаглавленная «Живописная азбука» [3]. Рукопись не содержит изображений, только ряды русских слов и их немецких аналогов, объединенные в блоки (один блок занимает страницу целиком), пронумерованные римскими цифрами. Внутри каждого блока – восемь групп по пять слов. Так, блок № I включает следующие группы слов:

Ай. Das Faultier.
Бой. Der Kampf.
Вой. Das Geheul.
Рай. Das Paradies.
Рой. Der Schwarm / Geschwärm.

Адъ. Die Hölle.
Ель. Die Tanne.
Ось. Die Achse.
Ёжь. Der Igel.
Ужь. Die Schlange.

Боръ. Der Tannenwald.
Ботъ. Der Boot.

Басъ. Der Baß.
Бѣсъ. Der Teufel.
Букъ. Die Buche.

Паръ. Der Dampf.
Пукъ. Das Bündel.
Валь. Der Wall.
Возъ. Der Wagen.
Футъ. Der Fuß.

Мысъ. Das Forgebirge.
Мышь. Die Mauß.
Мулъ. Das Maultier.
Нишь. Die Niche.
Ножъ. Das Messer.

Нуль. Die Null.
Ларъ. Die Kiste.
Лѣсъ. Der Wald.
Левъ. Der Löwe.
Лобъ. Die Stirne.

Лѣдъ. Das Eis.
Лугъ. Die Aue / Wiese.
Лукъ. Der Bogen.
Лукъ. Die Zwiebel.
Лань. Das Reh.

Дымъ. Der Rauch.
Дубъ. Eiche.
Даль. Die Weite.
Тазъ. Das Becken.
Тынь. Der Zaun.

Очевидно, что односложные русские слова объединены в группы по принципу созвучия. Следующие блоки содержат ряды постепенно усложняющихся по написанию и звучанию слов, принцип созвучия заменяется на принцип тематического соответствия, смещаются акценты: значение слова становится важнее его звучания. Здесь проявился подход, который был обозначен В.А. Жуковским как триада «предмет–понятие–слово» [2. С. 95] и который в дальнейшем определил форму визуального ряда «Первоначального курса обучения», рассчитанного на прочтение, рассматривание и понимание: звучание

слова первично для восприятия, но нужно двигаться от него к значению, потому что значение важнее звучания; внешний вид предмета первичен для восприятия, но нужно двигаться от него к понятию.

Визуальный ряд – это некоторая целостность, состоящая из изобразительных элементов (иллюстрация, репродукция картины, рисунок), элементов художественного оформления (виньетка, заставка, орнамент, рамка), графических элементов (схема, схематический рисунок) и графических элементов оформления (линия, выделение, шрифт, интервал) [4. С. 17]. При исследовании полилингвальных таблиц В.А. Жуковского представляется оправданным выделить их внутри общего визуального ряда «Первоначального курса обучения» как самостоятельную целостность. С одной стороны, они демонстрируют причастность к общей концепции курса: здесь те же принципы оформления, те же принципы выделения и объединения элементов – букв, блоков ячеек внутри таблицы, что и в других разделах «Курса». С другой стороны, это совершенно самостоятельное и законченное учебное пособие, которое может использоваться отдельно, и его самостоятельность также визуально очевидна благодаря единообразной табличной структуре, резко отличающейся от структуры других частей курса. Визуальный ряд «Курса» очень сложен [5], он содержит большое количество нефигуративных элементов: отдельных графических символов и их комбинаций, диаграмм, карт и др. Таблицы резко выделяются на этом фоне в первую очередь благодаря плотности сюжетно-образных включений.

Под таблицы В.А. Жуковский отвел двадцать листов картона размером 41 × 26 см, расчерченных на 40 крупных ячеек. Справа и слева к ним примыкают колонки, расчерченные на более мелкие ячейки, в которых помещены буквы и цифры. В центре каждой крупной ячейки расположен рисунок. Работа над картонами не была закончена, но большинство их имеет законченный вид. Таблицы I–XV пронумерованы, карандашные линии рисунков пройдены тушью, некоторые подвечены акварелью. Оставшиеся пять таблиц подготовлены к заполнению ячеек рисунками. Одна из них осталась совершенно незаполненной, три заполнены карандашными рисунками, в одной первые две колонки заполнены рисунками тушью, остальные ячейки пустые.

По периметру рисунка расположено четыре ряда цифр, которыми зашифровано название предмета или явления, изображенного на ри-

сунке. Название дано на четырех языках: русском, немецком, французском и латинском. Буквам и сочетаниям букв в этих языках соответствуют цифры от 1 до 32. Соответствия букв и цифр сгруппированы в колонках по правому и левому краям таблицы. Иными словами, в этих колонках содержатся шифровальные коды, которые ученику необходимо задействовать при прочтении слова¹.

Так, для идентификации русскоязычной подписи первого рисунка в первой таблице цифру 1 нужно соотнести с русской буквой «а», цифру 22 с буквой «й» и получить слово «ай». Для прочтения французского слова справа от рисунка нужно соотнести цифру 8 с французской (латинской) буквой «р», цифру 1 – с буквой «а», цифру 14 – с буквой «г» и так далее, получив в результате слово «paresseux» («paresseux»). Немецкое слово восстанавливалось из сопоставления цифр и готических букв и сочетаний: 10 – «rf», 1 – «а» и т.д. Таким образом, рисунок животного на дереве, очень живой и выразительный, но загадочный и непонятный (лесная кошка? белка? куница?) оказывается изображением трехпалого ленивца: «1.22. / 8.1.14.18.23.23.18.21.31.23 / 7.14.1.15.19.8.5.23 / 10.1.5.13.16.19.18.14», т.е. «ай / paresseux / bradypus / pfaultier».

По составу слов таблицы практически идентичны рукописи Е.А. Жуковской. Так, первая группа слов из рукописи «Живописная азбука» составляет первую колонку таблицы I «Первоначального курса обучения» (рис. 1), вторая группа – вторую колонку и т.д. В рукописи Е.А. Жуковской пропущены блоки № IV и № V. Начиная с блока № VI слова подбираются тематически в рамках одной группы. В картонах «Курса» тематическая однородность появляется впервые в таблице V. Она проявляется на визуальном уровне в границах вертикального ряда (колонки), усиливается постепенно от таблицы к таблице и наиболее явно обнаруживает себя начиная с таблицы X, уже целиком посвященной одной теме – теме еды и посуды. В таблице XI находим обозначения и изображения повозок и сельских орудий труда, в таблице XII – сельскохозяйственных работ и т.д.

Следует отметить, что в таблицах некоторые немецкие слова заменены синонимами. Так, переводом для русского «бор» в рукописи

---

¹ Таблица цифровых и буквенных соответствий опубликована Д.В. Долгушиным [2. С. 96].

Е.А. Жуковской служит «der Tannenwald», а в таблице I это слово заменяется на «der Fichtenwald»; «der Baß» («бас», музыкальный инструмент) заменяется на «die Baßgeige», «die Schlange» («уж») на «die Natter», «die Kiste» («ларь») на «die Truhe», «das Reh» («лань») на «der Damhirsch», «die Weite» («даль») на «die Ferne».

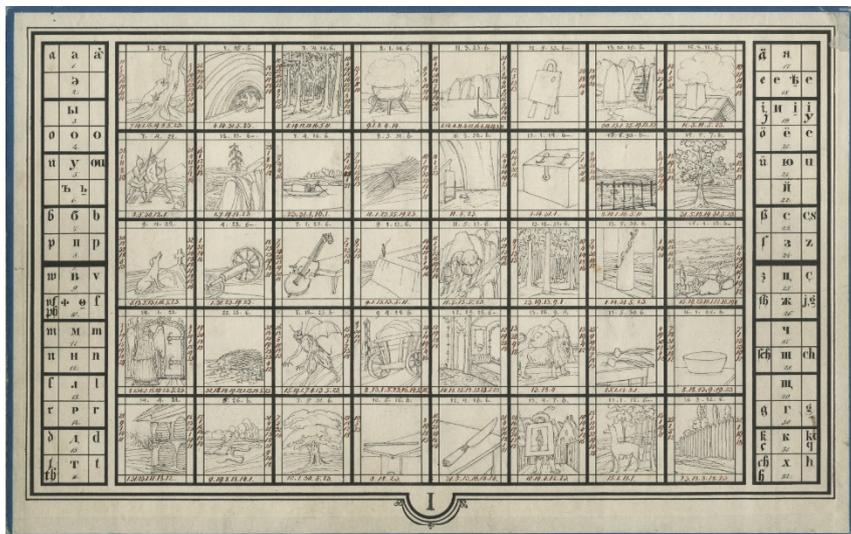

Рис. 1. В.А. Жуковский. Первоначальный курс обучения. Таблица I

Заслуживает отдельного внимания разнообразие сюжетных и композиционных решений в рисунках. Речь идет именно о сюжетах, самостоятельных и развернутых. Рисунки содержат детали, существенно дополняющие основное значение слова, они явно рассчитаны на внимательное рассматривание, сопоставление и истолкование. Так, в таблице I с изображением входа в Аид (рис. 2, в центре), охраняемого Цербером («Ад»), перекликается изображение кованых врат, охраняемых архангелом («Рай»); сквозь все таблицы проходит ряд узнаваемых фридриховских мотивов – фрагментов горных пейзажей в духе К.Д. Фридриха, одного из любимых художников В.А. Жуковского. Примером может служить рисунок к слову «жизнь» (рис. 3, в центре).

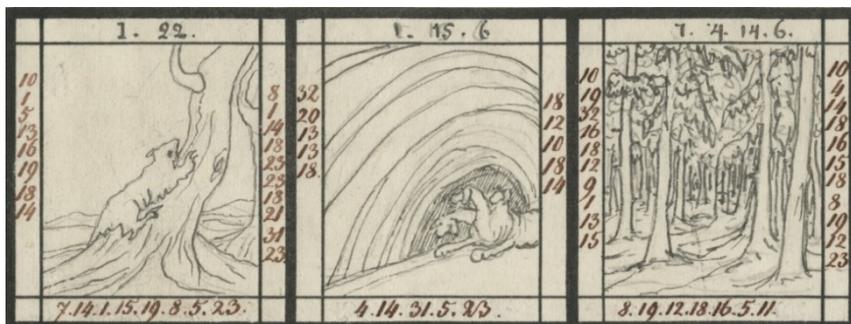

Рис. 2. В.А. Жуковский. Первоначальный курс обучения. Таблица I, фрагмент.
Слова «ай», «ад», «бор»

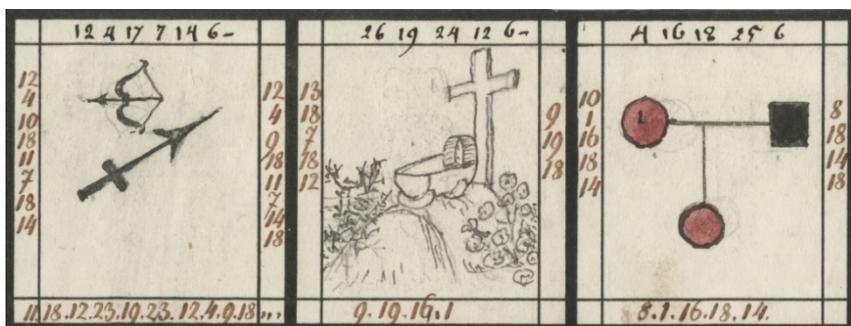

Рис. 3. В.А. Жуковский. Первоначальный курс обучения. Таблица XIV, фрагмент.
Слова «ноябрь», «жизнь», «отец»

Большинство таблиц заполнено сюжетно-образными изображениями, но некоторые содержат также символы, схемы и карты. Они появляются в таблицах XIII, XIV (рис. 4) и XV и знаменуют уровень абстрактных понятий, к которому ребенок приходит, пройдя уровень звуковых (таблицы I–IV) и тематических (таблицы V–XII) соответствий. В рамках этих уровней даже абстрактные понятия изображаются в сюжетной форме: например, в таблице I слово «нуль», которое открывает очередной ряд односложных созвучий, сопровождается рисунком с грифельной доской и написанным на ней нулем (см. рис. 1, шестая ячейка в верхнем ряду по горизонтали). С помощью символов

изображены значения слов, связанных с темой года («год», «день», «месяц», «январь» и т.д.). В основном здесь используются зодиакальные знаки и их комбинации. Схематически изображены понятия родства («отец», «мать», «зять» и т.д.). Своеобразным переходом от сюжетных рисунков к символическим и схематическим служат аллегорические изображения, которые соответствуют понятиям времени («ночь», «день» в таблице XIII, «время» в таблице XIV) и возраста («жизнь», «ребячество», «молодость», «мужество», «старость» в таблице XIV).

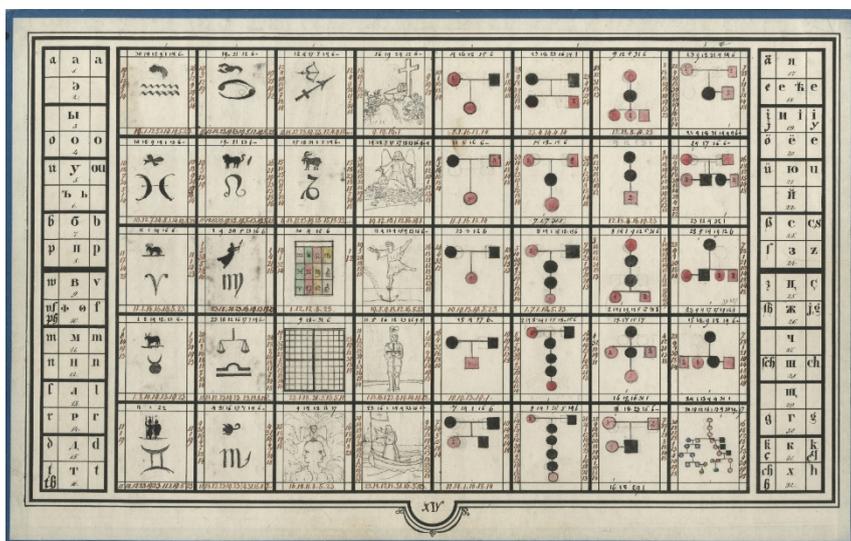

Рис. 4. В.А. Жуковский. Первоначальный курс обучения. Таблица XIV

Визуальный акцент на буквах и рисунках, казалось бы, позволяет определить разработанное В.А. Жуковским пособие как полилингвальный букварь в картинках, но обычные цели и задачи букваря здесь существенно усложнены. Усложнение происходит, во-первых, на уровне работы ребенка с пособием, за счет последовательной интерактивности, дидактической игры, основанных на задаче поиска значений путем декодирования. Во-вторых, цель, которая определяется общей концепцией «Курса», оказывается значительно шире изучения базовой лексики четырех языков.

Применение на практике средств визуальной дидактики выглядит совершенно новаторским на фоне не только букварей, но и других учебных пособий середины XIX в. Требования наглядности обучения, движения от чувственно воспринимаемой конкретики к формированию понятий, ориентации на эвристическую самостоятельность ученика не раз высказывались европейскими педагогами, на которых ориентировался В.А. Жуковский, таких как Песталоцци, Рамзауэр, Дистервег [6]. Несмотря на это, инструменты визуальной дидактики не разрабатывались, и основным средством обучения оставался текст. Определение ситуации с визуальностью в российских азбуках и букварях первой половины XIX в. – «функциональное бездействие» [4. С. 54] – может быть отнесено и ко всем другим видам пособий для начального образования. Тем не менее, как представляется, картоны с таблицами «Первоначального курса обучения» не родились в вакууме. Они стали органическим продолжением традиции «полезных» семейных настольных игр. В этом убеждают очевидные соответствия не только на уровне визуального и пространственного решения, зримой и тактильно воспринимаемой формы, но и на уровне механизмов взаимодействия ребенка с пособием.

В XVIII – первой половине XIX в. детские настольные игры, которые приходят в Россию из Европы, в качестве средства обучения развиваются параллельно с учебными пособиями. Два этих вида печатной продукции, казалось бы, преследующие общие цели, на деле практически не пересекались. Сфера семейного досуга, к которой относились настольные игры, на долгое время стала непреодолимой границей, препятствовавшей обогащению инструментов визуальной дидактики в образовательной литературе за счет опыта настольных игр. Ситуация была, скорее, обратной: многие игры в первой половине XIX в. выходили в виде книг, а собственно картонажные игры были перенасыщены текстами. Огромная распространенность настольных игр в семейном обиходе делала их частью повседневности, воспринимавшейся автоматически: писатели и мемуаристы, увлеченно описывавшие мир детства, об этих занятиях практически не вспоминали [7. С. 24].

Игры, которые обнаруживают наибольшие параллели с таблицами В.А. Жуковского, по своему назначению занимали промежуточное положение между образовательными и развлекательными. Во-первых, это игры с расчерченными картонными полями, такие как лото и

«гуськи», или «гусёк» (*Gansespiel, jeu de l'oie*: лента, разделенная на клетки, вьется по полю, игроки переходят от одной клетки к другой, двигаясь к центру поля или конечной клетке). С одной стороны, были распространены обучающие варианты этих игр, исторические, географические, геральдические [8]. С другой стороны, эти игры входили в категорию «игр счастья» (*Glücksspiels*): результат в них определялся показаниями брошенного кубика или выпавшей карты [9]. Кроме того, и те и другие классифицировались как развлечения для общества, общественные игры (*Gesellschaftsspiele, jeux de société*). Во-вторых, на разработки В.А. Жуковского явно оказали влияние игры со словами (шарады, ребусы, загадки), использовавшие разнообразные материалы от сборников загадок до настольных карточных игр, но не требовавшие обязательного специального инвентаря. Они также входили в категорию *jeux de société* [10].

В таблицах В.А. Жуковского задействованы все принципиальные преимущества настольных игр в плане наглядности обучения: яркие зрительные, тактильные и пространственные ориентиры, компактная передача информации в виде схем и символов, содержательная насыщенность всех элементов игры, разнообразие визуальных элементов [7. С. 20–21].

Сюжетность, которая бросается в глаза при взаимодействии с таблицами, также характерна для игр на картонажном поле типа «гуськов», хотя в этих последних сюжетность задействована гораздо проще: манипуляции с полем и фишками, знакомство с рисунками и текстами в клетках на поле позволяют постепенно прочесть определенную, например сказочную, историю. Поскольку для Жуковского основным сюжетом, к которому должен приобщиться ребенок в процессе обучения, была всеобщая связь понятий, то поля таблиц, рисунки и добываемые с помощью дешифровки названия должны были вести ученика по пути осознания взаимосвязи предметов и явлений этого мира [11].

Настольные игры в XIX в. оказались одним из заповедников отходившей в прошлое эмблематической традиции. Аллегии, уходя из сферы научного знания, сохраняли свою актуальность при передаче этого знания в форме, понятной ребенку. Проникновение в смысл символов и метафор составляло существенную часть действий игрока при продвижении по клеткам поля. Разгадывание эмблемы разворачивалось как сопоставление изображения и текста в рамках игрового

сюжета [7. С. 100]. Эмблемы старинных игр сохранялись в различных переизданиях «гуськов», выпускались специальные колоды эмблематических карт и игры эмблематического характера. Так, вокруг понятия «эмблема жизни» строится общественная игра «Пути счастья» (1842), снабженная полем с таблицей «храм счастья». В правилах игры говорится: «Нарочно не помещаем здесь истолкования клеток, дабы юношество имело случай упражняться само в размышлении и рассуждении» [Там же. С. 115].

Примером соединения «живописного лото» и *jeu de l'oie* с эмблемами может служить игра 1815 г. «Le Jeu de Paris en Miniature» (рис. 5). Ее игровое поле расчерчено на 90 пронумерованных клеток, в каждой из которых вывеска одной из парижских лавок изображена в виде эмблемы с описанием товара и адресом [12]. Игра подчиняется общим правилам лото [13], но клетки следуют одна за другой к центру поля, как в «гуськах». Игрок должен истолковать эмблему в той клетке, номер которой ему выпал, чтобы восстановить название лавки.

В тех случаях, когда рисунки на поле или карточках обладали самостоятельной эстетической ценностью, они создавали художественное пространство игры, стимулировали воображение. Вместе с удовольствием от рассматривания рисунков рождался собственно игровой аспект взаимодействия с пособием, воображению ребенка предоставлялся простор, без которого процесс обучения превращался в душную рутину. В рамках эмблематической традиции, которая в первой половине XIX в. продолжала жить в российской культуре [14] и которую Жуковский никогда не ставил целью разрушить или преодолеть, интерпретации представленных в его таблицах сочетаний понятий и изображений должны были развиваться свободно, подчиняясь цепочке индивидуальных ассоциаций ученика. В то же время эти ассоциации направлялись в нужное русло, поскольку структура визуального ряда предопределяла действия ребенка.

Можно предположить, что в самом общем смысле процесс знакомства ученика с таблицей (так же, как с игровым полем и другими элементами картонажной игры) направлялся эмблематической традицией и в ее рамках должен был быть понятен без дополнительных пояснений. Он состоял из нескольких этапов, которые представляли собой привычное выстраивание эмблематической триады «изображение–название–истолкование» [15], только здесь процесс оказывался

существенно усложненным за счет введения табличной структуры (в отличие от таблицы лото, она имела самостоятельное значение) и шифрования.

Этап формирования первоначального интереса, зацепки, подразумевает зрительное «схватывание» картона как целого. При взгляде на лист в первую очередь бросаются в глаза рисунки. Их много, и они не повторяются. Сочетание очевидного разнообразия изображений и их очевидной же подчиненности некоему принципу вызывает интерес и ставит вопрос о том, что это за принцип. Для ответа можно попытаться сопоставить рисунки друг с другом. Их соположение кажется неслучайным с точки зрения композиции: в каждом ряду встречаются изображения разной степени насыщенности и детализации, чередуются крупные и общие планы, объекты даны с разных точек, в разных ракурсах. Некая система обнаруживает себя уже на этапе первого визуального контакта с картоном-пособием. Формируется визуальная энигма: наличие порядка очевидно глазу, но принцип порядка не очевиден разуму, и на уровне визуального восприятия он не может быть обнаружен. Для того чтобы проникнуть в смысл увиденного, истолковать его, ученик должен сопоставить изображение и подпись. Подписи, относящиеся к рисунку, находятся рядом с ним. Но, пытаясь провести сопоставление элементов внутри ячейки, ученик обнаруживает, что вместо подписи ему предлагается несколько рядов цифр. Один из них очевидно главный – это ряд над рисунком, выделенный цветом. Ни один ряд не может быть понят без выхода за пределы ячейки и проведения операции сопоставления цифры из ряда с цифрой в колонке справа или слева. Далее нужно выбрать из предложенных вариантов буквенных соответствий один, соответствующий языку подписи. Ориентиром для правильного выбора служит форма написания буквы: кириллическая для русского языка, латиница для французского, латинского и немецкого. Буквы немецкого языка выделены готическим шрифтом, буквы французского и латинского языков объединены друг с другом. Поскольку некоторые ячейки таблиц и отдельные элементы «Курса» раскрашены, можно предположить, что в окончательном виде таблицы должны были быть цветными. В этом случае для проведения нужных сопоставлений у ученика появились бы также цветовые ориентиры. С другой стороны, монохромный контурный рисунок был излюбленной техникой Жуковского-художника,

и, возможно, никакой дополнительной доводки фигуративных изображений в таблицах он не планировал, а подцветивание ввел только в схемы, карты и диаграммы, как в остальных разделах «Курса».

За сопоставлением элементов внутри одной ячейки следовало сопоставление ячеек одной колонки, одного ряда, таблицы в целом и всего комплекса таблиц. Таким образом, ребенок продвигался по пути обобщений, чтобы, «переходя от близкого к далекому, от знакомого к незнакомому соединить все основные понятия, составляющие содержание» [16]. Визуальный ряд таблиц должен был стать частью всеобъемлющей мнемонической конструкции «Первоначального курса обучения», в которой соединились бы в их взаимосвязи факты истории, географии, физики, естественной истории, истории искусств и т.д.

Литература

1. Жуковский В.А. Таблицы для практического курса первоначального обучения // РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 132б.
2. Долгушин Д.В. «Педагогическая поэма» В.А. Жуковского (по неизданным материалам) // Сибирский филологический журнал. 2018. № 1. С. 89–106.
3. Жуковская Е.А. Живописная азбука // РГБ. Ф. 104. Карт. 1. № 22.
4. Ромашина Е.Ю., Тетерин И.И., Старцева Н.М., Фуртова Г.А. Очевидная грамота: визуальный ряд российских азбук и букварей XIX – начала XX в. Тула : Дизайн-коллегия, 2019. 268 с.
5. Долгушин Д.В., Панина Н.Л. «Первоначальный курс обучения» В.А. Жуковского: опыт реконструкции и анализа визуального ряда // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История. Филология. 2021. Т. 20, № 2: Филология. С. 94–109.
6. Никонова Н.Е. В.А. Жуковский – современник педагогического века Германии: немецкая литература о воспитании и творческие искания поэта 1840–1850-х гг. // Имагология и компаративистика. 2014. № 1. С. 87–124.
7. Костюхина М.С. Детский оракул: по страницам настольно-печатных игр. М. : Новое литературное обозрение, 2013. 656 с.
8. Glonnegger E. Das Spiele-Buch. Brett- und Legespiele aus der Welt: Herkunft, Regeln und Geschichte. Uehlfeld, 1999. 287 S.
9. Zollinger M. Geschichte des Glücksspiels: Vom 17. Jahrhundert bis zum Zweiten Weltkrieg. Wien ; Köln ; Weimar, 1997. 410 S.
10. Lhôte J.-M. Histoire des jeux de société. Géométries du désir. Paris, 1994. 672 p.
11. Ребеккини Д. Мир символов: мнемонические таблицы Жуковского и их практическое значение // Жуковский: исследования и материалы / гл. ред. А.С. Янушкевич. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2017. Вып. 3. С. 238–257.
12. Le Jeu de Paris en Miniature. Paris: Veuve Chéreau, 1815.

13. Faber M. Aus Spiel wird Wissen – Lotto und Lotterie als Lernspiel für Kinder // Lotto und Lotterie / G. Bauer (Hg.). München ; Salzburg, 1997. S. 241–257. (Homo ludens; Bd. VII).

14. Сазонова Л.И. Эмблематика в России: от Симеона Полоцкого до Пушкина // Эмблематика и эмблематичность в западноевропейской и русской культуре / под ред. А.Е. Махова М. : Intrada, 2016. С. 114–152.

15. Панина Н.Л. Иллюстрации детских образовательных изданий в России в конце XVIII – начале XIX в. // Текст. Книга. Книгоиздание. 2020. № 23. С. 82–99.

16. Жуковский В.А. Мысли о преподавании, о грамматике, материалы для Живописной Священной истории // РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 128. Л. 1 об.

The Polylingual Tables of Vasily Zhukovsky's *Initial Course of Study* in the Context of Children's Board Games of the First Half of the 19th Century

Текст. Книга. Книгоиздание – Text. Book. Publishing, 2021, 27, pp. 69–85.

DOI: 10.17223/23062061/27/4

Nina L. Panina, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: pa.nina@mail.ru

Keywords: textbook, polylingual teaching, visual didactics, board games, Vasily Zhukovsky.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 20-012-00529.

In the early 1850s, Vasily Zhukovsky develops tables with drawings of objects and phenomena and their coded names in four languages. The consistent use of visual didactics in them looks quite innovative against the background of textbooks of the time. The tables are part of the *Initial Course of Study*, which Zhukovsky was developing in the last years of his life. By that time he had already accumulated considerable experience in teaching Russian as a foreign language on the basis of his own handmade visual aids. Most of the tables are filled with plot-like images, but some also contain symbols, diagrams and maps. The variety of plot and composition solutions in the drawings deserves special attention. This specifically concerns plots, which are independent and developed. The drawings contain details which considerably supplement the basic meaning of the word, they are obviously designed for close examination, comparison and interpretation. The visual emphasis on letters and pictures seems to qualify the manual developed by Zhukovsky as a polylingual picture book, but the usual aims and objectives of an ABC book are here considerably more complicated. The textbook has many more parallels with the board games of that time. It can be seen as an organic continuation of the tradition of “useful” family board games as it displays affinity with them not only at the level of visual and spatial solution, visual and tactile form, but also at the level of mechanisms of interaction of a child with the handbook. It is in the sphere of board games that Zhukovsky finds means to solve the tasks of visual learning set by leading European teachers; such learning would lead a child from sensually perceived concreteness to the formation of concepts. The greatest parallels with Zhu-

kovsky's tables are found, firstly, in games with ruled cardboard fields. Secondly, word games (charades, rebuses, riddles) clearly influenced the development of the tables. The tables use all the principal advantages of board games in terms of visual learning: bright visual, tactile and spatial landmarks, compact information transfer in the form of diagrams and symbols, informative richness of all game elements, a variety of visual elements. Games on a ruled cardboard field also have plots, though manipulation with the field and chips, acquaintance with drawings and texts in squares on the field in such games always realize a very simple plot. Since for Zhukovsky the main plot a child should be introduced to in the learning process was the universal connection of concepts, the fields of tables, drawings and names extracted by decoding should lead a pupil towards an understanding of the relationship between objects and phenomena of this world. Within the framework of the emblematic tradition, which was still alive in Russian culture in the first half of the 19th century and which Zhukovsky never set out to destroy or overcome, interpretations of combinations of concepts and images presented in his tables had to develop freely, obeying a chain of individual associations of a pupil. At the same time, these associations were guided in the right direction because the structure of the visual series predetermined the child's actions. The comparison of elements within one cell was followed by the comparison of cells of one column, one row, the table as a whole and the whole complex of tables. In this way, a child progressed towards generalisations; s/he was guided by the logic of the mnemonic construction of the *Initial Course of Study* that showed the relationship between facts of history, geography, physics, natural history, art history, etc.

References

1. Zhukovsky, V.A. (n.d.) *Tablitsy dlya prakticheskogo kursa pervonachal'nogo obucheniya* [Tables for a practical course of initial training]. Russian National Library. Fund 286. List 1. № 132b.
2. Dolgushin, D.V. (2018) The “pedagogical poem” of V. Zhukovsky (on unpublished materials). *Sibirskiy filologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 1. pp. 89–106. (In Russian). DOI: 10.17223/18137083/62/7
3. Zhukovskaya, E.A. (n.d.) *Zhivopisnaya azbuka* [The Picturesque Alphabet]. Russian State Library. Fund 104. Card 1. № 22.
4. Romashina, E.Yu., Teterin, I.I., Startseva, N.M. & Furtova, G.A. (2019) *Ochevidnaya gramota: vizual'nyy ryad rossiyskikh azbuk i bukvarей XIX – nachala XX v.* [Visual literacy: the visual range of Russian alphabet and primers of the 19th – early 20th centuries]. Tula: Dizayn-kollegiya.
5. Dolgushin, D.V. & Panina, N.L. (2021) Initial Course of Study by V.A. Zhukovsky: Experience of Reconstruction and Analysis of Visuals. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya. Filologiya – Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 20(2). pp. 94–109. (In Russian). DOI: 10.25205/1818-7919-2021-20-2-94-109
6. Nikonova, N.E. (2014) V.A. Zhukovsky as the coeval of the pedagogic epoch in Germany: German literature about upbringing and artistic pursuits of the poet in 1840–

1850. *Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies*. 1. pp. 87–124. (In Russian). DOI: 10.17223/24099554/1/7

7. Kostyukhina, M.S. (2013) *Detskiy orakul: po stranitsam nastol'no-pechatnykh igr* [Children's oracle: through the pages of board-printed games]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

8. Glonnegger, E. (1999) *Das Spiele-Buch. Brett- und Legespiele aus der Welt: Herkunft, Regeln und Geschichte*. Uehlfield: Ravensburger Verlag.

9. Zollinger, M. (1997) *Geschichte des Glücksspiels: Vom 17. Jahrhundert bis zum Zweiten Weltkrieg*. Wien; Köln; Weimar: Böhlau.

10. Lhôte, J.-M. (1994) *Histoire des jeux de société. Géométries du désir*. Paris: Flammarion.

11. Rebecchini, D. (2017) Mir simbolov: mnemonicheskie tablitsy Zhukovskogo i ikh prakticheskoe znachenie [The world of symbols: Zhukovsky's mnemonic tables and their practical meaning]. In: Yanushkevich, A.S. (ed.) *Zhukovskiy: issledovaniya i materialy* [Zhukovsky: Research and Materials]. Vol. 3. Tomsk: Tomsk State University. pp. 238–257.

12. Anon. (1815) *Le Jeu de Paris en Miniature*. Paris: Veuve Chéreau.

13. Faber, M. (1997) Aus Spiel wird Wissen – Lotto und Lotterie als Lernspiel für Kinder. In: Bauer, G. (ed.) *Lotto und Lotterie*. München; Salzburg: [s.n.]. pp. 241–257.

14. Sazonova, L.I. (2016) *Emblematika v Rossii: ot Simeona Polotskiy to Pushkin*. In: Makhov, A.E. (ed.) *Emblematika i emblematichnost' v zapadnoevropeyskoy i russkoy kul'ture* [Emblematics and emblematic features in Western European and Russian culture]. Moscow: Intrada. pp. 114–152.

15. Panina, N.L. (2020) Illustrations in Children's Educational Books in Russia in the Late 17th – Early 19th Centuries. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 23. pp. 82–99. (In Russian). DOI: 10.17223/23062061/23/5

16. Zhukovskiy, V.A. (n.d.) *Mysli o prepodavanii, o grammatike, materialy dlya Zhivopisnoy Svyashchennoy istorii* [Thoughts about teaching, about grammar, materials for the Picturesque Sacred History]. Russian National Library. Fund 286. List 1. № 128.

Н.П. Дворцова

К.Н. ВЫСОЦКИЙ И МЕДИЙНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В УЕЗДНОМ СИБИРСКОМ ГОРОДЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

Аннотация. Обоснован новый взгляд на деятельность К.Н. Высоцкого, открывшего в Тюмени первую фотомастерскую (1866), литографию (1867), типографию (1869), газету (1879). Высоцкий показан как субъект революционных медийных трансформаций, преобразивших «лицо города». Раскрыта их связь с экономико-технологическими, ландшафтными изменениями города. Деятельность Высоцкого показана в контексте идей и повседневных практик поколения новых людей в России 1860–1870-х гг. (Н.М. Чукмалдин, Н.Г. Чернышевский, Н.М. Ядринцев и др.). **Ключевые слова:** К.Н. Высоцкий, Н.М. Чукмалдин, Тюмень, медийная революция, новые люди, фотография, литография, книгопечатание.

Заслужив у современников репутацию гуманиста, учителя и Дон Кихота [1. С. 142, 143], К.Н. Высоцкий вошел в историю сибирской культуры как человек, первым открывший в уездном городе Тюмени фотомастерскую (1866), литографию (1867), типографию (1869), основавший первую городскую газету «Сибирский листок объявлений» (1879).

Закономерно, что в современной науке Высоцкий изучается с разных точек зрения и в границах различных сфер гуманитарного знания. Так, О.В. Желткова [2] и С.Г. Филь [3] реконструируют его биографию и исследуют ее спорные моменты. Н.А. Миненко рассматривает деятельность Высоцкого в рамках истории города и в контексте краеведческой проблематики [4]. Место Высоцкого-фотографа в истории светописи в Тобольской губернии исследуют В.Е. Копылов [5] и Л.В. Боярский [6]. Судьбу созданной Высоцким газеты изучает С.Н. Кубочкин [7]. К такой грани многообразной деятельности Высоцкого, как картография, обращена работа Е.Н. Коноваловой [8]. В рамках книговедческого подхода издательская деятельность Высоцкого исследуется прежде всего с точки зрения репертуара, а также в контексте процессов, происходивших в книжной культуре Сибири во 2-й половине XIX в. [9–11].

Необходимость локальных подходов к изучению многообразной деятельности Высоцкого не вызывает сомнений, однако, с нашей точки зрения, объем накопленных фактов и концепций настоятельно требует нового, системного и интегративного подхода к осмыслению феномена Высоцкого. Так, локальное, в рамках краеведения, изучение газеты «Сибирский листок объявлений» не позволяет увидеть тот факт, что с точки зрения журналистики и истории медиа это информационно-рекламная газета, а следовательно, Высоцкий должен быть признан отцом тюменской рекламы. Создание в Тюменском государственном университете в 2019 г. цифровой коллекции «К.Н. Высоцкий и медиакультура Тюмени», включающей 192 уникальных документа, в том числе фотографии и книги [12], также предполагает целостное, системное осмысление феномена Высоцкого.

Такое осмысление возможно, в частности, в рамках подхода, сложившегося в работах исследователей, рассматривающих книгопечатание и чтение в контексте истории медийных трансформаций / революций [13–15], когда цифровая революция рубежа XX–XXI вв. и предшествовавшие медийные революции, связанные со сменой свитка кодексом или с изобретением книгопечатания, толкуют и помогают понять друг друга. Наиболее близка нашим задачам аналитическая парадигма, предложенная Ф. Барбье в рамках культурной истории в книге «Европа Гутенберга. Книга и изобретение западного модерна (XIII–XVI вв.)». Язык описания представлен здесь следующими ключевыми понятиями: промышленная революция (техника и новая экономика), модернизация общества, город как пространство модерна / революция городов, медийная революция / смена медиа как новое структурирование мира, графосфера, система-книга [15].

Цель нашего исследования – на основе методологического подхода, предполагающего изучение книгопечатания как культурной практики в контексте экономических, социальных, культурных, медийных трансформаций, системно описать опыт Высоцкого по превращению Тюмени в «печатающий город» (Барбье) с учетом того факта, что почти одновременно, с небольшим промежутком во времени, он открывает фотографию, литографию и типографию, а позднее и газету. Кроме того, исследование осуществляется в рамках контекстного подхода на основе книговедческого, структурно-типологического и интертекстуального анализа. Материал исследования – книжное,

фотографическое, газетное наследие К.Н. Высоцкого, хранящееся в Российской национальной библиотеке, Тобольском историко-культурном музее-заповеднике, Музейном комплексе им. И.Я. Словоцова (Тюмень) и вошедшее в цифровую коллекцию ИБЦ ТюмГУ «К.Н. Высоцкий и медиакультура Тюмени».

В 1866 г., когда в Тюмени, первом русском городе в Сибири, появилась фотомастерская, городу исполнилось 280 лет. В 1855 г. в Тюмени проживали 11 тыс. человек, в 1869 – более 13 тыс., в 1897 – 29 544 человека, благодаря чему по числу жителей, как отмечает В.М. Кружинов, город вышел на первое место в Тобольской губернии [16. С. 81, 87, 125].

Портрет Тюмени 2-й половины XIX в. создан в различных публицистических, мемуарных и художественных произведениях. Чаще всего он носит гротескный и карикатурный характер и позволяет понять атмосферу Тюмени, в которой Высоцкий начинает свои медийные преобразования.

В 1866 г. Н.М. Ядринцев печатает свой знаменитый фельетон «Тюленьская жизнь», а позднее напишет «о сонном и апатичном состоянии сибирских городов, о скуке и полной безжизненности их в течение 50-х и даже 60-х годов» [17. С. 630]. «Тюленьская» жизнь (патриархальность, обжорство, пьянство и карточные игры) во многом близка жизни героя книги М. Знаменского «Моя поездка на кумыс. Клубные сонные грезы», изданной Высоцким в 1875 г.

Об отношении тюменцев к прогрессу в романе «Деды» рассказывает внук Высоцкого, писатель В.В. Князев, создавший символическую картину противостояния сибиряков строящейся чугунке – железной дороге: «Мещане и купечество сибирского города Кандалинска вышли навстречу первому поезду торжественным крестным ходом, думая остановить антихристову колесницу ладанным каждением, псалмопением и чудотворными иконами <...> и действительно остановили “колесницу” и даже попятити ее (машинист не мог поступить иначе: не давить же народ!)» [18. С. 102].

За сорок лет (1869–1909) существования типографии Высоцких (после смерти Высоцкого типографию унаследовала его дочь Л.К. Высоцкая) Тюмень изменилась кардинальным образом. В 1860-е гг. в Тюмени появились телеграф (1862), первая публичная библиотека (1864), первый в Сибири водопровод (1864). В 1868 и 1871 гг. в городе состо-

ялись первые Тюменские публичные выставки промышленных товаров и изделий кустарных промыслов, в которых будет участвовать и которые будет фотографировать Высоцкий. В 1879 г. в городе откроется Александровское реальное училище, которым будет восхищаться не только Н.М. Чукмалдин, но и Дж. Кеннан. В 1885 г. откроется железная дорога Екатеринбург–Тюмень. В 1890-е гг. появятся первый книжный магазин (1890), театр (1892), первая телефонная станция (1894) [16].

Главной причиной городских трансформаций будут становление пароходства и появление железной дороги. Чукмалдин пишет об этом: «С развитием пароходства, с проведением железной дороги весь строй жизни города начал быстро принимать иной характер и иное направление. Приехали новые люди, выросло новое поколение, развилось до неслыханных размеров переселенческое движение, и город скоро принял новую физиономию» [1. С. 342].

В 1893 г., в цикле публикаций о Тюмени в газете «Сибирский листок», Чукмалдин на основе статистических данных и ландшафтного анализа пишет о «разительном контрасте» Тюмени 1850-х и 1890-х гг. Наибольший интерес вызывает здесь характеристика городского пространства, в котором он выделяет четыре основных территории: Затюменка, Зарека, Центр и Потоскуй. Заречная часть города, где «сосредоточены все кожевенные заводы», придающие ей «особенный колорит и окраску», несмотря на все изменения, продолжает жить «особенной промышленной жизнью – кожевенным производством, исконной промышленностью, с которой «знакомы даже наши древние киевские былины» [Там же. С. 341].

Изменения в ландшафте связаны прежде всего с Потоскуем и Тычковкой, которые из окраины «стали лучшими местами в городе» благодаря тому, что территории эти оказались рядом с пароходными пристанями и путями железной дороги. В результате земли, примыкающие к реке Туре, «стали неузнаваемы»: их осушили, прорезали дамбой и насыпью полотна железной дороги, застроили пристанями и складами, народными столовыми и бараками для переселенцев. На Потоскуе, – пишет Чукмалдин, – «лачуги все сломаны, новые дома построены, недвижимость приносит изрядный доход» [Там же. С. 344].

Центр города, где «сосредоточены городское управление, присутственные места, реальное училище, гостиный двор, лавки и магазины»

и где «размещалась вся главная интеллектуальная сила городского населения», фактически смещается в сторону пароходных пристаней, Потоскуя и Тычковки, – утверждает Чукмалдин [1. С. 342]. По этой же причине – изменение роли Потоскуя – утрачивает свое прежнее значение и Затюменка, которая, как пишет Чукмалдин, «запустела, зачахла и улицы ее заросли травой» [Там же. С. 338]. Важно подчеркнуть, что медийные преобразования Высоцкого отражают и фиксируют изменения пространственной структуры Тюмени, они так или иначе связаны с Центром города и Потоскуем.

Высоцкий был и объектом, и субъектом изменений города, что в первую очередь связано с его ролью в истории тюменского пароходства и железной дороги.

В 1860-е гг. Высоцкий активно включается в обсуждение проектов строительства железной дороги, соединяющей Москву с Сибирью. В 1868 г. в «Тобольских губернских ведомостях» он публикует «Заметку об Уральской железной дороге», в которой на основе статистических данных, экономического и социального анализа критически осмысляет два проекта Уральской железной дороги: г. Рашета и г. Богдановича. Важным аргументом для него является «знание местности и народных потребностей» [19. С. 19]. Обосновывая «факты убыточности» проекта Рашета, Высоцкий приводит целую систему аргументов в пользу проекта Богдановича, который впоследствии, как известно, и был осуществлен. Аргументы Высоцкого были связаны не только с тем, что проект Богдановича предполагал «кратчайшее сообщение между Россией и Сибирью», которое значительно улучшит торговлю хлебом, овчиной, маслом, салом, кожей и другими товарами, но и с тем, что, как он пишет, голос Тюмени – «голос за истину и пользу» [Там же. С. 23]. С проектом Богдановича были связаны блестящие перспективы Тюмени как города, где впервые за Уралом в единую транспортную систему соединяются железная дорога из Москвы и судоходство по сибирским рекам, начальной точкой и родиной которого и был первый русский город в Сибири [20. С. 209].

В 1869 г., в год открытия типографии, «по инициативе тюменского городского головы Ф.С. Колмогорова» Высоцкий совместно с Чукмалдиным пишет «Записку о плавании по реке Туре пароходов и о направлении предполагаемой железной дороги». Она «предполагалась для отсылки в Пермский железнодорожный комитет от лица

тюменского общества» и была напечатана в типографии Высоцкого в 1872 г. «Записка» продолжала тему споров вокруг проектов устройства железной дороги из европейской части России в Сибирь, но теперь она рассматривалась в новом ракурсе: авторы обосновывали идею о том, что за Уралом железную дорогу в первую очередь необходимо строить не к реке Тобол и к Тобольску, а к реке Туре и, следовательно, к Тюмени, что фактически определило исторические судьбы городов. В «Записке» обсуждаются проблемы судоходства на Туре и воссоздается история пароходства в Тюмени (1840-е – 1868 г.). Насыщенная статистическими данными, экономическими аргументами, «Записка» свидетельствует о стратегическом мышлении авторов, умеющих видеть исторические перспективы развития края [21].

Помимо «Записки» Высоцкого и Чукмалдина, еще 10 книг из 56, изданных в типографии Высоцких за 40 лет ее существования, так или иначе посвящены пароходам и рекам [22]. Шесть из них изданы при финансовой поддержке И.И. Игнатова, крупнейшего тюменского пароходовладельца, и связаны с деятельностью товарищества «Курбатов и Игнатов». В ряду этих книг, помимо расписания движения пароходов товарищества «Курбатов и Игнатов» (1886, 1891, 1892, 1893), издания, которые составляют славу сибирского книгопечатания 2-й половины XIX в.: «3000 верст по рекам Западной Сибири» (1878) и «Карта-дорожник по рекам Западной Сибири» (1880).

Фигура Высоцкого, сложность и неоднозначность которой отмечена современниками, с нашей точки зрения, может быть понята на пересечении культурных контекстов, связанных с феноменом новых людей в России 1860–1870-х гг.: новых людей Чернышевского, идей сибирского обновления Ядринцева и Дон Кихота Тургенева («Гамлет и Дон Кихот»), а также реального опыта жизни уездного сибирского города, воссозданного в документальных свидетельствах современников Высоцкого (Чукмалдина, Калганова).

Чукмалдин, говоря о «новой физиономии» Тюмени, связывает ее появление, в частности, с новыми людьми, новым поколением [1. С. 342]. К таким новым людям и новому поколению принадлежали и Высоцкий, и сам Чукмалдин, рассказывающий о своей дружбе с первым тюменским фотографом и издателем в мемуарных «Записках о моей жизни» (1902), являющихся самым развернутым свидетельством современника о жизни и деятельности Высоцкого.

«Записки» представляют собой историю жизни крестьянского мальчика из деревни Кулаково, что в 20 километрах от Тюмени, ставшего московским купцом-миллионером, талантливым писателем, объехавшим полмира. О тюменском периоде своей жизни (1850–1870-е гг.), который Чукмалдин называет счастливым, в частности и потому, что в это время судьба свела его с Высоцким, он рассказывает в главе с характерным заглавием – «К свету и воле».

Главное, что определяло его жизнь в это время, – страсть к самообразованию, к тому, что Н.Г. Чернышевский в романе «Что делать?» называет развитием. Так, Чукмалдин пишет: «Читать книги охота была сильная»; «Мания учиться завладела мною сильно»; «С каждым месяцем и годом мое материальное и умственное состояние росло и развивалось». В результате о Чукмалдине и его друзьях «в Тюмени заговорили как о чем-то невиданном и неслыханном в торговом мире» [23. С. 91, 94, 106].

С Высоцким, в то время учителем Тюменского уездного училища, Чукмалдина объединили и подружили именно эти две общие у них страсти: чтение и учение. «Сколько длинных вечеров проводили мы с ним за чтением книг и потом за разговорами как по поводу прочитанного, так и по поводу общих вопросов», – пишет Чукмалдин о Высоцком. Вечера дополнялись утренними часами: «...я вставал в пять часов утра и приходил к нему в фотографию, чтобы <...> никто не мешал нам <...> обсуждать содержание книги», – вспоминал Чукмалдин [Там же. С. 150, 151]. Парадоксально, но факт: хотя Высоцкий и Чукмалдин были одногодками (оба родились в 1836 г.), но для Чукмалдина, утверждавшего, что Высоцкому он «обязан многим» в своем «душевном складе и развитии», он был прежде всего «человеком-учителем» [Там же. С. 157].

Чукмалдин видел в Высоцком также «человека с благородной и возвышенной душой», «гуманиста» [1. С. 142, 143]. Это проявилось, в частности, в его отношении к художнику И. Калганову, в котором Высоцкий разглядел «великий талант, гложущий в захолустье» [23. С. 151]. Чукмалдин рассказывает о том, что именно по настоянию Высоцкого он «вытащил» Калганова из маленького городка Туринска и привез его в Тюмень. Проявление гуманизма Высоцкого Чукмалдин обнаруживал в его «любимой теме»: «Как надобно держать у себя слуг и работников, чтобы не были они слуги-рабы, а были бы “мень-

шие братья” и помощники, которых хозяева обязаны воспитывать, а не выжимать из них сок, как из губки воду» [23. С. 151].

Важным представляется тот факт, что появление в Тюмени в 1869 г. первой печатной книги «Устав Приказничьего Клуба в городе Тюмени» стало следствием, подтверждением и результатом дружеских отношений и нового образа жизни, который Высоцкий и Чукмалдин, инициатор открытия Клуба, предлагали всему городу. «Цель учреждения Клуба, – говорилось в Уставе, – заключается в приятном и полезном препровождении времени, как то: в дозволенных играх, танцах, взаимном ознакомлении между собой приказчиков, в обмене мыслей по специальностям и в приобретении, через чтение, элементарных, технических и промышленных знаний» [24. С. 1]. Следует подчеркнуть, что в Клубе категорически запрещались азартные игры, о процветании которых в Тюмени писали и Чукмалдин, и Знаменский, и Ядринцев. Для игр, танцев и чтения в Клубе назначались дни собраний, а для чтения предполагалось «выписывать первоначально периодические издания, а по мере накопления средств и другие книги». Собрания при этом могли бесплатно посещать гости и, в частности, «дамы из семейств членов Клуба» [Там же]. Устройство жизни в Клубе, управляемом шестью избранными общим собранием старшинами, по сути своей представляет версию того образа жизни и «нового порядка», который новым людям в России 1860-х гг. был знаком по мастерским Веры Павловны, героини романа «Что делать?».

Чукмалдин не упоминает в «Записках» имени Чернышевского, произведения которого, как известно, были под запретом, но очевидно, что понятие новых людей, а также противопоставление старого и нового порядка жизни после выхода в свет романа Чернышевского «Что делать?» (1863) приобрели в России особый смысл. Интертекстуальные переключки «Записок» и «Что делать?» в комплексе мотивов, связанных с темой новых людей, которых Чернышевский называет «обыкновенными порядочными людьми нового поколения», представляются нам очевидными. У Чернышевского, как и у Чукмалдина, можно выделить четыре таких мотива: книг и чтения; выхода «из подвала» к воле и свету; развития; нового порядка жизни в мастерских Веры Павловны / в типографии Высоцкого / в организации торговли у Чукмалдина.

Так, о Лопухове в романе говорится, что у него «голова забита книгами», Кирсанов «был страшный охотник читать» [25]. Рахметов

«в первые месяцы своего перерождения почти все время поводил в чтении» [Там же]. Вера Павловна «начала читать книги вслух во время работы» девушек в своих мастерских, так что они превратились в «лицей всевозможных знаний», в котором учеба легко совмещалась с различными развлечениями [Там же]. Апология «развития», призыв автора к героям и читателям: «Поднимайтесь из вашей трущобы, друзья мои, поднимайтесь, это не так трудно, выходите на вольный белый свет» [Там же], – широко известны и, как показывает анализ «Записок» Чукмалдина, близки тюменским новым людям.

Чукмалдин и Высоцкий каждый по-своему проживали время обновления жизни в Тюмени, но стратегия внутреннего, личностного обновления, связанная с движением «к свету и воле» и способами их достижения, объединяет их с героями Чернышевского.

Чукмалдин уверенно превращался в купца-миллионера, Высоцкому же «ничто не удавалось в смысле денежного успеха», так как он «всюду прилагал новые гуманные приемы, с окружающей обстановкой трудно примиримые» [23. С. 150]. Возможно, поэтому И. Калганов рисовал Высоцкого в образе Дон Кихота, фигуру которого в 1860 г. актуализировал в русском обществе И.С. Тургенев. В статье «Гамлет и Дон Кихот» он противопоставлял Гамлету, человеку сомневающемуся, ироничному, не верящему в себя и не знающему, зачем он живет, Дон Кихота как энтузиаста, человека, верящего в идеал, живущего для других и готового на самопожертвование ради истины и справедливости [26]. Нам неизвестны факты для утверждения о том, что книжник Высоцкий выстраивал свою жизнь по модели жизни Дон Кихота, но свидетельства современников о его донкихотстве как выражении духа времени новых людей представляются нам точными и справедливыми.

Высоцкого и новых людей Тюмени 2-й половины XIX в. невозможно понять вне еще одного контекста – сибирского областничества с его идеей сибирского обновления. Известно, что Н. Ядринцев и Г. Потанин были хорошо знакомы с Тюменью и Высоцким. Они принадлежали к одному поколению, познакомились, возможно, в Санкт-Петербурге, где Высоцкий получал образование в Императорской Академии художеств, а Потанин и Ядринцев учились в университете. Об этом поколении, поколении Высоцкого, Ядринцев писал: «Масса образованных людей, наводнивших Сибирь с 1860-х годов, времени

обновления России, не могли не внести своих взглядов и не повлиять на сибирское общество». С его точки зрения, «представители сибирского обновления были исполнены самых благих стремлений и помыслов, настаивая на необходимости университета для Сибири, создания печати, расширения научной деятельности» [27. С. 635]. Отмечая особую роль книжного и газетного дела, Ядринцев подчеркивал: «Появление местной печати явилось не случайностью, но совпало с обновлением общества, с живым стремлением выражать свои местные нужды и разрабатывать местные вопросы» [Там же. С. 685].

«Книгопечатание, – утверждает Ф. Барбье, – знакомит нас с принципом гиперреальности, т.е. представления более “истинного”, поскольку более сильного, чем реальность». Мир книг как мир медиа, считает он, действеннее и реальнее, чем сама реальность [15. С. 438, 440].

Медийные преобразования, осуществленные Высоцким в Тюмени, создают в городе особую гиперреальность, порожденную образами его фотоискусства, литографии, книгопечатания и – в меньшей степени – газеты и рекламы.

Дошедшие до нас фотографии Высоцкого [12] разнообразны по технике исполнения: крупный план, панорамное изображение, необычные ракурсы, например съемка с колокольни церкви Петра и Павла. По тематике фотографии также отличаются широким разнообразием: снимки городских зданий (Уездное училище и женская школа, 1866–1871 гг.) и окрестностей Тюмени (Улица в деревне Гусевой); портреты жителей (типы сибиряков, типы татар Тюменского округа); городские (Виды в Загородном саду, 1868–1871 гг.) и горные (виды Урала) пейзажи; значимые городские события (Тюменская выставка местных произведений, 1871; Молебен на Александровской площади, 1867 г.); фотокопии карикатур местной знати, созданных художниками И.А. Калгановым и М.С. Знаменским). Высоцкий создает визуальный образ города как открытого, распаханного в окрестности пространства, лишенного налета провинциальности, полного разнообразной и сложной жизни. Значение осуществленной Высоцким первой документальной фотофиксации города в том его облике, который навсегда ушел в историю, будет, видимо, возрастать во времени.

Обращение Высоцкого к книгоизданию после занятий фотографией объясняется, очевидно, не только общими тенденциями времени, связанными с движением новых людей «к свету и воле», но и важной

особенностью самой фотографии, отмеченной М. Маклюэном. С его точки зрения, фотография произвела «великую революцию» в традиционных искусствах [13. С. 219], к которым во второй половине XIX в., безусловно, принадлежало искусство книгопечатания. Появление фотографии, по сути, дублирующей реальность, активизировало обращение традиционных искусств к «миру внутреннего ландшафта» [Там же. С. 229]. «Вместо изображения мира, дублирующего тот, который мы уже знаем, человек искусства обратился к изображению творческого процесса, в котором предлагалось принять участие публике», – писал Маклюэн [Там же. С. 220].

Книги, изданные в типографии Высоцких, могут быть поняты как единый медиатекст, книговедческий и структурно-типологический анализ которого позволяет реконструировать рождающийся благодаря им образ города.

Главной особенностью книжного репертуара типографии Высоцких является то, что в нем нет, за редчайшим исключением, литературно-художественных изданий. Исключение составляет книга ссыльного журналиста П.А. Рогозинского «Сброшенные оковы». Автор называет ее «драмой в 4 действиях из современной жизни». Она была напечатана в 1908 г. тиражом 600 экземпляров и стала последней книгой, изданной в типографии Высоцких. Время действия в драме – перед восходом солнца, что является прямой отсылкой к заглавию известной пьесы Г. Гауптмана и ситуации, сложившейся в России после революции 1905 г. Вопрос о том, есть ли пределы и границы у свободы и является ли она абсолютной ценностью, остается в пьесе без ответа.

Книги писателя и художника М.С. Знаменского («Моя поездка на кумыс» и «Обрыв») при всей их литературной значимости не являются традиционными литературно-художественными изданиями, ибо состоят прежде всего из рисунков, нередко карикатурных, которые сопровождаются небольшим по объему текстом, что позволяет нашим современникам видеть в них истоки книг-комиксов.

Интерес фотографа Высоцкого к книгам Знаменского, творчеству художника Калганова, издание литографированных книг («Карта-дорожник по рекам Западной Сибири», 1880), а также книг, иллюстрированных литографиями («Календарь на 1870 год», 1870 и др.), – реальное свидетельство того, насколько значимы для него были визуальные языки времени. Особого внимания заслуживает вторая из

напечатанных в типографии книг, своего рода рекламное издание, – «Календарь на 1870 год. Типография и агентура печатных бумаг К. Высоцкого». Высоцкий здесь выступает как «содержатель типографии», автор текста и, очевидно, создатель литографированного рисунка на обложке, который можно рассматривать как портрет города и своеобразный логотип типографии. Литография представляет собой изображение паровой пристани, речных судов, движущегося поезда, дымящих труб и других примет новой жизни [27]. С сожалением необходимо подчеркнуть, что творчество Высоцкого-литографа фактически не изучено.

В репертуаре типографии есть еще одна уникальная книга, свидетельствующая о том, что в деятельности Высоцких словесный / книжный и визуальный (фотография, литография и графосфера, пространство видимого слова) языки не противостоят друг другу, а дополняют друг друга: «Образцы шрифтов, политипажей и украшений типографии Л.К. Высоцкой в Тюмени» (1887).

Подавляющее большинство произведений, изданных Высоцкими, на современном языке называется литературой нон-фикшн. Они представлены в широком жанровом разнообразии – календари, каталоги (библиотек, выставок, музеев), карты-дорожники, расписание движения пароходов, травелоги. Самое большое количество книг можно назвать деловыми: это многочисленные уставы («Устав Тюменского общественного собрания», 1883 и др.), отчеты («Отчет по мещанскому сословному управлению города Тюмени за 1892 год», 1893 и др.), постановления («Обязательные постановления, составленные Тюменской городской думою», 1881 и др.), инструкции («Инструкция вольного пожарного общества», 1883 и др.), правила («Правила для врачебно-санитарной помощи в городе Тюмени», 1893 и др.). Так, за время существования типографии изданы уставы 10 наименований, отчеты – 14 наименований.

Особое место в ряду «нехудожественных» книг Высоцких занимает книга А. Павлова «Русская азбука», имеющая подзаголовок «О том, как учить читать и писать». Книга вышла в 1873 г., через год после знаменитой «Азбуки» Л.Н. Толстого, активно читаемого в Тюмени. Маленькая книжечка из 20 страниц со стихами И. Крылова, Н. Некрасова, И. Никитина и пятью молитвами – очевидное свидетельство просветительских установок издателей.

В ряду книг, изданных Высоцкими и свидетельствующих о их вовлеченности в процессы социальных и культурных преобразований города, – объемная книга «Сибирское переселение», первый выпуск которой имел подзаголовок «Цифровой материал для изучения переселений в Сибирь, собранных при регистрации движения переселенцев на путях Тобольской губернии (в Тюмени и др. пунктах) в 1885–1895 гг.» (1899. 356 с.).

Репертуар типографии Высоцких, в котором доминируют «нехудожественные» издания, не только свидетельствует об активной включенности издателей в динамичную деловую и культурную жизнь города, но и фактически фиксирует его новое состояние, создает его документальный портрет.

Новая гиперреальность, появившаяся в Тюмени благодаря книгам Высоцких, формируется образом города с активной деловой, промышленной, культурной жизнью, умеющего критически оценить себя и осознающего перспективы своего существования в Сибири и России. Фотографический и книжный портреты Тюмени вошли в историю города со статусом «первые» и существенно дополняют друг друга, являясь документальными по характеру. Талантливый публицист, фотограф, литограф, типограф, издатель книг и газеты, отец тюменской рекламы, учитель и Дон Кихот, Высоцкий действительно изменил медийное лицо уездного города и зафиксировал его переход из патриархально-провинциального в ряд тех городов, которые стали агентами перемен в эпоху сибирского обновления.

Литература

1. Чукмалдин Н.М. Письма из Москвы: вырезки из очень старых газет. Тюмень : Мандр и К^о, 2011. 352 с.
2. Желткова О.В. Дополнения к родословию Константина Высоцкого // Генезология в контексте изменений культуры жизненного пути : материалы Всерос. науч.-практ. конф. «Четырнадцатые Тюменские родословные чтения», 23–24 ноября 2018 г. Тюмень : ТИУ, 2018. С. 239–242.
3. Филь С.Г. Биографии Высоцких: версии, мифы, факты // Лукич. 2001. № 1. С. 102–107.
4. Миненко Н.А. Тюмень: летопись четырех столетий. СПб. : Русь, 2004. 512 с.
5. Копылов В.Е. Былое светописси: у истоков фотографии в Тобольской губернии. Тюмень : Слово, 2004. 863 с.

6. Боярский Л.В. Пионеры тюменской фотографии. 1866–1917 гг. Тюмень : Тюменский дом фотографии, 2016. 192 с.
7. Кубочкин С.Н. Первая тюменская газета, или Один день из жизни города // Лукич. 2000. № 3. С. 41–58.
8. Коновалова Е.Н. Карты земли Тюменской XVI – начала XX в. : очерки. Тюмень : ТюмГНГУ, 2015. 494 с.
9. Очерки истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока / отв. ред. В.Н. Волкова. Новосибирск : ГПНТБ СО РАН, 2000. Т. I. 316 с.
10. Сводный каталог сибирской и дальневосточной книги. 1790–1917 гг. / ред. Е.Б. Соболева. Новосибирск : ГПНТБ СО РАН, 2004. Т. 1: 1790–1900 гг. 507 с.
11. Коновалова Е.Н. Книга Тобольской губернии. 1790–1917 гг. : сводный каталог местных изданий. Новосибирск : ГПНТБ СО РАН, 2006. 528 с.
12. Высоцкий К.Н. и медиакультура Тюмени // Библиотечно-музейный комплекс ТюмГУ. URL: [https://ruslan.utmn.ru/pwb/?cq=cql.allIndexes all "высоцкий к. н. и медиакультура тюмени"](https://ruslan.utmn.ru/pwb/?cq=cql.allIndexes%20all%20высоцкий%20к.%20н.%20и%20медиакультура%20тюмени) (дата обращения: 01.09.2020).
13. Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. М. : Гиперборей ; Кучково поле, 2007. 464 с.
14. Шартье Р. Письменная культура и общество. М. : Новое изд-во, 2006. 272 с.
15. Барбье Ф. Европа Гутенберга. Книга и изобретение западного модерна (XIII–XVI вв.) М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2018. 496 с.
16. Кружинов В.М. Тюмень: вехи истории. Екатеринбург : Средне-Урал. кн. изд-во, 1997. 224 с.
17. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. СПб. : Изд. И.М. Сибирякова, 1892. [XVI], 720 с.
18. Седых И. Деды. // Князев В.В., Плотников М.П. Русь : избранное. Тюмень : СофтДизайн, 1998. С. 83–200.
19. Высоцкий К.Н. Заметка об Уральской железной дороге // Тобольские губернские ведомости. Редакторский корпус : антология тобольской журналистики конца XIX начала XX вв. / сост. вступ. ст. Ю.Л. Мандрики. Тюмень : Мандр и К^а, 2004. С. 1–25.
20. Путеводитель по Иртышу / изд. соединенных Западно-Сибирских пароходладельцев. Тюмень ; Екатеринбург : Тип. Л.В. Шаравьевой, 1911. 234 с.
21. Чукмалдин Н., Высоцкий К. Записка о плавании по реке Туре пароходов и о направлении предполагаемой железной дороги. Тюмень : Тип. К. Высоцкого, 1872. 38 с.
22. Дворцова Н.П. Книги-дорожники типографии Высоцких // Библиосфера. 2020. № 1. С. 25–31.
23. Чукмалдин Н.М. Записки о моей жизни / ред. С.Ф. Шарапов. М. : Типолит. А.В. Васильева и К^о, 1902. 192, [5] с.
24. Устав Приказчицкого Клуба в городе Тюмени. Тюмень : Тип. К. Высоцкого, 1869. 14 с.

25. Чернышевский Н.Г. Что делать? Из записок о новых людях. Л. : Наука, 1975. 870 с. URL: http://www.lib.ru/LITRA/CHERNYSHEVSKIJ/chto_delat.txt (дата обращения: 01.09.2020).

26. Тургенев И.С. Гамлет и Дон Кихот // Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. М. : Наука, 1980. Т. 5. С. 330–348.

27. Календарь на 1870 год. Типография и агентура печатных бумаг К. Высоцкого. Тюмень : Тип. К. Высоцкого, 1870. 15 с.

Konstantin Vysotsky and the Media Revolution in a Siberian Regional Town of the Second Half of the 19th Century

Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing, 2021, 27, pp. 86–102.

DOI: 10.17223/23062061/27/5

Natalya P. Dvortsova, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: n.p.dvortsova@utmn.ru

Keywords: K.N. Vysotsky, N.M. Chukmaldin, Tyumen, media revolution, new people, photography, lithography, book printing.

The article describes the activities of Konstantin Vysotsky (1836–1886), who was first to open a photographic studio (1866), a lithographic studio (1867), a printing house (1869), and a newspaper (1879) in Tyumen. The first consideration of Vysotsky in the context of the history of the media and their transformations/revolutions contributes to the novelty of the research. It allows for a description of his experience of media transformations in a Siberian regional town of the second half of the 19th century in a systematic way, as opposed to the local and fragmentary descriptions which existed in science until now. The research methodology is integrative in nature: the study of book printing as a cultural practice in connection with economic, social and cultural transformations within the boundaries of cultural history (F. Barbier) is combined with contextual and intertextual approaches, bibliological and structural-typological analysis. The research material contains Vysotsky's book, photographic, lithographic, and newspaper heritage stored in the Russian National Library, Tobolsk Historical and Architectural Museum-Reserve, I.Ya. Slotsov Museum Complex (Tyumen), and the Digital Collection of the University of Tyumen entitled *K.N. Vysotsky and the Media Culture of Tyumen*. Vysotsky is presented both as an object and a subject of the economic, technological, social, and cultural transformations of the city. He was actively and creatively changing it. Based on the analysis of Vysotsky's journalistic and publishing activities, his role in the history of the Tyumen shipping company and railway is revealed. The connection between Vysotsky and the landscape transformations of the city is shown. The idea that Vysotsky's figure can be interpreted in the context of the phenomenon of new people in Russia in the 1860s–1870s is introduced. It is shown that the Tyumen generation of new people (N.M. Chukmaldin, K.N. Vysotsky, I.A. Kalganov, etc.) with their daily practices (reading, self-education, movement towards “light and will”, a new order in servant-master relations) was being formed largely under the influence of Nikolay Chernyshevsky's novel *What Is to Be Done? Tales of New People*

(1863), Nikolai Yadrintsev's ideas of Siberian renovation, Ivan Turgenev's interpretation of the image of Don Quixote (*Hamlet and Don Quixote*, 1860). Intertextual connections of the system of motifs revealing the image of new people in Nikolai Chukmaldin's memoirs *Notes on My Life* (1902) and Chernyshevsky's novel are presented. It is established that the first book published by Vysotsky, *Charter of the Estate Manager Club in Tyumen*, actually became a message about a new life of the city which Vysotsky and Chukmaldin addressed to the people of Tyumen. Another finding is the logic of Vysotsky's professional development from photography to book printing. The author discusses the structure of the Vysotsky printing house repertoire dominated by documentary and non-fiction genres (road books, statutes, reports, calendars, catalogs, etc.). The complementarity of the book and visual (photographic and lithographic associated with the graphosphere) portraits of Tyumen created by Vysotsky contributed to a new hyper-reality which appeared in the city.

References

1. Chukmaldin, N.M. (2011) *Pis'ma iz Moskvy: vyrezki iz ochen' starykh gazet* [Letters from Moscow: clippings from very old newspapers]. Tyumen: Mandr i Ka.
2. Zheltkova, O.V. (2018) Dopolneniya k rodosloviyu Konstantina Vysotskogo [Additions to the genealogy of Konstantin Vysotsky]. *Genealogiya v kontekste izmeneniy kul'tury zhiznennogo puti* [Genealogy in the context of changes in the life path culture]. Proc. of the Conference. November 23–24, 2018. Tyumen: TIU. pp. 239–242.
3. Fil, S.G. (2001) Biografii Vysotskikh: versii, mify, fakty [Biographies of the Vysotskys: versions, myths, facts]. *Lukich*. 1. pp. 102–107.
4. Minenko, N.A. (2004) *Tyumen': letopis' chetyrekh stoletiy* [Tyumen: a chronicle of four centuries]. St. Petersburg: Rus'.
5. Kopylov, V.E. (2004) *Byloe svetopisi: u istokov fotografii v Tobol'skoy gubernii* [The past of photography: at the origins of photography in the Tobolsk province]. Tyumen: Slovo.
6. Boyarskiy, L.V. (2016) *Pionery tyumenskoy fotografii. 1866–1917 gg.* [Pioneers of Tyumen photography. 1866–1917]. Tyumen: Tyumenskiy dom fotografii.
7. Kubochkin, S.N. (2000) Pervaya tyumenskaya gazeta, ili Odin den' iz zhizni goroda [The first Tyumen newspaper, or One day in the life of the city]. *Lukich*. 3. pp. 41–58.
8. Konovalova, E.N. (2015) *Karty zemli Tyumenskoy XVI – nachala XX v.: ocherki* [Maps of the land of Tyumen, 16th – early 20th century: essays]. Tyumen: TyumNGU.
9. Volkova, V.N. (ed.) (2000) *Ocherki istorii knizhnoy kul'tury Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Essays on the history of book culture in Siberia and the Far East]. Vol. 1. Novosibirsk: SB RAS.
10. Soboleva, E.B. (ed.) (2004) *Svodnyy katalog sibirskoy i dal'nevostochnoy knigi. 1790–1917 gg.* [The consolidated catalog of Siberian and Far Eastern books. 1790–1917]. Vol. 1. Novosibirsk: SB RAS.
11. Konovalova, E.N. (2006) *Kniga Tobol'skoy gubernii. 1790–1917 gg.: svodnyy katalog mestnykh izdaniy* [Books of the Tobolsk province. 1790–1917: a summary catalog of local publications]. Novosibirsk: SB RAS.

12. Library and Museum Complex of Tyumen State University. (n.d.) *Vysotskiy K.N. i mediakul'tura Tyumeni* [Vysotsky K.N. and Tyumen media culture]. [Online] Available form: [https://ruslan.utmn.ru/pwb/?cq=cql.allIndexes all "vysotskiy k. n. i mediakul'tura tyumeni"](https://ruslan.utmn.ru/pwb/?cq=cql.allIndexes%20all%20vysotskiy%20k.%20n.%20i%20mediakul'tura%20tyumeni) (Accessed: 1st September 2020).
13. McLuhan, M. (2007) *Ponimanie media: vneshnie rasshireniya cheloveka* [Understanding Media: The Extensions of Man]. Translated from English. Moscow: Giperboreya; Kuchkovo pole.
14. Chartier, R. (2006) *Pis'mennaya kul'tura i obshchestvo* [Written culture and society]. Translated from French. Moscow: Novoe izd-vo.
15. Barbier, F. (2018) *Evropa Gutenberga. Kniga i izobretenie zapadnogo moderna (XIII–XVI vv.)* [Gutenberg's Europe: The Book and the Invention of Western Modernity]. Translated from French by I. Kushnareva. Moscow: The Gaidar Institute.
16. Kruzhinov, V.M. (1997) *Tyumen': vekhi istorii* [Tyumen: milestones in history]. Ekaterinburg: Sredne-Ural. kn. izd-vo.
17. Yadrintsev, N.M. (1892) *Sibir' kak koloniya v geograficheskoy, etnograficheskoy i istoricheskoy otnoshenii* [Siberia as a colony in terms of geography, ethnography, and history]. St. Petersburg: I.M. Sibiryakov.
18. Sedykh, I. (1998) Dedy [Grandfathers]. In: Knyazev, V.V. & Plotnikov, M.P. *Rus': izbrannoe* [Russia: selected works]. Tyumen: SoftDizayn. pp. 83–200.
19. Vysotskiy, K.N. (2004) Zametka ob Ural'skoy zheleznoy doroge [Note on the Ural Railway]. In: Mandrika, Yu.L. *Tobol'skie gubernskie vedomosti. Redaktorskiy korpus: antologiya tobol'skoy zhurnalistiki kontsa XIX – nachala XX vv.* [Tobolskie Gubernskie vedomosti. Editorial: anthology of Tobolsk journalism of the late 19th and early 20th centuries]. Tyumen: Mandr i Ka. pp. 1–25.
20. United West Siberian steamer owners. (1911) *Putevoditel' po Irtyshu* [A Guide to the Irtysh]. Tyumen; Ekaterinburg: L.V. Sharavieva.
21. Chukmaldin, N. & Vysotskiy, K. (1872) *Zapiska o plavanii po reke Ture parokhodov i o napravlenii predpolagaemoy zheleznoy dorogi* [Note on the navigation on the river Tura of steamboats and the direction of the proposed railroad]. Tyumen: K. Vysotskiy.
22. Dvortsova, N.P. (2020) *Knigi-dorozhniki tipografii Vysotskikh* [Road books of the Vysotsky printing house]. *Bibliosfera*. 1. pp. 25–31.
23. Chukmaldin, N.M. (1902) *Zapiski o moyey zhizni* [Notes on my life]. Moscow: A.V. Vasil'eva i Ko.
24. Tyumen Estate Manager Club. (1869) *Ustav Prikazchich'ego Kluba v gorode Tyumeni* [Charter of the Estate Manager Club in Tyumen]. Tyumen: K. Vysotskiy.
25. Chernyshevskiy, N.G. (1975) *Chto delat'? Iz zapisok o novykh lyudyakh* [What to do? Notes about new people]. Leningrad: Nauka.
26. Turgenev, I.S. (1980) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem* [Complete Works and Letters]. Vol. 5. Moscow: Nauka. pp. 330–348.
27. Anon. (1870) *Kalendar' na 1870 god. Tipografiya i agentura pechatnykh bumag K. Vysotskogo* [Calendar for 1870. Printing house and agency of printing papers of K. Vysotskiy]. Tyumen: K. Vysotskiy.

И.А. Айзикова

КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ СИБИРИ В ДУХОВНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.: ВООБРАЖАЕМАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ГЕОГРАФИЯ¹

Аннотация. На материале публикаций журнала «Странник» 1860-х гг. из книжной коллекции томского краеведа Г.К. Тюменцева анализируется отражение Сибири в сибирской духовной литературе второй половины XIX в. как фактор формирования культурного ландшафта региона. Представленное исследование расширяет понятие «трансграничье», с помощью которого описываются важнейшие характеристики ландшафта: многослойность, дискретность, а также варианты коммуникаций, обеспечивающие сохранение идентичности региона в условиях постоянных трансформаций.

Ключевые слова: культурный ландшафт, Сибирь, трансграничные территории, сибирская духовная литература.

Актуальность проблемы предлагаемой статьи связана не только с востребованностью в современном литературоведении ее историко-литературных, социолитературных, имагологических аспектов. Она актуализируется обострившимся в XXI в. глобальным конфликтом «своего» и «чужого»: с одной стороны, культурная интеграция, влекущая за собой, кроме межкультурного взаимодействия, размывание и даже смывание национальных, этнических, конфессиональных границ, культурных, речевых, религиозных традиций и основ социума, а с другой – нежелание, боязнь признать «чужое» как равное, равноценное «своему», вплоть до презрения и ненависти к «чужой» культуре, иному мировоззрению, вере, «чужим» устоям жизни. Сибирское социокультурное пространство, формировавшееся и продолжающее формироваться как трансграничное, как результат постоянных миграций, взаимодействий разных культур, в этом отношении представляет особый интерес, так же как и сибирская литература, отражающая эту

---

¹ Результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 0721-2020-0042.

сложную реальность в текстах разных жанров, видов и родов и одновременно формирующая ее.

Особое место в словесной культуре региона занимает духовная литература¹, изначально являвшаяся важнейшим фактором формирования культурного ландшафта Сибири, что доказано в авторитетных филологических трудах. Так, первые литературные памятники сибирской духовной литературы, формирование ее жанрово-стилевой системы вплоть до XIX в., ее взаимодействия с общерусским литературным процессом и духовной культурой региона представлены в исследованиях Е.И. Дергачевой-Скоп, В.Н. Алексеева, Н.Н. Покровского, Е.К. Ромодановской, О.Д. Журавель [1–12] и др.

Однако исследование сочинений сибирских духовных авторов XIX – начала XX в., за исключением старообрядческой литературы², практически только начинается. Сибирская духовная литература в том смысле, в котором предлагается ее понимать в данной статье, не привлекала внимания советских историков литературы. Во многом следуя за трудами М.К. Азадовского 1920–1940х гг. [13–15], авторы «Очерков русской литературы Сибири», вышедших из печати в начале 1980-х гг. [16], называя основные факторы ее развития, влияние Православной церкви не учитывают. Имена духовных писателей отсутствуют в библиографических указателях и биобиблиографических словарях сибирских писателей, изданных в 1970–1990-е гг.³

---

¹ Определяя объектом исследования сибирскую духовную литературу, мы имеем в виду произведения, соответствующие христианскому мировидению, созданные сибирским православным духовенством: представителями Русской православной церкви, чаще всего переведенными в Сибирь из центральных регионов России, а также православными миссионерами, отправляющимися в Сибирь и живущими там с целью распространения христианства.

² У истоков ее изучения стояли Е.И. Дергачева-Скоп, Н.Н. Покровский, Е.К. Ромодановская, их труд был продолжен Н.Д. Зольниковой, Н.С. Гурьяновой, Л.В. Титовой, О.Д. Журавель.

³ Библиографические издания А.В. Чернышова, прот. Б. Пивоварова, А. Ремова, Е.П. Гуляевой, А.А. Шишигиной, С.В. Мельниковой, Т.А. Крючковой, Е.Л. Воробьевой, Н.Н. Сухановой, Д.Н. Шилова и др., посвященные сочинениям православного духовенства Сибири и Дальнего Востока, появляются в 1990–2010-е гг. На эти же годы приходится переиздание сибирской духовной литературы (специально отметим работу, проводимую в этом направлении С.В. Мельниковой [17–19]).

В 1990-е гг. из печати выходит ряд работ, посвященных истории сибирской духовной литературы XIX – начала XX в.: ее отдельным памятникам, жанрам (прежде всего изучаются воспоминания, дневники, записки, путевые заметки), авторам. Эти материалы рассматриваются и как источник исторических, социологических исследований (см: [20–27] и др.).

Таким образом, работа в данном направлении представляется весьма плодотворной, и в этом русле важно рассмотрение наследия сибирского православного духовенства с учетом отражения в нем трансграничности культурного ландшафта Сибири и его влияния на формирование последнего, что еще никогда не становилось объектом научного рассмотрения.

Корпус сибирской духовной литературы XIX в., безусловно, расширяющий наши представления о составе и границах сибирской словесности дореволюционного периода, весьма своеобразно отражает строительство сибирского социокультурного пространства, которое происходит здесь в рамках воображаемой и социальной географии. Сибирь предстает в этих текстах как лично воспринимаемое автором пространство, как ландшафт, порождаемый восприятием текста, и как институционально структурированное пространство, в котором литература рассматривается как одно из взаимодействующих социокультурных полей и, следовательно, как инструмент формирования культурного ландшафта территории (в том числе ее литературного процесса), региональной идентичности, а также как организатор социальных взаимодействий.

Специально отметим, что материал, выбранный нами для моделирования отражения культурного ландшафта Сибири в духовной литературе региона, показателен тем, что входит в книжную коллекцию томского краеведа Г.К. Тюменцева, и это позволяет дополнить характеристику представляемой модели контекстом читательского конструирования корпуса сибирской духовной литературы и складывающегося в ней образа Сибири. Эти публикации входят в тематическое ядро коллекции Тюменцева, каковым являются книги о Сибири. Они собраны им в 335 конвюлютов с общим заглавием «Сборники статей о Сибири и о прилежащих к ней странах» (в целом около 4 тыс. единиц). По оценке Г.И. Колосовой, это «практически все, что печаталось как в России о Сибири, так и в самой Сибири» [28. С. 118] и отражало

«духовные запросы сибирского интеллигента второй половины XIX – начала XX в.» [29. С. 179].

Около ста публикаций, вошедших в собранные Тюменцевым конволюты, следует отнести к сибирской духовной литературе. Все они относятся к 1840-м – началу 1900-х гг., примерно 65% из них были опубликованы в столичной (московской, петербургской) периодике: в журналах «Странник», «Русская старина», «Исторический вестник», «Душеполезное чтение», «Прибавления к церковным ведомостям», «Журнал Министерства народного просвещения», «Труды Императорского Вольного экономического общества», «Чтения в Обществе истории и древностей Российских». Некоторые статьи были напечатаны в «Томских губернских ведомостях». Ряд сочинений (примерно 30%) вышли отдельными изданиями в Томске, Тобольске, Омске, Иркутске, Бийске (среди них имеются перепечатки из «Томских Епархиальных ведомостей», «Тобольских губернских ведомостей»).

Материалом для публикаций выступали история и современность духовной и церковной жизни Тобольска (чаще всего), Туруханска, Мангазеи, Иркутска, Алтая, Томской епархии, Забайкалья – с середины XVII до конца XIX в. По тематике это прежде всего жизнеописание церковных лиц, блаженных мучеников, пустынников, старцев, монахов Сибири, а также статьи о сибирских православных миссиях и принятии христианства инородцами, о сибирских монастырях, епархиях, об иконописании и известных иконах в Сибири. Весьма разнообразна и жанровая палитра сочинений: житие, биографический очерк, сказание (о жизни, об иконе), жизнеописание, очерк – самые частотные, реже – письма, записки, известия, отчеты и такие жанры собственно церковной литературы, как Слово, Речь, Архипастырское извещение, Архипастырские беседы.

Большая часть сочинений посвящена отдельным личностям. Среди них протопоп Аввакум, старцы Даниил и Феодор Кузьмич, монахиня Прокла, Блаженный мученик Василий Мангазейский, Блаженный Тихон, пустынный Варлаам, Св. Димитрий Ростовский как архипастырь сибирский, Св. Иннокентий, первый Иркутский епископ и чудотворец, епископ Модест, архиепископы Тобольские и Сибирские Амвросий II Рождественский, Амвросий I Келембет, Варлаам I Петров, Георгий Ящуржинский, Герасим Кремлев, Евлампий, Нектарий, Павел III Павлов и др., митрополиты Тобольские и Сибирские Антоний II

Нарожницкий, Антоний Стаховский, Игнатий Римский-Корсаков, Иоанн Максимович, Корнилий, Павел II Конюшкович Сильвестр Гловацкий, тобольский обер-священник Мансветов, томский кафедральный протоиерей о. Павел Андреевич Соболев.

Поражает своей широтой и представительностью корпус духовных авторов: Аввакум, архимандриты Венедикт, Владимир, Макарий (Глухарев); Владимир и Макарий, епископы Бийские; Вениамин, архиепископ Иркутский и Нерчинский; архимандрит Мелетий; Парфений, архиепископ Иркутский; иеромонах Смарагд и др. Наиболее часто Г.К. Тюменцев отбирал для своих «Сборников...» сочинения А.И. Сулоцкого, В.И. Вербицкого, Н.А. Абрамова, К.Ф. Скальского.

Ввиду большого объема материала остановимся только на публикациях из журнала «Странник». Они составляют половину духовных сочинений, отобранных Тюменцевым для своей коллекции, и потому могут считаться вполне репрезентативным основанием для анализа и обобщений.

Но прежде кратко охарактеризуем издание. Это – духовный, учено-литературный журнал, он выходил ежемесячно в 1860–1917 гг. Его основной читательской аудиторией было духовенство, а также все «любители духовного чтения». Частное издание, основанное епископом Виталием (в миру Василий Васильевич Гречулевич), по своему пафосу, содержанию было близко к официальной периодической печати РПЦ, носило религиозно-просветительский характер, имело ряд приложений и призвано было пробуждать интерес к духовной литературе. Тюменцев выбирал для своих сибирских сборников статьи преимущественно из 1-го раздела, составлявшего основу журнала и содержавшего жизнеописание русских святых, очерки о деятелях РПЦ, и это были публикации, принадлежащие исключительно перу сибирского духовенства.

Обращаясь собственно к проблеме отражения образа Сибири в духовном журнале «Странник» как фактора формирования социокультурного ландшафта региона в аспекте социальной и воображаемой географии, в первую очередь отметим очевидную функциональность всех рассматриваемых публикаций, которые восходят к внетекстовой реальности, предполагают в первую очередь решение идеологических задач, выполнение внелитературных, религиозных, религиозно-просветительских, коммуникативных функций. Вместе с тем, являясь

повествованиями главным образом мемуарно-биографического плана, данные публикации отмечены характерным взаимодействием документального и художественного начал, с чем связана возможность их изучения в имагологическом аспекте.

Проанализированные с этих точек зрения материалы о Сибири показывают ее прежде всего как трансграничное пространство с постоянно движущимися границами горизонтальных и вертикальных коммуникаций. С одной стороны, они задавались главным генератором институциональной деятельности сибирского православного духовенства, в том числе и в области литературы, каковым являлась РПЦ. С другой стороны, интерпретация границ в духовной сибирской литературе диктовалась сибирским социокультурным пространством, передаваемым в восприятии авторов. В частности, сохраняя традиционное для христианской идеологии представление о сакральном пространстве и его границах (речь идет о вертикальных коммуникациях), сибирские авторы духовных текстов нередко демонстрируют его расширение, позиционируя Сибирь как сакральное место прозрения божественных истин и заповедей. Так, например, в статье Н.А. Абрамова «Абалакский Знаменский монастырь» красной нитью проходит мысль о том, что «Божия Матерь... благоизволила принять под свое покровительство новопокоренную русскими Сибирь, удостоив ее явления чудотворного своего лика, чтобы благословением Божиим и предстательством Божией Матери освещалась эта бывшая ислаимизмо-языческая страна. Для пребывания своему изображению она избрала село Абалак, назначив икону свою в орудие своих Богоматерних чудодетствий, совершающихся чрез различные исцеления и другие милости Господни. Там в 1636 г. были несколько раз явления Божьей Матери, с святителем Николаем и преподобною Мариєю Египетскою, а потому, по благословению сибирского архиепископа Нектария <...>, в 1637 г. построена в Абалаке деревянная, во имя Знамения Божьей Матери, церковь». И далее: «Чудотворная икона Божией Матери послужила основанием учреждению в Абалаке монастыря. <...> С самого явления Божией Матери в Абалаке благодать от иконы ее неслась по отдаленным местам и возбуждала веру и живое упование на Бога и пресвятую Богородицу» [30. 1866. Июнь. С. 128, 130].

Характерна другая статья Н.А. Абрамова «О введении христианства у березовских остяков. 1706–1724». Открывая свое сочинение

обзорным описанием идолов и кумиров березовских остяков-язычников, их обычаев и обрядов, автор переходит к главной теме – «просвещения остяков христианскою верою». Его концепция прозрачна: «Будучи под властью татар, остяки не успели принять от них магометанской веры... Когда Промысл Всевышнего судил остякам, после собственных междуусобий и угнетений татарских, успокоиться под скипетром российских венценосцев, тогда христианская вера, без всяких насильственных мер, единственно путем убеждения, начала проникать в мрачные страны севера. Первые следы христианства у остяков сливаются с самым покорением их российской державе» [30. 1865. Сентябрь. С. 107].

Показательны и описания вхождения в сибирское пространство прибывающих из центральной России священников, оно подается как *восхождение*, многоступенчатый, заданный высшей волей процесс, подготавливаемый всеми годами предшествующей жизни. Например, этот мотив звучит в жизнеописании Амвросия I Келембета, архиепископа тобольского и сибирского, выполненном Н.А. Абрамовым («Амвросий I Келембет, архиепископ Тобольский и Сибирский. 1806–1822 г.»). Родом из Полтавской губернии, образование он получил в Киево-Могилянской академии, после чего принял монашество и был назначен лаврским ризничим, потом стал префектом Киевской академии, позднее архимандритом и ректором Воронежской семинарии, чуть позже ректором Новгородской семинарии и настоятелем Новгородского Антониева монастыря, позднее новгородского Юрьева монастыря. В 1799 г. хиротонисан во епископа Оренбургского и Уфимского, и, наконец, в 1806 г. он становится архиепископом Тобольским и Сибирским. Автор жизнеописания описывает прибытие архиепископа в Сибирь, используя ряд легко прочитываемых символов и подтекстов: «...остановился *за рекою Иртышом* <...>. Вечером... в раскинутой палатке отправлено было *всенощное бдение* – на праздник святых апостолов Петра и Павла. Назавтра, во время благовеста к литургии, преосвященнейший *переправился чрез Иртыш* и по въезде в город, при колокольном звоне при всех церквах, прибыл в кафедральный собор и совершил литургию (курсив наш. – И.А.) [Там же. 1869. Август. С. 26].

Тот же мотив ступенчатого восхождения в сибирское пространство звучит в жизнеописании «Антоний (Знаменский) Архиепископ

Тобольский» протоиерея А.И. Сулоцкого. Родившись в Новгороде и начав образование в Новгородской семинарии, будущий архиепископ сначала был перемещен в петербургскую Александро-Невскую семинарию, затем обучался в Александро-Невской академии, позднее принял пострижение с именем Антония от руки митрополита Гавриила и был определен префектом Александро-Невской семинарии, чуть позже был возведен в сан архимандрита одного из монастырей Новгородской епархии, затем назначен ректором Петербургской главной семинарии, преподавал Закон Божий великой княжне Екатерине Павловне, еще позже перемещен настоятелем валдайского Иверского монастыря, хиротонисан во епископа Старорусского, викария Новгородской епархии. Следующей ступенью стало назначение епископом Вологодским, и, наконец, он был возведен в сан архиепископа и назначен в Тобольск, чтобы занять место покойного родного брата митрополита Гавриила, своего благодетеля. По прибытии в Тобольск архиепископ остановился в монастыре, в собор и свой дом вошел в день Благовещения, предварительно облачившись в Захарьевской церкви и оттуда «с церемонией, подобной крестному ходу... в преднесении святых икон и крестов, при пении певчих, при звоне на колокольнях всех церквей... шел пеший... в собор, где служил молебен, совершил литургию» [30. 1868. Т. 4, кн. 10, отд. 1. С. 13].

Важной особенностью отражения сибирского трансграничья в «Страннике» является демонстрация в большинстве публикаций многослойности этого пространства, проявляющейся в межконфессиональных контактах населения региона (горизонтальных коммуникациях), а главное – в пересечении и сосуществовании вертикали и горизонтали социокультурного ландшафта региона. Характерен, например, биографический очерк А.А. Ивановского об авторе ряда публикаций в «Страннике» на эту тему, протоиерее В.И. Вербицком, которым открывается сборник его этнографических статей и исследований об алтайских инородцах. Приведем фрагмент из него:

Ходит миссионер из юрты в юрту или собирает алтайцев куда-либо в одно место, чтобы предложить им слово спасения. Если слушают со вниманием, миссионер доволен. Большею же частью слушают плохо, рассеянно, или прерывают речь проповедника разными неподходящими рассказами, вопросами или шумом. Вот и скорбь в душе. <...>. Приезжает миссионер домой и не смеет рассчитывать на отдых: и с делом, и с бездельем, постоянно приходят к нему инородцы. Один зовет исповедывать больного, другой просит лекарства, третий жалуется, что у него

увезли остожье. Приходят муж с женою, оба плачут, друг на друга жалуются. <...> Тут приносят детей для крещения, просят о повенчании, спрашивают, можно ли такому-то жениться на такой-то. <...> Надо о школах позаботиться. Если есть желающие креститься, нужно их приготовить к крещению...» [31. С. VIII–IX].

Столь же красноречиво в упомянутой выше статье Н.А. Абрамова «О введении христианства у березовских остяков. 1706–1724 г.» описание деятельности схимонаха Феодора среди крещенных остяков, на которых совершали жестокие набеги некрещенные самоеды. Его кроткие проповеди учения единства Божия, доказательства, что «идолы изобретены людьми и, как бездушные творения, не имеют никакой силы», наталкивались на доводы остяков и особенно шаманов, утверждавших, что они «издревле служат божествам своим, которым поклонялись отцы и предки их». Схимонаха встречали и луками со стрелами, и угрозами застрелить архиерея и всех бывших с ним. Но он, «несмотря ни на какие опасности, под защиту одного Бога... терпеливо препирался с закоренелыми идолопоклонниками и, наконец, кротостью» обращал «враждовавших ко Христу» и открывал купель крещения. Наиболее показательна авторская позиция, высказанная вполне однозначно: «Конечно, никакой народ не оставил бы веры предков своих, при кротких мерах, если бы не был побуждаем к тому благодатью Божией» [30. 1865. Сентябрь. С. 110]. Господь хранил схимонаха Феодора и других сибирских миссионеров и в их столкновениях с суровой сибирской природой, голодом и другими невзгодами. Все преодолевалось с «сердечной уверенностью в помощь Божию» [Там же. С. 112]. Здесь же звучит мотив Провидения, которое «поставляет своих избранных» на путь христианизации сибирских народов, он уже отмечался нами выше в других сочинениях сибирского православного духовенства.

Трансляция православными сибирскими писателями подобной модели отношений духовенства с местным населением, в том числе с инородцами, которая вырабатывалась в соответствии с институциональными задачами и исходя из повседневного взаимодействия духовных лиц с местным населением, весьма частотна. Приведем фрагмент из Речи ректора Тобольской семинарии, произнесенной при погребении Преосвященного Владимира, епископа Тобольского и Сибирского, в 1845 г., сообщенной Н.А. Абрамовым и опубликованной в «Страннике» архимандритом Венедиктом в 1866 г.:

...скорбим, что лишились святителя, который пред престолом Всевышнего... восторгал фимиам усерднейших молитв о нас; лишились... учителя и наставника, который неусыпно проповедывал слово Божие и возвещал слово благодати на всяком месте, при всяком удобном случае, не только дома, но и в пути, не только во храмах, но и в темницах, не только единоверным, но и разноречивым; лишились сладкого витии, которого уста источали живые, быстрые потоки духовной сладости, напоявшие умы и сердца наши; лишились духовного врача, который, не открывая ничьих ран, словом своим, болезни всех внутренне касался, заставляя каждого входить в самого себя, и собственными руками врачевать немощи свои [30. 1866. Август. С. 78].

Чужое (в данном случае христианское), как видим, привносится последовательно, но мягко в инородческую Сибирь как общерусское и транслируется сибирякам как *свое*, и одновременно Сибирь, *чужая* для православного духовенства, прибывающего в Сибирь из Центральной России, присваивается ими, становится для них *своим*, *ими конструируемым пространством*. Целый ряд статей посвящен священнослужителям, отдавшим годы жизни формированию новой христианской Сибири (новой системы ценностей, моделей поведения), преодолевавшим все препятствия на этом пути.

На этих основаниях, как описывается в рассматриваемых статьях, осуществлялись и коллективные интеракции миссий. Так, например, «массами, целыми родами, по крайней мере волостями, сибирские инородцы принимали христианство... во времена митрополита тобольского Филофея, в схеме Феодора Лещинского, когда этот подобоапостольный труженик, и бывши на покое, и управлявши епархией, в течении целых 15 лет (с 1712 по 1727 год), ежегодно с сотрудниками своими плывал по Иртышу, Оби, Конде, Туре, Чулим, Томи, Енисею и Ангаре и, несмотря на множество препятствий, даже на опасности жизни, окрестил почти всех живших по берегам сих рек инородцев (всего до 40 тысяч душ)». Об этом пишет в своей статье «Миссионерства Березовского края – обдорское, кондинское и в особенности сургутское» А.И. Сулоцкий [Там же. 1869. Август, отд. 4. С. 103].

Причем процесс этот не был прямолинейным. Усилия Феодора и сотрудников его миссии, можно сказать, сошли на нет, поскольку после них «не только не было вновь обращения неверующих к вере Христовой, но и прежде обращенные или снова совращались в язычество, или, не совращаясь открыто, язычествовали тайно, или, что всего чаще, считаясь христианами, христианского решительно ничего не

знали и не исполняли, не знали даже имени Христова, даже своих христианских имен, данных им при крещении» [30. 1869. Август, отд. 4. С. 103]. В 1827 г. архипастырь Евгений начал эту работу, по сути, сначала. Он обратился в Синод с просьбой создать новую миссию «с целью обращения... самоедов и части остяков» в христианство [Там же. С. 104]. Синод одобрил представление и предписал крещенных, но не знающих христианства остяков «прилежно обучать вере местным священникам, не делая, однако ж, им никакого стеснения, а для некрещенных открыть миссии в Обдорске» [Там же]. Явился и преемник, иеромонах Макарий, пытавшийся ввести в христианскую веру самоедов и остяков с помощью «толмача», знакомого с языками инородцев. Их действия оказались безуспешными из-за огромных территорий, на которых инородцы жили крайне разрозненно. Кроме того, между ними распространялся слух, будто миссионеры хотят крестить их «волей или неволей», отчего они бежали от миссионеров, не хотели их даже слушать. В этой ситуации архиепископом Афанасием было принято решение отказаться на время от действий миссионеров и начать с составления азбуки и словаря остяцкого языка, а также с открытия школ для остяцких детей («на первый раз хотя человек на 10»), в которых «они обучались бы только закону Божию и русскому языку, чтобы со временем могли служить толмачами для миссионеров и помощниками в делах миссии» [Там же. С. 105]. Целые монастыри (например, Кондинский) обращались в миссионерские, в них обучались остяцкие мальчики.

Наиболее результативными были взаимодействия с инородцами отдельных миссионеров, которые собственным примером, своей жизнью привлекали к себе инородцев, крестя хотя бы по несколько человек. Летом и зимой они странствовали по тундре, отыскивали там инородцев и им сообщали, «и не без успеха, слово спасения» [Там же]. Миссионеры устраивали и походные церкви, основывали станы поближе к кочевьям инородцев. Один на один противостояли шаманам. Все эти действия требовали от них не только упорства, бесстрашия, выносливости, но и «мягкости характера и тихости действий», «честности и правдивости» [Там же. С. 114], а главное, веры и готовности служить делу Христа. Результаты их деятельности могли быть разными. Кому-то удавалось за несколько дней «обратить к вере более 300 почти полудиких, притом крайне пристрастных к вере пред-

ков, сильно преданных грубой чувственности» [30. 1869. Август, отд. 4. С. 114] язычников, кому-то приходилось на это тратить месяцы, но всем им помогали сила и слово Божии.

Однако практики распространения христианской веры на территории Сибири определяются, в соответствии с ее трансграничностью, не только концептами *взаимодействие, просвещение верою, убеждение, проповедывание*, но и такими, как *покорение, указ, повеление, противостояние, вражда, борьба*¹. В рассмотренной выше статье «О введении христианства у березовских остяков. 1706–1724 г.» описывается деятельность первых миссионеров, посланных в Березовский край: их проповедывания Св. Евангелия не имели успеха – «остяки не хотели слышать о новой вере, с ожесточением встречали и провожали проповедников ее» [Там же. 1865. Сентябрь. С. 109]. Идолопоклонники насылали на крещенных иноверцев некрещенных, последние грабили и убивали первых, угоняли у них скот, варварски изуевичали трупы убитых за измену «вере отцов своих». Снимая кресты с убитых, привязывали их к шестам, которыми погоняли угнанных оленей, святые иконы, привязав за веревку, волочили за нартами [Там же. С. 118–120]. В свою очередь, случалось, что и схимники, «чтобы прежнее верование остяков не удовлетворяло внутренней потребности душ их», «истребляли идолов»: «Обский старик был предан огню, Медный гусь растоплен и брошен в глубину Оби», – а на бывших капищах водружались кресты [Там же. С. 110–111].

Такая важнейшая характеристика трансграничного культурного ландшафта Сибири, как дискретность, определявшая складывание единого пространства как системы микрорегионов со своей спецификой, также ярко отражена в духовной литературе как значимая черта края. Трактую слова Спасителя из Евангелия от Луки «Думаете ли, что Я пришел дать мир земле? Нет, говорю вам, но разделение» следую-

---

¹ Такая дихотомия очевидна в статьях епископа Вениамина («Забайкальская духовная миссия в 1867 году» [Там же. 1866. Июль. С. 14–26]), иеромонаха Мелетия («Записки забайкальского миссионера за 1864 год» [Там же. 1865. Октябрь. С. 23–41]), архиепископа Парфения («Иркутская духовная миссия в 1867 году» [Там же. 1868. Октябрь. С. 11–40; Ноябрь. С. 69–84; Декабрь. С. 113–151]), «Миссинерские известия» священника В. Вербицкого [Там же. 1861. Май. С. 194–202], «Миссинерства Березовского края – обдорское, кондинское и в особенности сургутское» протоиерея А.И. Сулоцкого [Там же. 1869. Август, отд. 4. С. 102–115] и др.

щим образом: «Разделение, как всякому видно, неизбежное, когда из среды одного и того же семейства одни делаются покорными слову Евангелия Христова, а другие противятся и ожесточаются; а между тем, с какими неприятностями, а иногда и бедствиями сопряжено бывает это разделение и для провозвестившего слово спасения, и для принявшего оное; – неприятностями и от семейства, отвергшего слово спасения, и от единоплеменников неверных, а иногда и от самых христиан, которые, не понимая разделения во спасение, желали бы лучше оставить разделяемых в единении на пагубу» [30. 1868. Кн. 10, отд. 4. С. 11], – архиепископ Парфений в статье «Иркутская духовная миссия в 1867 году» пишет как о реализации слов Спасителя о разделении Сибири в соответствии с миссионерским служением. В частности, в его статье речь идет об иркутском отделении миссии, в котором было выделено 10 инородческих ведомств¹. В каждом из них называются свои особенности: по количеству священников, миссионеров, некрещенных, «требующих о себе духовного попечения», по наличию церкви, причетников, по размерам территории, склонности инородцев к принятию православной веры, факторам, способствующим или мешающим распространению христианства и т.д., что и определяло необходимость взаимодействия «ведомств», «ведомств» с инородцами – например, перевод миссионеров из одного «ведомства в другое», богослужение на языке новокрещенных инородцев². Другими словами, главной целью миссионеров, разделявших территорию на «ведомства» и организовывавших их взаимосвязи, являлось создание в Сибири нового целостного пространства – православного. Распространение

---

¹ О подобном разделении территории на инородческие ведомства в Забайкальской духовной миссии во имя создания новой целостности пишет епископ Вениамин в статье «Забайкальская духовная миссия в 1867 году» [Там же. 1866. Июль. С. 14–26].

² «Правда, богослужебные книги на монгольском языке, для удобства отправления богослужения не знающими монгольский язык, напечатаны буквами славянскими; но были делаемы опыты чтения по этим книгами чрез посредство не знающих монгольский язык, при бурятах, но такое чтение или производило улыбку на лице бурят, или приводило их в недоумение – на каком языке совершается чтение. <...> В видах доставить иркутской епархии миссионеров с учеными знаниями монгольского языка, шесть воспитанников иркутской семинарии были вызваны в Петербург, чтобы там, при духовной академии, поучиться у избранного ориенталиста монгольскому языку, и учились не мало времени» [Там же. 1868. Кн. 10, отд. 4. С. 24].

христианской веры, со всеми его организационными особенностями, воспринимается и трактуется в сибирской духовной литературе исключительно как способ единения, укрепления и стабилизации Сибири и ее вхождения в общерусское православное пространство, в чем виделись основы ее развития.

Такую стабилизирующую функцию выполняли по-разному, но в общем все структурные элементы модели организации культурно-языкового ландшафта Сибири, конструируемой и отражаемой духовной литературой. Прежде всего назовем материально-объектную основу событий, процессов, порождающих и представляющих культурный и языковой ландшафт Сибири, которая всегда подробно представляется читателю в рассматриваемых публикациях. Практически все духовные писатели, приехавшие в Сибирь из Центральной России, пишут о суровом сибирском климате, о безграничных малонаселенных просторах края, его полиэтничности, язычестве, удаленности от столицы, что, в их восприятии, разделяло Сибирь на микрорегионы и, главное, отделяло ее от Российской империи. В связи с этим важнейшей темой рассматриваемых публикаций, как было отмечено выше, является объединение сибирского православного пространства в региональную целостность и ее вхождение в общерусское православное пространство, что происходило, кроме прочего, благодаря активному строительству церковью, монастырей, купелей для крещения, сетью покрывавших Сибирь. Подобно природе, они символизируют и утверждают в культурном ландшафте вечное, истинное, несущее душевную и социальную гармонию, исходящее от Божьей благодати. Отсюда противопоставление инородческих и православных символов веры как тленного и нетленного. Это – лейтмотив многих рассматриваемых публикаций.

Так, в статье Н.А. Абрамова «О введении христианства у березовских остяков. 1706–1724 г.» подробно описаны их идолы. Автор последовательно подчеркивает, что все они были вытесаны шаманами из дерева (реже из камня) и имели «вид безобразного человека с рогами» или выплавлены из металла в виде птиц. Изредка кумиров выливали из золота. Они хранились в капищах в «отдаленных лесах». Нередко идола изготавливали из мешка, набитого другими мешками и сверху туго завязанного. В жертву идолам приносили «мягкую рухлядь», старые стрелы, посуду, убитых оленей. Все эти идолы легко

разрушались. «Тайный страх овладевал» всеми, включая шаманов, когда они видели «бессилие идолов и свое заблуждение». На местах бывших капищ строились православные храмы, сначала деревянные, потом каменные, которые с момента своего возведения неоднократно перестраивались, заново возводились после пожаров и становились все красивее, расширяя свои площади. Ряд статей посвящен нетленным сибирским иконам, охраняющим настоящее и формирующим будущее Сибири и России в целом.

Отражены в публикациях и системы регулирования процессов, связанных с христианизацией Сибири. Наряду с идеей ее предопределенности, христианизация региона описывается и как результат последовательных действий РПЦ и государства¹. Так, в статье Н.А. Абрамова «Амвросий II Рождественский, архиепископ Тобольский и Сибирский. 1822–1825 гг.» сообщается о тесном взаимодействии архиепископа с М.М. Сперанским, благодаря чему в 1822 г. «Тобольск сделался средоточием западной половины Сибири и двух совещательных советов. В 1-й день января 1823 года открыт в Тобольске Совет Главного управления Западной Сибири» [30. 1869. Октябрь, отд. 1. С. 8]. Амвросий II Рождественский видел в этом «главнейшую заботливость правительства» о том, чтобы вместе с сибирском духовенством «прекратить беспорядки и неправды местные и распространить христианство» [Там же. С. 7]. При участии епархиального архиерея была «испрошена особенная в степь миссия» для обращения в христианство «киргиз-кайсаков», основаны казацкие станицы (Каркарилинская, Кокчетавская и др.), где были построены церкви и моленные дома.

Н.А. Абрамов пишет и о том, что Амвросий II Рождественский устанавливал отношения «с лучшими и почетными из тобольских купцов, приглашал их к денежным пожертвованиям в попечительство о бедных духовного звания. Купечество с готовностью отзывалось на глас пастыря и исполняло его желание» [Там же. С. 12]. Предметом особой заботы Амвросия II Рождественского были семинарии и уезд-

---

¹ См., напр., статьи: «Абалакский Знаменский монастырь», «Амвросий I Келембет, архиепископ Тобольский и Сибирский», «Амвросий II Рождественский, архиепископ Тобольский и Сибирский», «Записки находившихся в Березовском округе Тобольской епархии, для обращения иноверцев к христианству, иеромонаха Макария и помощников его, 1832 года» и др.

ные училища. С его благословения возводился каменный жилой корпус для учащихся семинарии при Знаменском монастыре. При нем в Тобольске в 1824 г. было открыто попечительство о бедных духовного звания. «Преосвященнейший вообще старался о призрении и сирот, и бедных. В Тобольске, при Богоявленской церкви, находилась в особенном каменном здании богадельня для сирот, вдов и девиц духовного звания. Возрастных девиц преосвященнейший старался пристраивать в замужество за окончивших в семинарии учение благонравных воспитанников и выдавал на приданое из сумм тобольского попечительства от 50 до 100 рублей ассигнациями» [30. 1869. Октябрь, отд. 1. С. 12].

Наряду с этим важнейшая роль в объединении Сибири и ее единении с Россией отводится в рассматриваемых статьях внедрению православных ритуалов и церковных служб, которые, в соответствии с многослойностью и дискретностью сибирского трансграничного пространства, также адаптировались к сибирскому ландшафту, порождая специфику многих интеракций в регионе. Например, православные богослужения для инородцев велись в Сибири на их языках, на их языки переводилось Евангелие, весьма своеобразно проходили православные обряды. Приведем фрагмент статьи Н.А. Абрамова «Записки находившихся в Березовском округе Тобольской епархии, для обращения иноверцев к христианству, иеромонаха Макария и помощников его, 1832 года», где описывается обряд крещения самоеда:

Послали мы своего толмача к Нечаевскому, с приглашением его к себе вместе с самоедом, и сего же числа он, со своим работником, некрещеным самоедом, посетил нас. Здесь между прочими разговорами спрашивали мы сего самоеда: желаешь ли принять христианскую веру? Он на своем языке... изъясил усердное желание окреститься <...>, удержали мы его у себя на квартире и, по силе инструкции, объяснили ему, сколько можно было, догмат христианской веры, заповеди Господни и научили его креститься с произношением по-русски слов: во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Хозяина его пригласили быть восприемным отцом и назначили день крещения. <...> поутру самоед носил сам воду в кадучку, приготовленную для купели, и по надлежащем приуготовлении миссионер Макарий сего самоеда крестил и святым миром помазал с наречением имени Иоанн. <...> После сего таинства Макарий новокрещенного Иоанна приобщил тела и крови Господа нашего Иисуса Христа... Нечаевский пригласил нас к себе в дом, угощал чаем и обеденным столом; тут же с нами обедал и сей новокрещенный Иоанн [Там же. 1866. Август. С. 13–14].

Наконец, только отметим символическое кодирование сибирского пространства в текстах сибирских священников. В рассмотренных статьях складывается своя система знаков, влияющих на восприятие текста. Кроме указанных выше концептов, идей и образов, следует назвать способы изображения сибирских священников, композиционные особенности их жизнеописаний, а также повествований о сибирских христианских миссиях, своего рода канон в описании язычников-инородцев, в пейзажных и бытовых зарисовках, призванных передавать авторскую позицию – все это может стать предметом специального исследования. Мы же обратим внимание на то, что результатом отмеченного кодирования духовной сибирской литературы можно считать обновление «имиджа» Сибири, сибирского культурного ландшафта. Порождаемые конкретными практиками характеристики пространства передавались в духовной литературе системой символически прочитываемых образов и действий (церковь, икона, явление Божьей Матери, крещение, благословение, помощь Божия и др.), которые позволяли воспринимать Сибирь более глубоко и неоднозначно, по сравнению с традиционными представлениями, часто исключаящими друг друга (имеется в виду известная амплитуда: Сибирь – край холода, мглы и смерти, адское дно, и Сибирь – земля обетованная). Сибирь в сочинениях духовных авторов – не то и не другое, это прежде всего трансграничное пространство, что и задает динамику его многоуровневого жизнеустройства.

Обобщая сказанное, можно утверждать, что представленная модель отражения культурного ландшафта Сибири в духовной сибирской литературе позволяет расширить понятие «трансграничье», с помощью которого описываются важнейшие характеристики ландшафта: многослойность, дискретность, а также варианты интеракций в его поле, выступающие важнейшим фактором построения этого ландшафта, достижения его устойчивости, сохранения идентичности в условиях постоянных трансформаций. Важно подчеркнуть и материал, на котором была выстроена предлагаемая модель – духовная сибирская литература, которая открывает новые страницы в истории сибирского трансграничья.

Литература

1. Дергачева-Скоп Е.И. Из истории литературы Урала и Сибири XVII века. Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1965. 152 с.

2. Очерки русской литературы Сибири : в 2 т. Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1982. Т. 1: Дореволюционный период / Е.И. Дергачева-Скоп, Е.К. Ромодановская, В.В. Блажес и др. 605 с.
3. Дергачева-Скоп Е.И. Летописи сибирские. Новосибирск : Кн. изд-во, 1991. 270 с.
4. Дергачева-Скоп Е.И., Алексеев В.Н. Концепт «культурное гнездо» и региональные аспекты изучения духовной культуры Сибири // Материалы I Сибиро-Уральского исторического конгресса. Тобольск, 1997. С. 3–8.
5. Дергачева-Скоп Е.И., Алексеев В.Н. Ремезовская летопись: История Сибирская, Летопись Сибирская краткая Кунгурская : исследование, текст и перевод : науч.-справ. аппарат факсимильного издания рукописи БРАН (СПб.) : в 2 т. Тобольск ; Верона : График, 2006. 270 с.
6. Древнерусское духовное наследие в Сибири. Научное изучение памятников традиционной русской книжности на востоке России (1965–2005) / сост. и отв. ред. Е.И. Дергачева-Скоп, В.Н. Алексеев. Новосибирск, 2008. Т. 1, 2.
7. Ромодановская Е.К. Русская литература в Сибири первой половины XVII в. (Истоки русской сибирской литературы). Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1973. 172 с.
8. Полное собрание русских летописей. М. : Наука, 1987. Т. 36: Сибирские летописи. Ч. 1, 2 / подгот. В.Н. Алексеевым и др.; предисл. Н.Н. Покровского, Е.К. Ромодановской.
9. Тобольский архиерейский дом в XVII веке: переписные книги / изд. подгот. Н.Н. Покровский, Е.К. Ромодановская. Новосибирск: Науч.-изд. центр «Сиб. хронограф», 1994. 291 с.
10. Литературные памятники Тобольского архиерейского дома XVII века / сост., предисл. Е.К. Ромодановской, подгот. текстов и коммент. Е.К. Ромодановской, О.Д. Журавель. Новосибирск : Сиб. хронограф, 2001. 440 с.
11. Ромодановская Е.К. Сибирь и литература. XVII в. Новосибирск : Наука, 2002. 390 с.
12. Журавель О.Д. Литературное творчество старообрядцев XVIII – начала XXI вв.: темы, проблемы, поэтика. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2012. 442 с.
13. Азадовский М.К. Сибирь в русской художественной литературе. Иркутск : Власть труда, 1926. 19 с.
14. Азадовский М.К. Сибирская литература. К истории постановки вопроса. Иркутск, 1928. 22 с.
15. Азадовский М.К. Очерки литературы и культуры в Сибири. Иркутск : Иркут. обл. изд-во, 1947. Вып. 1. 203 с.
16. Очерки русской литературы Сибири : в 2 т. Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1982.
17. Припоминания современника о высокопреосвященном Иннокентии, митрополите Московском / протоирей П.В. Громов; сост. С.В. Мельникова. Иркутск, 2014. 259 с.

18. Православные духовные писатели Восточной Сибири XVIII – начала XX века. Путевые записки архиепископа Нила (Н.Ф. Исаковича) / авт.-сост. С.В. Мельникова. Иркутск, 2018. 352 с.
19. Православные духовные писатели Восточной Сибири XVIII – начала XX века. Дневники святителя Герасима (Г.И. Добросердова) / авт.-сост. С.В. Мельникова. Иркутск, 2019. 192 с.
20. Харченко Л.Н. Распространение православной духовной литературы и духовного просвещения в Восточной Сибири (XVII – первая половина XIX вв.) : очерки истории. Иркутск : Изд-во Иркут. гос. пед. ун-та, 2000. 208 с.
21. Матханова Н.П. Мемуарное наследие сотрудников Алтайской духовной миссии (XIX век) // Сибирь на перекрестье мировых религий : материалы 4-й межрегион. науч.-практ. конф. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2009. С. 170–175.
22. Шастина Т.П. Алтай протоиерея Михаила Путинцева – «...Поистине горы Божии» // Макарьевские чтения : материалы XI Междунар. науч.-практ. конф. Горно-Алтайск : РИО ГАГУ, 2016. С. 218–226.
23. Шастина Т.П. Этнографическая составляющая в рассказе священника Сергея Ивановского «В горах Алтая» // Макарьевские чтения : материалы междунар. науч.-практ. конф. (24–26 октября 2019 г.). Горно-Алтайск : БИЦ ГАГУ, 2019. С. 303–309.
24. Мельникова С.В. Творческое наследие протоиерея Ф.А. Стукова: к истории документальной литературы и журналистики Якутии рубежа XIX–XX вв. // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. 2020. № 2 (76). С. 80–91.
25. Мельникова С.В., Жданова Е.В. Поэтические опыты восточносибирского православного духовенства XVIII – начала XX века (по материалам епархиальной печати) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. Вып. 66. С. 241–261.
26. Чернышева Н.К. Почитание святителя Иннокентия Иркутского в духовной культуре России: книжная и рукописная традиция : дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2011. 498 с.
27. Макарчева Е.Б. Сословные проблемы духовенства Сибири и церковное образование в конце XVIII – первой половине XIX века (по материалам Тобольской епархии) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2001. 26 с.
28. Колосова Г.И. «Энциклопедия сибиреведения»: книжное собрание Г.К. Тюменцева в фондах Научной библиотеки Томского университета // Вторые Макушинские чтения (23–24 мая 1991 г., Томск) : [материалы]. Томск, 1991. С. 116–118.
29. Колосова Г.И. Специфика состава книжного собрания Г.К. Тюменцева как отражение духовных запросов сибирского интеллигента второй половины XIX – начала XX в. // Факторы формирования духовного мира и социального облика населения Западной Сибири с древности до современности. Томск, 2004. С. 179–186.
30. Странник : духовный журнал. СПб., 1860–1917.
31. Ивановский А.А. Алтайский миссионер, протоиерей Василий Иванович Вербицкий // Алтайские инородцы : сб. этнографических статей и исследований

алтайского миссионера, протоиерея В.И. Вербицкого. М. : Т-во А.А. Левинсона, 1893. С. VII–XII.

The Cultural Landscape of Siberia in the Spiritual Literature of the Second Half of the 19th Century: Imaginary and Social Geography

Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing, 2021, 27, pp. 103–125.

DOI: 10.17223/23062061/27/6

Irina A. Ayzikova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: wand2004@mail.ru

Keywords: cultural landscape, Siberia, Siberian spiritual literature, second half of 19th century, imaginary and social geography.

The study has been carried out under the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Project No. 0721-2020-0042.

The relevance of the problem of the article is connected not only with the interest of modern literary studies in its historical-literary, socio-literary, imagological aspects. It is also actualized by the global “friend-or-foe” conflict that has escalated in the 21st century. Of particular interest in this regard is the Siberian socio-cultural space, which has been formed and continues to be formed as a transboundary area as a result of constant migrations and interactions of different cultures, and Siberian literature, which reflects this complex reality in texts of different genres, types, and genera, and simultaneously forming it. A special place in the verbal culture of the region belongs to spiritual literature, initially the most important factor in the formation of the cultural landscape of Siberia, which authoritative philological works prove. However, the consideration of the heritage of the Siberian Orthodox clergy, taking into account the reflection in it of the transboundary nature of the cultural landscape of Siberia and its influence on the formation of the latter, has never become an object of scientific consideration. Defining Siberian spiritual literature as the object of research, the author means works in line with the Christian worldview created by the Siberian Orthodox clergy: representatives of the Russian Orthodox Church, most often transferred to Siberia from the central regions of Russia, as well as Orthodox missionaries traveling to Siberia and living there with the aim of spreading Christianity. The corpus of Siberian spiritual literature of the second half of the 19th century, which certainly expands our ideas about the composition and boundaries of Siberian literature of the pre-revolutionary period, reflects the construction of the Siberian socio-cultural space in a very peculiar way – within the framework of imaginary and social geography. In these texts, Siberia appears as a space personally perceived by the author, as a landscape generated by the perception of the text, and as an institutionally structured space in which literature is considered as one of the interacting socio-cultural fields, and therefore as an instrument for the formation of the cultural landscape of the territory (including its literary process), regional identity, and as an organizer of social interactions. According to the results of the analysis, the author argues that the presented model of reflection of the cultural landscape of Siberia in the spiritual Siberian literature allows expanding the concept

“transboundary area”. The concept helps describe the most important characteristics of the landscape – multilayeredness and discreteness, as well as options for interactions within it, which are the most important factor in building this landscape, achieving its stability, preserving identity in conditions of constant transformations. It is also important to emphasize the material on which the proposed model was built – spiritual Siberian literature, which opens new pages in the history of the Siberian transboundary area.

References

1. Dergacheva-Skop, E.I. (1965) *Iz istorii literatury Urala i Sibiri XVII veka* [From the history of literature of the Urals and Siberia of the 17th century]. Sverdlovsk: Sred.-Ural. kn. izd-vo.
2. Dergacheva-Skop, E.I., Romodanovskaya, E.K., Blazhes, V.V. et al. (1982a) *Ocherki russkoy literatury Sibiri: v 2 t.* [Essays on Russian literature in Siberia: in 2 vols]. Vol. 1. Novosibirsk: Nauka.
3. Dergacheva-Skop, E.I. (1991) *Letopisi sibirskie* [Siberian Chronicles]. Novosibirsk: Kn. izd-vo.
4. Dergacheva-Skop, E.I. & Alekseev, V.N. (1997) Kontsept “kul'turnoe gnezdo” i regional'nye aspekty izucheniya dukhovnoy kul'tury Sibiri [The concept of “cultural nest” and regional aspects of the study of the Siberian spiritual culture]. In: Konev, A.Yu. (ed.) *Kul'turnoe nasledie Aziatskoy Rossii* [Cultural heritage of Asian Russia]. Tobolsk: Tobolsk State Pedagogical Institute. pp. 3–8.
5. Dergacheva-Skop, E.I. & Alekseev, V.N. (2006) *Remezovskaya letopis': Istoriya Sibirskaya, Letopis' Sibirskaya kratkaya Kungurskaya: issledovanie, tekst i perevod: nauch.-sprav. apparat faksimil'nogo izdaniya rukopisi BRAN (SPb.): v 2 t.* [The Remezov Chronicle: Siberian History, Siberian Kungur Short Chronicle: research, text and translation: a scientific-reference apparatus for facsimile edition of the BRAN manuscript (St. Petersburg): in 2 volumes]. Tobolsk; Verona: Grafik.
6. Dergacheva-Skop, E.I. & Alekseev, V.N. (eds) (2008) *Drevnerusskoe dukhovnoe nasledie v Sibiri. Nauchnoe izuchenie pamyatnikov traditsionnoy russkoy knizhnosti na vostoke Rossii (1965–2005)* [Old Russian spiritual heritage in Siberia. The academic study of the traditional Russian literacy in the east of Russia (1965–2005)]. Vol. 1, 2. Novosibirsk: Nauka.
7. Romodanovskaya, E.K. (1973) *Russkaya literatura v Sibiri pervoy poloviny XVII v. (Istoki russkoy sibirskoy literatury)* [Russian literature in Siberia in the first half of the 17th century. (The origins of Russian Siberian literature)]. Novosibirsk: Nauka.
8. Alekseev, V.N. et al. (1987) *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 36. Moscow: Nauka.
9. Pokrovskiy, N.N. & Romodanovskaya, E.K. (1994) *Tobol'skiy arkhieyevskiy dom v XVII veke: perepisnye knigi* [Tobolsk bishop's house in the 17th century: census books]. Novosibirsk: Sib. Khronograf.
10. Romodanovskaya, E.K. (ed.) (2001) *Literaturnye pamyatniki Tobol'skogo arkhieyevskogo doma XVII veka* [Literary monuments of the Tobolsk bishop's house of the 17th century]. Novosibirsk: Sib. Khronograf.

11. Romodanovskaya, E.K. (2002) *Sibir' i literatura. XVII v.* [Siberia and Literature. The 17th century]. Novosibirsk: Nauka.
12. Zhuravel, O.D. (2012) *Literaturnoe tvorchestvo staroobryadsev XVIII – nachala XXI vv.: temy, problemy, poetika* [Literary creativity of the Old Believers in the 18th – early 21st centuries: themes, problems, poetics]. Novosibirsk: SB RAS.
13. Azadovskiy, M.K. (1926) *Sibir' v russkoy khudozhestvennoy literature* [Siberia in Russian fiction]. Irkutsk: Vlast' truda.
14. Azadovskiy, M.K. (1928) *Sibirskaya literatura. K istorii postanovki voprosa* [Siberian literature. On the history of the question]. Irkutsk: [s.n.].
15. Azadovskiy, M.K. (1947) *Ocherki literatury i kul'tury v Sibiri* [Essays on literature and culture in Siberia]. Vol. 1. Irkutsk: Ir-kut. obl. izd-vo.
16. Dergacheva-Skop, E.I., Romodanovskaya, E.K., Blazhes, V.V. et al. (1982b) *Ocherki russkoy literatury Sibiri: v 2 t.* [Essays on Russian literature in Siberia: in 2 vols]. Vol. 1. Novosibirsk: Nauka.
17. Gromov, P.V. (2014) *Pripominaniya sovremennika o vysokopreosvyashchennom Innokentii, mitropolite Moskovskom* [Reminiscences of a contemporary of the Most Reverend Innocent, the Mitropolitan of Moscow]. Irkutsk: [s.n.].
18. Melnikova, S.V. (2018) *Pravoslavnye dukhovnye pisateli Vostochnoy Sibiri XVIII – nachala XX veka. Putevye zapiski arkhiepiskopa Nila (N.F. Isakovicha)* [Orthodox spiritual writers of Eastern Siberia, 18th – early 20th century. Travel notes of the Archbishop Nil (N.F. Isakovich)]. Irkutsk: [s.n.].
19. Melnikova, S.V. (2019) *Pravoslavnye dukhovnye pisateli Vostochnoy Sibiri XVIII – nachala XX veka. Dnevnik svyatitelya Gerasima (G.I. Dobroserdova)* [Orthodox spiritual writers of Eastern Siberia, 18th – early 20th century. Diaries of St. Gerasim (G.I. Dobroserdov)]. Irkutsk: [s.n.].
20. Kharchenko, L.N. (2000) *Rasprostranenie pravoslavnoy dukhovnoy literatury i dukhovnogo prosveshcheniya v Vostochnoy Sibiri (XVII – pervaya polovina XIX vv.): ocherki istorii* [The semination of Orthodox spiritual literature and spiritual enlightenment in Eastern Siberia (17th – first half of the 19th centuries): history essays]. Irkutsk: Irkutsk State Pedagogical University.
21. Matkhanova, N.P. (2009) *Memuarnoe nasledie sotrudnikov Altayskoy dukhovnoy missii (XIX vek)* [Memoir heritage of employees of the Altai spiritual mission (19th century)]. *Sibir' na perekrest'e mirovykh religiy* [Siberia at the Crossroads of World Religions]. Proc. of the Fourth Conference. Novosibirsk: Novosibirsk State University. pp. 170–175.
22. Shastina, T.P. (2016) *Altay protoiereya Mikhaila Putintseva – "...Poistine gory Bozhii"* [Altai Archpriest Mikhail Putintsev – "... True mountains of God"]. *Makar'evskie chteniya* [The Makariev Readings]. Proc. of the 11th International Conference. Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk State University. pp. 218–226.
23. Shastina, T.P. (2019) *Etnograficheskaya sostavlyayushchaya v rasskaze svyashchennika Sergiya Ivanovskogo "V gorakh Altaya"* [The ethnographic component in the story of priest Sergiy Ivanovsky "In the Altai Mountains"]. *Makar'evskie*

chteniya [The Makariev Readings]. Proc. of the Conference. October 24–26, 2019. Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk State University. pp. 303–309.

24. Melnikova, S.V. (2020) The Creative Legacy of Archpriest F. A. Stukov: to the History of Documental Literature and Journalism in Yakutia at the Turn of 19th – 20th Centuries. *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M.K. Ammosova – Vestnik of North-Eastern Federal University*. 2(76). pp. 80–91. (In Russian).

25. Melnikova, S.V. & Zhdanova, E.V. (2020) Poetic experiments of East Siberian Orthodox clergy in the 18th – early 20th centuries (based on the materials of the eparchial press). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 66. pp. 241–261. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/66/13

26. Chernysheva, N.K. (2011) *Pochitanie svyatitelya Innokentiya Irkutskogo v dukhovnoy kul'ture Rossii: knizhnaya i rukopisnaya traditsiya* [Veneration of Saint Innocent of Irkutsk in the spiritual culture of Russia: book and manuscript tradition]. History Dr. Diss. Novosibirsk.

27. Makarcheva, E.B. (2001) *Soslovnye problemy dukhovenstva Sibiri i tserkovnoe obrazovanie v kontse XVIII – pervoy polovine XIX veka (po materialam Tobol'skoy eparkhii)* [Estate problems of the clergy of Siberia and church education at the end of the 18th – first half of the 19th century (based on the materials of the Tobolsk diocese)]. Abstract of History Cand. Diss. Novosibirsk.

28. Kolosova, G.I. (1991) “Entsiklopediya sibirevedeniya”: knizhnoe sobranie G.K. Tyumentseva v fondakh Nauchnoy biblioteki Tomskogo universiteta [“Encyclopedia of Siberian Studies”: G.K. Tyumentsev’s book collection in the funds of the Tomsk University Research Library]. *Vtorye Makushinskie chteniya* [The Second Makushin Readings]. Tomsk, May 23–24, 1991. Tomsk: Tomsk State University. pp. 116–118.

29. Kolosova, G.I. (2004) Spetsifika sostava knizhnogo sobraniya G.K. Tyumentseva kak otrazhenie dukhovnykh zaprosov sibirskogo intelligenta vtoroy poloviny XIX – nachala XX v. [The specificity of G.K. Tyumentsev’s book collection as a reflection of the spiritual needs of the Siberian intellectual in the second half of the 19th – early 20th century]. In: Voskresenskaya, M.A. (ed.) *Faktory formirovaniya dukhovnogo mira i sotsial'nogo oblika naseleniya Zapadnoy Sibiri s drevnosti do sovremennosti* [Factors of the formation of the spiritual world and social appearance of the West Siberian population from antiquity to the present]. Tomsk: NTL. pp. 179–186.

30. *Strannik: dukhovnyy zhurnal* [The Wanderer: a spiritual journal]. St. Petersburg. 1860–1917.

31. Ivanovskiy, A.A. (1893) Altayskiy missiонер, protoierey Vasiliy Ivanovich Verbitskiy [Altai missionary, archpriest Vasily Ivanovich Verbitsky]. In: Verbitsky, V.I. (1893) *Altayskie inorodtsy* [Altai Non-Russians]. Moscow: T-vo A.A. Levinsona. pp. VII–XII.

ВОПРОСЫ КНИГОИЗДАНИЯ

УДК 028:004

DOI: 10.17223/23062061/27/7

Т.Л. Воробьева

ТРАНСФОРМАЦИЯ МОДЕЛИ ЧТЕНИЯ В ЦИФРОВОЙ КУЛЬТУРЕ¹

***Аннотация.** Рассматривается радикальная трансформация модели чтения в условиях цифровой культуры, характеризующаяся коренными изменениями читательских практик и пересмотром многих существенных понятий теории чтения и методологических подходов в их изучении. Обосновывается идея о трансформации понятия «чтение», которое становится поликодовым, мультимодальным, приводящим к изменению читательского мышления и восприятия и определяющим выбор соответствующих читательских стратегий. Показывается закономерный характер происходящих процессов.*

Ключевые слова: модель чтения, мультимодальность, стратегии чтения, цифровой разрыв.

Характеристики чтения как ведущей социокультурной практики в современном обществе в категориях «кризиса» и «катастрофы» представляются неправомерными, так как, на наш взгляд, следует говорить о радикальной трансформации модели чтения в условиях цифровой культуры и глобального информационного пространства. Более того, одной из характеристик современного общества является своеобразная «гипертрофия чтения»: мы читаем постоянно и везде – с экранов гаджетов, компьютеров, рекламных щитов и книжных страниц. При этом, как отмечают современные специалисты, книгоиздание, в рыночных условиях напрямую зависимое от покупательского спроса, не успевает за модификацией читательских практик: люди читают, но часто не то, что публикуют издатели. Об этом свидетельствует и высокий рост популярности самиздат-публикаций: так, по данным журнала «Книжная индустрия», в период пандемии за 2020 г.

---

¹ Исследование выполнено при поддержке Программы развития ТГУ («Приоритет-2030»).

в проекте «ЛитРес: Самиздат» количество новых авторов выросло на 22,5%, а выручка сервиса увеличилась почти вдвое [1].

Сегодня ученые во всем мире признают, что проблему влияния информационно-коммуникативных технологий на читательскую деятельность необходимо рассматривать не только в плане технологических инноваций, но и в антропологическом аспекте как глобальные личностные и культурные изменения, влияющие на сенсориум читателя, на важнейшие когнитивные механизмы процесса чтения: память, внимание, восприятие, мышление, понимание. Это предполагает пересмотр многих существенных понятий и методологических подходов в изучении чтения и читательских практик в реалиях современного информационного общества.

Под моделью чтения понимается особая совокупность ориентиров и критериев книжной культуры (статус, круг чтения, его качество и т.п.), которая раскрывает читательский потенциал общества в определенный период времени и позволяет судить о месте чтения и уровне грамотности той страны, к которой принадлежит это общество. Определяя методологические установки данного исследования, следовало бы отметить, что наиболее приемлемым в изучении трансформации современной модели чтения представляется комплексный междисциплинарный подход, основанный на западноевропейской традиции изучения чтения, отличающейся от отечественной практики читателеведения, – рассмотрение чтения в прямой зависимости от текста как способа фиксации мысли и информации.

После признания равноправия текстов в концепциях медиакультуры М. Маклюэна, информационного общества и информационной культуры М. Кастельса в научной парадигме утверждается идея изменения самого типа культуры и, соответственно, его ведущей технологии – чтения, которое становится мультимедийным, интерактивным и гипертекстуальным. В современной культуре традиционное знаково-вербальное чтение существует в условиях конкуренции с разнообразными аудиовизуальными практиками чтения. Как отмечает российский исследователь М.Ю. Гудова, в информационную эпоху очевиден ценностный сдвиг от чтения логоцентрических текстов к «текстам новой природы», полиморфным, мультимодальным [2. С. 20], основанным на смешении разных способов восприятия: визуального, аудиального и кинестетического. Они строятся на комплексном взаи-

модействии различных знаковых систем, на внутреннем диалоге информационных потоков, обращенных к различным рецептивным каналам. Такой симбиоз разных модальностей словно воскрешает архаический синкретизм восприятия на новом усовершенствованном информационно-технологическом уровне. Мультимодальные тексты создаются по модульному принципу, где автор представляет контент на разных языках: изображения, звуковые фрагменты, видео, фото, знаково-вербальный текст. Таковы гипертексты сетевой реальности: сайты, блоги и другие виды интернет-ресурсов, тяготеющие к поликодовым, семиотически осложненным формам.

Указанные изменения текстов приводят к трансформации характера восприятия и потребления информации, к смене способов мышления. Последовательное линейное чтение книги страница за страницей, когда читатель следует за авторской причинно-следственной логикой подачи материала, сформировано традиционной текстоцентричной моделью, которая характеризуется высоким ценностным статусом чтения, позитивным отношением к библиотеке, кругом чтения, который ориентирован на «золотое ядро» литературы – классику. Именно поэтому известный британский футуролог Джеймс Мартин, предсказавший появление Интернета, назвал читателей, обладающих последовательным, линейным мышлением, «людьми книги», а пользователей Интернета, наделенных параллельным мышлением, которое направлено на одновременное освоение разнородной, не связанной между собой информации, «людьми экрана» [3].

Традиционный текстовый формат чтения позволяет успешно развивать базовые основы мышления: следование правилам формальной логики, способности к выделению в тексте главного, навыки медитативного погружения и аналитического осмысления смыслов. Кроме этого, при восприятии печатного текста читатель опирается на пространственно-временные маркеры, которые помогают ему легче ориентироваться в тексте, создавать свою траекторию прочтения, допускающую этапы замедления, возвращения к уже прочитанному, критическую рефлексию собственной интерпретационной деятельности. Этому способствуют стабильность текста, материальность (*physi-cality*) книги, вся психомоторика общения читателя с текстом, неразрывно связанная с развитием речи и мышления. Современные исследования нейропсихологов доказали, что «когнитивный акт чтения

основывается не только на чувстве зрения, но и на чувстве осязания. Этот акт является как визуальным, так и тактильным» [4. Р. 76]. Моторное и сенсорное восприятие книги как материального объекта неразрывно связано с когнитивной переработкой текста и стимулирует мыслительные функции читателя, утверждая естественную логику развития процесса чтения: от ощущения – к восприятию, от восприятия – к представлению, от представления – к пониманию. Переход от печатной книги к электронной влияет на глубину нашего понимания и погружения в текст.

Цифровая эпоха диктует новый стиль восприятия информации, при котором происходит своеобразное «переформатирование мозга», ищущего способы восприятия максимального количества информации за минимальное время: читатель быстро просматривает страницы «по диагонали», прокручивая текст и вычлняя ключевые слова. Пользователи сети не читают тексты последовательно и методично, они их сканируют: выхватывают отдельные фрагменты, по которым можно оценить релевантность необходимой информации и потенциальную значимость контента, чтобы мгновенно переключиться на другой объем информации. По результатам проведенного впервые в 2006 г. исследования Nielsen Norman Group, которую создал эксперт по юзабилити Якоб Нильсен, интернет-страницы прочитываются по форме латинской буквы F (fast): после горизонтального движения по верхней части контента следует еще одно такое движение чуть ниже, а дальше вертикальный сдвиг от верхнего края к нижнему, при этом пользователь осваивает, как правило, 20% от всего объема информации и избегает больших абзацев [5]. Примечательно, что исторические корни такого скроллинга уходят в глубину веков, и сегодня исследователи говорят о том, что возможной предтечей электронного текста с его прокруткой являлось изобретенное в XVI в. книжное колесо, одно из первых в истории технических средств устройство поиска и обработки информации [6]. В свою очередь, известный французский историограф, посвятивший свои труды исследованию эволюции письменной культуры, книгопечатания и чтения, Роже Шартье сравнивает современного читателя, читающего с экрана, с читателем античным, но с одним весьма существенным отличием, заключающимся в том, что он читает свиток, разворачивающийся, как правило, вертикально и снабженный ориентирами, присущими книге-

кодексу, – пагинацией, указателями, содержанием и т.д. «Это совмещение обеих логик, определявших навыки обращения с предыдущими носителями письменности (свитком, volume, и кодексом, codex) фактически обуславливает новое, совершенно необычное отношение к тексту», – делает вывод ученый [7. С. 235].

При этом интернет-чтение приобретает нелинейный ризоматичный характер, лишенный центра и периферии, непересекаемых границ, имеющий множественные иерархические точки входа и выхода в представлении и интерпретации информации. В сети читатель должен сам выстраивать свою траекторию чтения, осуществляя навигацию по гипертекстуальным ссылкам, что усиливает когнитивную нагрузку и затрудняет возможность перевода полученной информации в знания. Бездумные клики по ссылкам в сети, бесконечные мгновенные переключения каналов информации делают восприятие фрагментарным, клиповым, не рассчитанным на углубление и аналитическое осмысление прочитанного, считывающим только поверхностные информационные слои. Такой объем «непереваренной» информации быстро забывается, лишь частично попадая в долгосрочную память, являющуюся основой любого понимания, переработки информации в системные знания. С одной стороны, подобное поверхностное восприятие, обусловленное ускоренными темпами жизни и обновлением информации, является неизбежной системой фильтров, с помощью которой мозг адаптируется в информационно перенасыщенной среде, защищаясь от когнитивных перегрузок и утилизируя ненужную информацию. Такой способ потребления информации способствует быстрому отклику, дивергентности мышления, обеспечивающей одновременный поиск множества решений одной и той же задачи. С другой стороны, это приводит к снижению глубины понимания текста и концентрации внимания, к нивелированию таких важных для читателя навыков, как активная работа творческого воображения, способность возврата к уже прочитанной информации, умение понимать и считывать контекст, владение аналитическим и системным мышлением.

В связи с этим в современной науке исследователи выделяют две формы чтения: *slow reading* – медленное, вдумчивое чтение¹, которое

---

¹ В англоязычной критике для обозначения данного понятия используется также термин *deer reading* – глубокое чтение (Свен Биркертс).

рассматривается как «философия понимания и наслаждения и набор инструментов для глубокой работы с произведением, для соединения идей автора с идеями читателя и индивидуального переживания книги» [8] и *skimming / scanning* – техники быстрого цифрового поискового чтения, основанные на избирательном, беглом просмотре текста. Это экстенсивное, поверхностное чтение, своеобразный веб-серфинг, делает скорость и импульсивность ценностными доминантами новой модели чтения, позволяющими справляться с возрастающим потоком информации. Но при этом прирост одних функций мозга идет за счет ослабления других. Это становится особенно очевидно при чтении литературно-художественных произведений. Норвежские ученые, исследующие характер интернет-чтения, установили, что школьники, знакомящиеся с художественным текстом на экране, не могут пересказать фабулу произведения, воспринимая текст не целостно, а как набор отдельных фрагментов [9]. Нарративность, повествовательность уходят из электронного текста, а вместе с этим и из умственных структур современного читателя. Вдумчивое чтение и сканирование интернет-страниц осуществляет один и тот же чрезвычайно пластичный мозг, – отмечает директор Института когнитивных исследований СПбГУ, член-корреспондент Российской академии образования, профессор Татьяна Черниговская. «Он (мозг. – *Т.В.*) привыкает к определенному модусу, но тогда во время чтения из “Анны Карениной” или “Преступления и наказания” мы получаем дайджест. Происходит перевод в другой режим» [10].

Гипертекстовая организация текста, по сравнению с традиционной, усложняет проблему восполнения смысловых лагун, «скважин» в «лоскутном одеяле» сетевого контента для читателей, которым сложно удерживать необходимую глубину чтения и сохранять устойчивую концентрацию внимания. Расшифровка гипертекста существенно повышает степень когнитивной нагрузки читателей-пользователей и приводит не только к переориентации основных целей чтения (от углубленного понимания и обогащения духовного опыта к прагматизации чтения), но и к значительному расслоению воспринимающей аудитории.

Важнейшей особенностью современной модели чтения является замена традиционной консолидирующей, объединяющей функции на дифференцирующую, связанную с формированием различных чи-

тательских субкультур, сетевых читательских сообществ, имеющих текстуально-дискурсивную основу, это фандомы, группирующиеся вокруг популярного литературного явления: new age, ролевики, киберпанки и др. Они создают собственную интерпретативную стратегию, участвуют в любительской критике, формируют свой контент – фанфикшн на основе любимых литературно-художественных произведений.

Так цифровая культура порождает новое читательское поведение и активные коммуникативные потребности, обусловленные возможностями онлайн-общения: «читающие люди приходят в Сеть общаться» [11. С. 300]. Это явление на страницах зарубежных книг и интернет-ресурсов получило название «социальное чтение» (Б. Стейн), которое противопоставлялось индивидуальному чтению, не предполагающему последующего обсуждения прочитанного. На первый план в социальном чтении выходит активная коммуникация, онлайн-дискуссия, позволяющая читателям открыто высказываться о текстах в форме отзывов, комментариев, аннотаций, обзоров, рейтингов, обмениваться мнениями с собеседниками и таким образом создавать своеобразный контент вокруг текста-оригинала, что особенно привлекает подростковую и молодежную читательскую аудиторию. Думается, что это своеобразное замещение характерного для онлайн-чтения недостатка эмпатии, эмоционального восприятия, понимания другого через сопереживание. Интерпретативные практики в фандомных сообществах отличаются повышенной аффективностью, интенсивностью, они отвергают эстетическую дистанцию, читательскую «внеаходимость», реализуя эмоциональные потребности читателя через его вовлеченность, погружение в любимый текст и попытки интегрировать медийные репрезентации в свой собственный социальный опыт. Такие читательские практики, безусловно, являясь эффективным средством привлечения читателей и продвижения книги, становятся в первую очередь доступным читателю способом самовыражения и самопрезентации.

Интернет-чтение устраняет институциональное пространство между автором и издателем, книжным магазином и покупателем, писателем и читателем. Роже Шартье в своей работе «Письменная культура и общество» так характеризует специфику новой модели чтения: «В отличие от рукописи или печатной книги, где читателю позволено только

втиснуть свои рукописные пометы в пробелы, оставленные переписчиком или наборщиком, цифровой текст допускает вмешательство читателя. Потенциально это может иметь огромные последствия: стираются имя и сама фигура автора как гаранта идентичности и аутентичности текста, ибо текст может постоянно меняться под действием множественного, коллективного письма» [7. С. 221]. Если в традиционной модели чтения труд автора по созданию книги возвышается, он осознается читателем как единственный творец заверченного текста, и эта статусная дистанция охраняется книгопечатанием, то в интернет-чтении эта позиция деконструируется и появляется внеперсональный автор-дискурс, а читатель из пассивного реципиента превращается в активного фикрайтера, создающего любительское произведение по мотивам оригинального литературного текста.

Характеризуя «социальное чтение» как особую коммуникативную практику, зарубежные исследователи отмечают, что ее интенсивное развитие обусловлено возникновением новых технологий, в частности электронного книгоиздания [12]. Однако важно учитывать, что чтение исторически с момента своего возникновения было тесно связано с общением читателей, совместным прослушиванием прочитанного вслух и его комментированием. Так через возможности интернетизации возрождается традиция коллективного восприятия и обсуждения книг, однако, как справедливо отмечает Ю.В. Щербина, современное поколение «библиоскопов», читателей-имитаторов, любит активно пользоваться книгами, рассматривать и обсуждать их, при этом часто не удосуживаясь их просто прочитать [13. С. 11].

Дифференциация современных читателей ярко проявляется и в поколенческом цифровом разрыве, отмеченном принципиально разными по ценностным и поведенческим критериям моделями чтения читателей разных возрастных категорий.

Цифровые поколения Z и Y, родившиеся с компьютерной мышкой в руках и полностью усвоившие технические преимущества информационного общества, привыкают к развлекательному, легко считываемому цифровому контенту, поэтому с трудом осваивают большие тексты. Доминирующие в современном интернет-чтении форматы предельной краткости, упрощенности и максимальной визуализации текстов постепенно оттесняют в массовой культуре традиционное чтение как веками складывающийся процесс диалоговых отношений

автора и читателя, реализуемый в смысловторчестве, наиболее существенном для формирования личности. «Чтение отошло на второй или даже третий план культуры – по сравнению с “видением” и “слушанием” артефактов аудиовизуальности и мультимедийности» [14. С. 48]. В молодежной субкультуре чтение, не являясь терминальной ценностью, превращается во второстепенное, сопутствующее занятие, осуществляемое мобильно: не за столом, в специально отведенном месте, а на ходу, в любую свободную минуту, как сопровождение других видов деятельности. Чтение с экрана в практиках молодых читателей происходит в режиме многозадачности или в условиях параллельного использования экранов нескольких девайсов, что, безусловно, влияет на когнитивные способности читателей, нанося ущерб вниманию, восприятию, критическому мышлению, воображению и рефлексии.

Пользователи старшего поколения, уступающие молодым в цифровой грамотности, остаются преимущественно приверженцами традиционной модели чтения, считая этот читательский опыт наиболее ценным и несопоставимым по своей глубине и эмоциональному отклику с бесконечным просмотром веб-страниц или постов в соцсетях. В современных условиях такие читательские практики приобретают элитарный характер. «Вспомним Умберто Эко, предлагавшего в романе “Имя розы” пускать в Библиотеку только тех, кто умеет, кто готов воспринимать сложные знания. Произойдет разделение на тех, кто будет уметь читать сложную литературу, и тех, кто читает вывески, кто таким клиповым образом хватается информации из Интернета. Оно будет раздвигаться все больше и больше», – считает известный российский ученый Татьяна Черниговская [10].

Визуализация, свойственная современной культуре, оказывает неоднозначное воздействие на восприятие текста и процесс чтения. Постоянно меняющийся визуальный контент, окружающий человека (реклама, информационные табло, смартфоны, экраны компьютеров), программирует сознание на быстрое схватывание, переработку и передачу информации. Визуальные образы рассчитаны на одновременное, одновременное восприятие, картинка воспринимается комплексно, целиком, за короткое время и не требует интеллектуального напряжения, в отличие от сукцессивного, последовательного восприятия вербального текста, предполагающего когнитивные усилия реципиента, активизацию множества высших зон головного мозга.

Стратегическая перемена вектора современной культуры – от вербального к визуальному, от слова к яркому образу – приводит к тому, что слово утрачивает главенствующую роль в цифровой культуре, где основная нагрузка приходится на визуальные образы. Это существенно меняет читательские предпочтения современной аудитории, погруженной в технологизированную среду, активизирует зрительную репрезентативную систему восприятия информации и сам мыслительный процесс – «визуальное мышление» (термин американского психолога Рудольфа Арнхейма). Безусловно, такая тенденция способствует более быстрому усвоению все возрастающей информации в сжатой и доступной образно-наглядной форме. Глядя на образы картинки, человек в своем сознании дешифрует заложенный в ней смысл, что возвращает его к способности древнего человека воспринимать знаки не только интеллектуально, но и чувственно, так как картинка ориентирована на передачу эмоций за счет игры цвета, жестов, мимики персонажей, этот смысл запечатлевается в сознании мгновенно, экономя время для восприятия другой информации. Но при этом у читателей-пользователей, воспитанных на видеоклипах, теряется понимание ценности вдумчивого, углубленного чтения сложных авторских текстов, если можно заменить слова с их невидимым подтекстовым смыслом наглядным видеорядом, а работу творческого воображения – зрением и готовыми экранными образами.

Подводя итоги сказанному, следует отметить, что сегодня трансформацию традиционной модели чтения следует воспринимать не как аномалию, исключение из привычных норм и правил, а как исторически обусловленное закономерное явление, которое пришло в нашу жизнь навсегда, и образовательный, книгоиздательский процессы должны активнее адаптироваться к его особенностям. Современные исследователи, изучая психологические и социальные факторы влияния информационных технологий на механизмы чтения и восприятия текста, считают, что, несмотря на агрессивную экспансию новых технологий и изменение читательских привычек, вдумчивое чтение вряд ли исчезнет из современных читательских практик. При этом сегодня читатель должен обладать способностью читать, анализировать тексты по-разному, разными способами, уметь в зависимости от ситуации менять стратегию чтения, переключаясь от беглого сканирования контента к глубокому погружению в текст. Видный американский

нейробиолог Марианна Вулф, рассматривая в своей книге «Пруст и кальмар», как эволюция, развитие чтения трансформируют само устройство человеческого мозга, такую способность читателя называет «мультитекстуальностью». Важно учитывать, что чтение, в отличие от зрения, речи, не имеет непосредственной генетической программы, передающейся следующим поколениям, оно полностью зависит от опыта, практики, которые нужно формировать, обучая начинающих читателей распознавать типо-видовые особенности текстов, экспертировать их качество в Интернете и выбирать соответствующую стратегию чтения, ведь «мы есть то, что мы читаем» [15. С. 15].

Литература

1. Зорина С.Ю. Мировое книжное пространство в новых реалиях : издательства и книжные магазины в условиях COVID19. URL: http://nlr.ru/nlr_pro/dep/artupload/pro/article/RA4425/NA40958.pdf (дата обращения: 15.05.2021).
2. Гудова М.Ю. Чтение в эпоху постграмотности: культурологический анализ : автореф. дис. ... д-ра культурологии. Екатеринбург, 2015. 50 с.
3. Martin J. The meaning of the 21st Century: a Vital Blueprint for Ensuring Our Future. New York : Riverhead Books, 2006. 516 p.
4. Nickolas G. Carr. The Shallows: What the Internet is Doing to Our Brains. New York ; London, 2010. 276 p.
5. Pernice K. F-Shaped Pattern of Reading on the Web: Misunderstood, But Still Relevant (Even on Mobile). 2017 // Official site Nielsen Norman Groups. URL: <https://www.nngroup.com/articles/f-shaped-pattern-reading-web-content/> (accessed: 07.06.2021).
6. Garber M. Behold, the Kindle of the 16th Century. 2013 // The Atlantic. URL: <https://www.theatlantic.com/technology/archive/2013/02/ behold-the-kindle-of-the-16th-century/273577> (accessed: 25.05.2021).
7. Шартъе Р. Письменная культура и общество. М. : Новое изд-во, 2006. 272 с.
8. Miedema J. Slow Reading. Los Angeles, CA : Litwin Books, 2009.
9. Christensen A. Paper beats computer screens 2013 // Sciencenorway.no. URL: <https://sciencenorway.no/computer-forskningno-norway/paper-beats-computer-screens/1383692> (accessed: 25.05.2021).
10. Черниговская Т.В. Зачем мы мозгу. URL: https://aldebaran.ru/author/v_chernigovskaya_t/audio_lekciya_zachem_myi_mozgu (дата обращения: 07.06.2021).
11. Самохина М.М. Молодые читатели в Интернете (наблюдения социолога) // Новое литературное обозрение. 2010. № 102. С. 300–307.
12. Cordon-García J.A., Alonso-Arévalo J., Gómez-Díaz R., Linder D. Social Reading: Platforms, Applications, Clouds and Tags. Oxford : Chandas Publishing, 2013. 289 p.
13. Щербинина Ю.В. Время библиоскопов. Современность в зеркале книжной культуры. М. : Форум ; Неолит, 2016. 416 с.

14. Черняк М.В. Проза цифровой эпохи. Тенденции, жанры, имена : учеб. пособие. М. : Флинта, 2018. 328 с.

15. Вулф М. Пруст и кальмар. Нейробиология чтения. М. : КоЛибри ; Азбука-Аттикус, 2020. 384 с.

The Transformation of the Reading Model in a Digital Culture

Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing, 2021, 27, pp. 126–138.

DOI: 10.17223/23062061/27/7

Tatiana L. Vorobyeva, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tatnick@mail.ru

Keywords: reading model, multimodality, reading strategies, digital divide.

The study is supported by the Priority 2030 Programme at Tomsk State University.

The article explores the transformation of the traditional reading model in the conditions of the modern information society and digital culture. The author considers the problem in the anthropological aspect as a radical cognitive restructuring of reading perception and modernization of reading practices. This requires a revision of the essential concepts of the reading theory and of methodological approaches to their study. Firstly, this concerns texts that change their nature in the digital environment and acquire a multimodal polycode character. Changing the medium and the way in which it is recorded leads to a change from linear, sequential reading to a parallel, divergent way of reader's thinking, which significantly affects the depth of attention and understanding of the text. In this regard, researchers note the gradual replacement of slow, thoughtful reading by widely used scanning techniques, superficial search reading that realizes specific pragmatic goals. The modern reading model replaces the traditional, consolidating function with a differentiating one, related to the stratification of the readership and the formation of different reading subcultures and online reading communities. Internet reading, which is especially popular among young people, is becoming "social", aiming at active online communication and the creation of its own fanfiction content. This removes the institutional distance between the author and the reader, and significantly changes the status position of reading, which loses its role as a terminal value and becomes a secondary, collateral occupation. Reader differentiation is also evident in the mental digital generational divide; reading practices of adherents of the traditional reading model become increasingly elitist in today's socio-cultural context. This gap is exacerbated by the current trend towards the visualisation of reading, which accelerates perception of information but negates essential reading competencies. The transformation of the reading model has deep historical roots and is legitimate, so the reader's ability to be "multitextual", i.e. to switch to different modes of perception, choosing different reading strategies depending on the text and the situations, is important today. This can be facilitated by education and book publishing that adapt to the characteristics of the new reading model.

References

1. Zorina, S.Yu. (n.d.) *Mirovoe knizhnoe prostranstvo v novykh realiyakh: izdatel'stva i knizhnye magaziny v usloviyakh COVID-19* [The global book space in new realities: publishing houses and bookstores in the context of COVID-19]. [Online] Available from: http://nlr.ru/nlr_pro/dep/artupload/pro/article/RA4425/NA40958.pdf (Accessed: 15th May 2021).
2. Gudova, M.Yu. (2015) *Chtenie v epokhu postgramotnosti: kul'turologicheskiy analiz* [Reading in the era of post-literacy: a cultural analysis]. Abstract of Culturology Dr. Diss. Ekaterinburg.
3. Martin, J. (2006) *The Meaning of the 21st Century: A Vital Blueprint for Ensuring Our Future*. New York: Riverhead Books.
4. Carr, N.G. (2010) *The Shallows: What the Internet is Doing to Our Brains*. New York; London: W.W. Norton & Company.
5. Pernice, K. (2017) *F-Shaped Pattern of Reading on the Web: Misunderstood, But Still Relevant (Even on Mobile)*. [Online] Available from: <https://www.nngroup.com/articles/f-shaped-pattern-reading-web-content/> (Accessed: 7th June 2021).
6. Garber, M. (2013) Behold, the Kindle of the 16th Century. *The Atlantic*. 28th February. [Online] Available from: <https://www.theatlantic.com/technology/archive/2013/02/behold-the-kindle-of-the-16th-century/273577> (Accessed: 25th May 2021).
7. Chartier, R. (2006) *Pis'mennaya kul'tura i obshchestvo* [Written culture and society]. Translated from French. Moscow: Novoe izd-vo.
8. Miedema, J. (2009) *Slow Reading*. Los Angeles, CA: Litwin Books.
9. Christensen, A. (2013) *Paper beats computer screens*. [Online] Available from: <https://sciencenorway.no/computer-forskningno-norway/paper-beats-computer-screens/1383692> (Accessed: 25th May 2021).
10. Chernigovskaya, T.V. (n.d.) *Zachem my mozgu* [Why does the brain need us?]. [Online] Available from: https://aldebaran.ru/author/v_chernigovskaya_t/audio_lekciya_zachem_myi_mozgu (Accessed: 7th June 2021).
11. Samokhina, M.M. (2010) Molodye chitateli v Internete (nablyudeniya sotsiologa) [Young readers on the Internet (sociological observations)]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 102. pp. 300–307.
12. Cerdón-García, J.A., Alonso-Arévalo, J., Gómez-Díaz, R. & Linder, D. (2013) *Social Reading: Platforms, Applications, Clouds and Tags*. Oxford: Chandas Publishing.
13. Shcherbinina, Yu.V. (2016) *Vremya biblioskopov. Sovremennost' v zerkale knizhnoy kul'tury* [The time of biblioscopes. Modernity in the mirror of book culture]. Moscow: Forum; Neolit.
14. Chernyak, M.V. (2018) *Proza tsifrovoy epokhi. Tendentsii, zhanry, imena* [Prose of the digital age. Trends, genres, names]. Moscow: Flinta.
15. Wolf, M. (2020) *Prust i kal'mar. Neyrobiologiya chteniya* [Proust and the Squid. The Neurobiology of Reading]. Translated from English. Moscow: KoLibri; Azbuka-Attikus.

УДК 009 + 004.9

DOI: 10.17223/23062061/27/8

В.А. Есипова, Н.Н. Светличная

ПЛАТФОРМА PROСИБИРЬ: ПЕРВЫЙ ГОД РАБОТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ¹

***Аннотация.** Рассматривается опыт работы по созданию и введению в действие платформы ProСибирь, предназначенной для дистанционной работы с текстами, созданными на территории Сибири. Работа над платформой началась в 2020 г. в рамках Программы повышения конкурентоспособности НИ ТГУ силами сотрудников Научной библиотеки ТГУ. Спустя год на платформе реализованы возможности для исследователей гуманитарного профиля и представителей гражданской науки, продолжается содержательное наполнение платформы, планируются перспективы развития проекта.*

Ключевые слова: *филология, цифровая гуманитаристика, инфраструктура исследований, Сибирь, цифровая платформа.*

Постановка проблемы

Работа в цифровой среде становится в последнее время все более привычной не только для представителей точных и естественных наук, но также и для гуманитариев, в том числе филологов. Существует целый ряд возможностей, помогающих ученым как дистанционно обращаться к текстам тех или иных произведений и документов, так и решать исследовательские задачи, а также организовывать сетевое взаимодействие – например, для выполнения проектов. Работы такого рода вызывают, с одной стороны, энтузиазм многих представителей профессионального сообщества, а с другой – закономерный скептицизм [1]. Однако в прошедший год все исследователи столкнулись с жизненной необходимостью эффективно организовывать свою работу в интернет-пространстве.

В 2020 г. в Научной библиотеке Томского государственного университета в рамках Программы повышения конкурентоспособности НИ ТГУ был запущен проект платформы ProСибирь [2]. В настоящее

---

¹ Работа выполнена при поддержке Программы повышения конкурентоспособности ТГУ.

время реализован начальный вариант платформы, который включает в себя ряд возможностей как для исследователей, так и для представителей гражданской науки. В данной статье будет охарактеризовано то, что уже предлагается пользователям, а также рассмотрены различные варианты дальнейшего развития платформы.

ProСибирь: итоги первого года работы

Первый год работы над платформой включал в себя два основных этапа:

– разработка технологической концепции платформы (сюда входило обсуждение и составление технического задания, а также создание прототипа);

– собственно воплощение первоначального варианта платформы.

Первый этап предполагал, среди прочего, точную формулировку целей и задач проекта. В качестве цели было сформулировано следующее положение: создание на основе агрегации цифровых источников, имеющих сибирское происхождение, исследовательской площадки (платформы), которая объединит ученых, кураторов контента (библиотеки, музеи, архивы) и общество с целью изучения Сибири и позиционирования региона в мировом информационном пространстве.

Исходя из этой цели, был сформулирован ряд задач, первая из которых звучала так: создание цифровой платформы и набора цифровых исследовательских сервисов для работы с сибирскими источниками и представления результатов исследовательских проектов, выполненных на их основе. В основном выполнению этой задачи и был посвящен первый год работы по проекту. Техническим исполнением занималось ООО «Линии» (Пермь).

Сейчас на платформе реализован ряд возможностей как для исследователей, так и для представителей гражданской науки (рис. 1). Пользователь платформы может выступать в двух качествах: как исследователь и как волонтер; в этих качествах ему доступен разный функционал. При его выборе авторы проекта руководствовались в первую очередь базовыми функциями в рамках исследовательского процесса в целом.

Что необходимо исследователю, если он не имеет прямого доступа к оригиналам интересующих его источников? Во-первых, этот доступ

необходимо каким-то образом организовать. Во-вторых, для работы часто бывает нужен текст не одного, а нескольких источников, не говоря уже о сопровождающем справочном материале и исследованиях по разрабатываемой теме. В-третьих, при работе с текстом источника часто возникает потребность сделать пометки или записать некоторые соображения. Наконец, если имеется в виду работа в рамках некоторого проекта, часто необходимо коллективное мнение при обращении к одному и тому же тексту.

Рис. 1. Принципиальная схема платформы ProСибирь

Соответственно, в настоящий момент платформа располагает следующим функционалом для исследователей:

– организован доступ к цифровым копиям источников о Сибири с подробным описанием и полнотекстовым поиском (см., напр.: [3]).

они будут видеть заметки друг друга и смогут вести обсуждение текста онлайн;

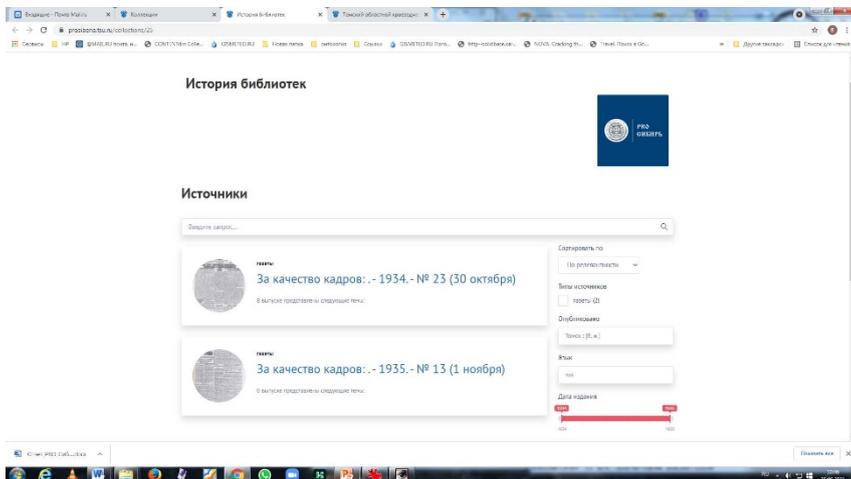

Рис. 3. Коллекция «История библиотек», созданная пользователем на платформе ProСибирь

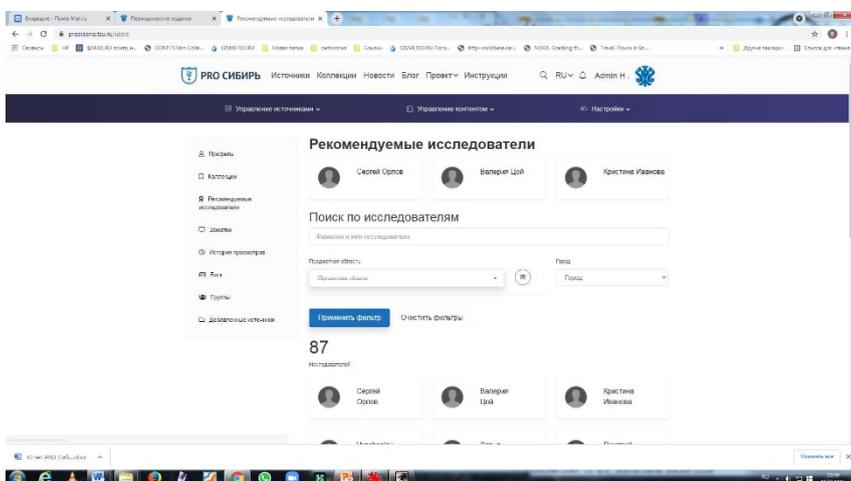

Рис. 4. Страница «Рекомендуемые исследователи» на платформе Pro Сибирь

– дается возможность связаться с исследователями, которые интересовались подобной тематикой (функция «Рекомендованные исследователи»), после их обращения к тому или иному тексту и анализа «цифрового следа» системой (рис. 4);

– существует также ряд возможностей для обмена мнениями на платформе: это блоги (рис. 5), новости и различные голосования.

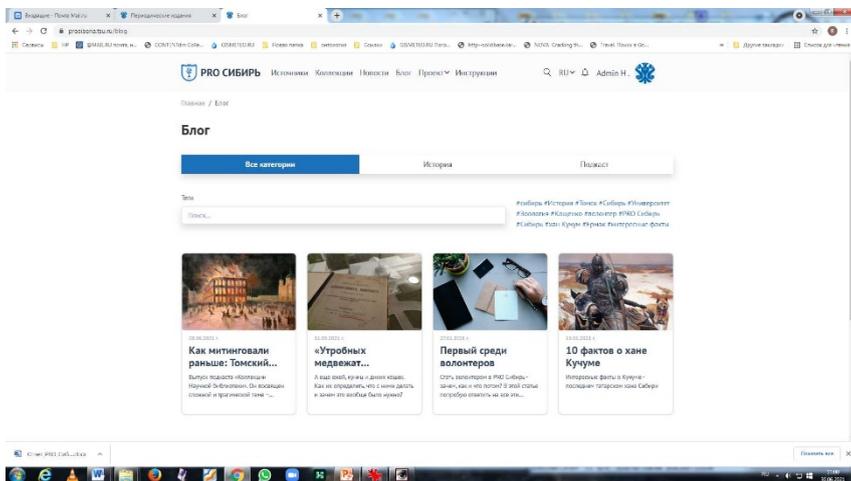

Рис. 5. Страница блога на платформе ProСибирь

Если говорить о представителях гражданской науки (волонтерах), их функционал на платформе немного иной. Здесь прежде всего необходимо сказать о роли гражданской науки в целом. Ей уделяется в последнее время все больше внимания. Достаточно вспомнить о концепции Open Science, которая предполагает в числе прочего равный и свободный доступ не только к результатам научных исследований (например, статьям и монографиям), но также и к «сырым данным» – разумеется, в тех случаях, когда этот доступ не ограничен авторским правом, коммерческой или государственной тайной. В качестве примера широкого привлечения активистов гражданской науки к серьезным проектам национального уровня можно привести проект Grove Национальной библиотеки Австралии, где для правки электронных текстов газет XIX в. были привлечены многочисленные волонтеры [4].

Этот же принцип был реализован и в рамках платформы Pro Сибирь: тот пользователь, который зарегистрировался в качестве волонтера, имеет возможность редактирования электронных текстов, например газет (рис. 6). В дальнейшем, после модерации, эти тексты становятся общедоступными. Роль такого участия волонтеров в работе платформы трудно переоценить: известно, что автоматическое распознавание текстов имеет ряд дефектов, а для полноценного полнотекстового поиска необходимы корректно распознанные тексты. Кроме того, волонтер имеет возможность обсуждений в блоге; также на платформе представлен рейтинг волонтеров и организовываются челленджи по распознаванию текста.

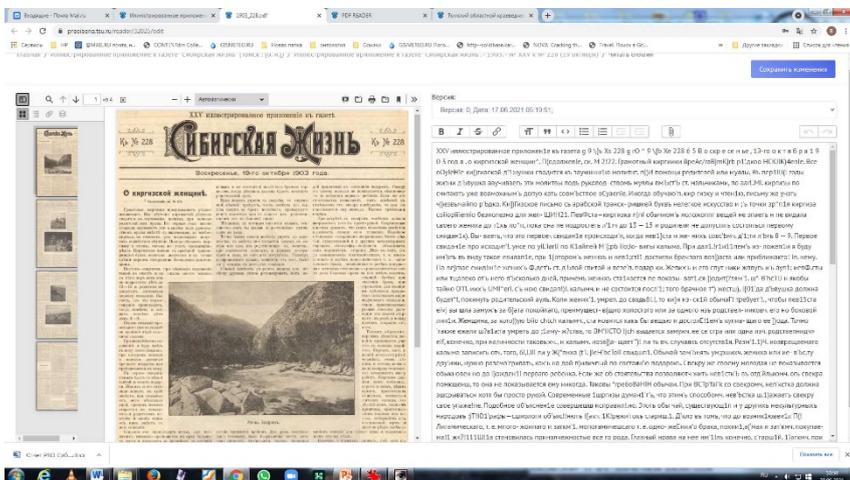

Рис. 6. Страница редактирования автоматически распознанного текста на платформе ProСибирь

Таким образом, в первоначальном варианте платформы ProСибирь реализованы некоторые базовые функции, необходимые исследователю для дистанционной работы с текстами, а также предусмотрено участие волонтеров. Однако очевидно, что исследовательские задачи не исчерпываются изложенным выше. Более того, при обращении к одному и тому же тексту разные исследователи ставят различные задачи и используют различный исследовательский инструментарий. Это

соображение и определило постановку задач на следующий этап развития проекта ProСибирь.

Перспективы развития ProСибирь

В 2021 г. был начат следующий этап работы над проектом. Для определения потребностей исследователей-гуманитариев состоялись встречи в формате фокус-групп с представителями разных факультетов: филологического, исторических и политических наук, факультета журналистики Томского государственного университета. Также был проведен экспертный опрос, в рамках которого выявлено мнение специалистов за пределами ТГУ как в Томске (Томский областной краеведческий музей, Государственный архив Томской области), так и за его пределами (Новосибирск, Екатеринбург, Санкт-Петербург, Москва).

По результатам отзывов исследователей и экспертов, а также тестирования функционала платформы на ограниченной группе пользователей проектной группой сформулирован ряд задач на следующий этап проекта:

– наполнение платформы источниками. Здесь речь идет об отражении на платформе цифровых ресурсов по изучению Сибири из фонда НБ ТГУ (предполагается разместить 200 тыс. выпусков сибирских газет, 2 660 названий книг, 580 рукописей, 275 изоматериалов), а в перспективе – цифровых источников партнеров;

– работа над повышением качества текстов источников. Здесь в первую очередь имеется в виду привлечение волонтеров для корректного распознавания текстов тех источников, которые уже размещены на платформе и будут размещены в дальнейшем;

– агрегация цифровых инструментов для гуманитариев в одном месте для эффективной исследовательской работы с текстами. Уже принято решение, что этот агрегатор не будет использоваться только для работы с документами, размещенными на платформе ProСибирь. Вероятнее всего, это будет отдельный ресурс, где можно будет работать также и с источниками, расположенными в других местах;

– привлечение партнеров. В ходе работы уже был проведен ряд предварительных переговоров с кураторами контента (музеями и библиотеками), а также с исследовательскими и образовательными организациями;

– интеграция возможностей платформы в образовательный процесс. Здесь имеется в виду, например, использование возможностей ProСибирь для проведения практик по редактированию текста или по работе с разными типами источников.

На последней задаче был сделан особый акцент большинством преподавателей ТГУ при проведении фокус-групп. Это действительно представляется важным, поскольку в настоящее время уже существуют многочисленные учебные программы по направлениям цифровой гуманитаристики: магистерские программы «Компьютерная и когнитивная лингвистика» и «Цифровые технологии в издательском деле» [5] в Томском государственном университете, магистерская программа «Цифровые технологии в филологии. Компьютерная лингвистика» в Южном федеральном университете (Ростов-на-Дону) [6], программы Центра цифровой гуманитаристики Пермского государственного университета [7], – и это не говоря о ведущих вузах страны и ближнего зарубежья, для которых интеграция с возможностями платформы ProСибирь может быть весьма полезной. Заметим, что имеется и целый ряд отечественных исследовательских групп, которые работают в сходном направлении. Например, уже давно функционирует ассоциация «История и компьютер» при кафедре исторической информатики МГУ, где выходят ее информационные бюллетени [8].

Наиболее сложным и интересным представляется вопрос об агрегации цифровых инструментов, необходимых специалистам-гуманитариям. Важно понимать, что целью любых цифровых инструментов является эффективная исследовательская работа в цифровом пространстве, а их функция сводится к выполнению определенной группы исследовательских задач. По этой причине нет смысла просто собирать в одном месте все цифровые инструменты, которые существуют в настоящее время. Выделим часть из них, которые представляются наиболее перспективными для работы с цифровыми текстами, исходя из запроса опрошенных экспертов и исследователей.

Цифровые инструменты для гуманитарных исследований

1. Инструменты для создания и работы с цифровыми факсимиле

В данный момент на ProСибирь реализован следующий формат представления текста. Имеется два слоя: первый включает в себя

изображение – т.е. цифровое факсимиле в базовом смысле этого термина. Второй слой – это распознанный текст, по которому ведется полнотекстовый поиск. Однако есть ряд различных вариантов создания цифрового образа текста; существует обширный зарубежный опыт в этой области. Достаточно назвать такой пример, как Text Encoding Initiative (TEI, Международный консорциум) [9]. Эта организация существует с 1994 г., и основным ее занятием является разработка стандартов для представления текстов в электронной форме. В этом же направлении работает и сообщество, объединенное вокруг школы «Письменное наследие и информационные технологии – EI Manuscript» [10]. В качестве примера разработок в отечественном исследовательском поле можно привести сайт «Манускрипт» [11]. В числе прочего эти группы разрабатывают и теоретические вопросы компьютерного источниковедения, уделяют внимание проблемам корпусной лингвистики и электронной лексикографии.

2. Инструменты для текстометрии

Под текстометрией в данном случае понимается методика компьютеризированного исследования текстовых данных, сочетающая инструменты количественного и качественного анализа. Она позволяет использовать различные виды структурной и аналитической разметки, присутствующей в корпусе или создающейся автоматически в процессе импортирования данных [12, 13].

Существует большое количество программного обеспечения, позволяющего решать те или иные задачи из области текстометрии (анализ частотности слов, контент-анализ и др.), однако есть единое программное решение для этих и ряда других задач – это свободно распространяемое ПО на сайте «Текстометрия» [14].

3. Инструменты для работы с рукописями

Отдельно отметим ряд практик и ресурсов, позволяющих перенести в онлайн-формат исследования в области работы со средневековыми рукописями. Эти исследования, по крайней мере частично, можно отнести к сфере, которую принято называть «новой филологией»; они имеют как своих сторонников, так и критиков [15, 16].

Традиционно считается, что как минимум часть исследовательского процесса при изучении рукописей возможна только при непосредственном контакте с документом. Пока это действительно так, однако имеется и ряд возможностей, расширяющих потенциал исследований

без обращения непосредственно к документу. В качестве примера комплексного решения этой проблемы назовем практику работы IRHT (Париж) [17]. На сайте представлен ряд баз данных, создававшихся учеными института много лет, они посвящены как персоналиям, так и текстам. Здесь можно найти и ресурсы энциклопедического или словарного типа, и базы данных, позволяющие заниматься сравнительным анализом орнаментики рукописей, а также анализом почерков. Заметим, что данный ресурс создается на протяжении нескольких десятков лет усилиями большой группы ученых.

Существуют и ресурсы с более узкой целью. Например, для нужд датировки памятников письменности используются данные филигранологии – науки о филигранях (водяных знаках на бумаге). Если ранее такие данные суммировались в форме справочных альбомов, то сейчас существует Европейский агрегатор баз данных филиграней [18]. Также много внимания уделяется совместным работам исследователей рукописей и специалистов в области точных и естественных наук; например, очень плодотворным оказалось физико-химическое исследование красителей, использовавшихся средневековыми мастерами. Эти данные не только позволяют реконструировать технологические процессы создания рукописей, восстановить ранние технологии, скажем, создания чернил. Они также чрезвычайно полезны при проведении реставрационных работ и обеспечении сохранности уникальных документов. В качестве примера назовем проект MINIARE, выполнившийся в университете Кембридж [19].

Перечисленными направлениями не исчерпываются возможности, которые можно использовать при дальнейшем проектировании и развитии платформы ProСибирь. Так, весьма перспективными представляются следующие направления развития:

- использование искусственного интеллекта для сравнения почерков, шрифтов, изобразительного материала;
- картографирование данных исследований с помощью ГИС-технологий;
- аккумулярование уже имеющейся справочной информации (от оцифрованных бумажных справочников до изданий, изначально созданных в цифровой среде).

На самом деле этот список можно продолжать. Но очень существенным в данном случае представляется выявление именно тех ин-

струментов, которые будут необходимы и востребованы в исследовательском сообществе. Это позволило бы создать цифровую исследовательскую инфраструктуру, отвечающую запросам исследователей.

Выводы

Таким образом, на настоящий момент создан первоначальный вариант платформы ProСибирь, позволяющий дистанционно реализовывать базовые функции, характерные для любого исследования в области гуманитарных наук. Однако представляется, что наиболее важным и сложным будет следующий этап работы, включающий среди прочего агрегацию цифровых инструментов для работы с текстами источников, интересующих исследователя. Заметим, что очень многое из сказанного ранее об инструментах относится к методологии исследования, а также к выбору конкретных методов, следовательно, как и было упомянуто выше, обусловлено исследовательской задачей. Очевидно, что цифровизация сама по себе не может являться целью работы; она должна помогать решению задач, которые без нее невозможно решить, а иногда – и поставить. При этом даже, казалось бы, тривиальный вопрос цифрового воспроизведения текста – печатного или рукописного – имеет целый ряд принципиально различающихся решений. Дискуссии по описанной выше проблематике ведутся уже не только в профессиональной среде, но и в средствах массовой информации [20]. В любом случае представляется крайне важным широкое обсуждение в профессиональном сообществе как уже выполненной работы в рамках проекта ProСибирь, так и дальнейших перспектив его развития.

Литература

1. Гумбрехт Х.У. Филология и сложное настоящее / пер. с англ. Н. Поселягина // Новое литературное обозрение. 2016. № 2. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2016/2/filologiya-i-slozhnoe-nastoyashhee.html> (дата обращения: 17.03.2021).
2. ProСибирь. URL: <https://prosiberia.tsu.ru/> (дата обращения: 14.04.2021).
3. Новицкий Г.И. Краткое описание о народе остяцком. Тобольск, 1715. 98 л. // ProСибирь. URL: <https://prosiberia.tsu.ru/catalog/4/3> (дата обращения: 14.04.2021).
4. Trove. Search. Uncover. Australia. URL: <https://trove.nla.gov.au/> (accessed: 14.04.2021).

5. Магистерские программы. Направления подготовки // Филологический факультет. Томский государственный университет. URL: <http://philology.tsu.ru/node/615> (дата обращения: 14.04.2021).
6. Цифровые технологии в филологии. Компьютерная лингвистика : магистерская программа Южного федерального университета. URL: <http://mdh.philol.sfedu.ru/> (дата обращения: 14.04.2021).
7. Научно-образовательный центр цифровой гуманитаристики // Пермский государственный университет. URL: <http://www.psu.ru/nauka/nauchnye-tsentry/nauchno-obrazovatelnyj-tsentr-tsifrovoj-gumanitaristiki> (дата обращения: 14.04.2021).
8. Периодические издания // Кафедра исторической информатики. Исторический факультет Московского государственного университета. URL: <http://www.hist.msu.ru/Departments/Inf/BOOKS/period.htm> (дата обращения: 14.04.2021).
9. Text Encoding Initiative (TEI). URL: <https://tei-c.org/> (accessed: 14.04.2021).
10. Письменное наследие и информационные технологии – EI Manuscript. URL: <https://textualheritage.org/russian/conf.html> (дата обращения: 14.04.2021).
11. Манускрипт. Славянское письменное наследие. URL: <http://manuscripts.ru/> (дата обращения: 14.04.2021).
12. Лаврентьев А.М. Введение в текстометрию и платформу TXM // Письменное наследие и информационные технологии – EI Manuscript. URL: <https://textualheritage.org/ru/ei-manuscript-2014/txm-2.html> (дата обращения: 14.04.2021).
13. Курьшева Л.А., Лаврентьев А.М. Об электронном издании рукописной «Повести о Лабеле и звере» (1758): первый русский перевод сказки «Красавица и зверь» на демонстрационном портале платформы TXM // Сибирский филологический журнал. 2019. № 1. С. 54–61.
14. Textometrie project. URL: <http://textometrie.ens-lyon.fr/?lang=en> (accessed: 14.04.2021).
15. Driscoll M.J. The words on the page: Thoughts on philology, old and new // Creating the medieval saga: Versions, variability, and editorial interpretations of Old Norse saga literature, ed. Judy Quinn & Emily Lethbridge. Odense : Syddansk Universitetsforlag, 2010. P. 85–102.
16. Cohen M. The New, New, New Philology // Electronic Book Review. 2017. Feb. 5. URL: <https://electronicbookreview.com/essay/the-new-new-new-philology/> (accessed: 17.03.2021).
17. Institute de recherché et d'histoire des textes (IRHT). URL: <https://www.irht.cnrs.fr/> (accessed: 14.04.2021).
18. Bernstein. Memory of paper. URL: https://www.memoryofpaper.eu/BernsteinPortal/app1_start_disp (accessed: 14.04.2021).
19. MINIARE. Manuscript Illumination: Non-Invasive Analysis, Research and Expertise. URL: <https://www.miniare.org/Project.php> (accessed: 14.04.2021).
20. Пильщиков И., Пинская Е. Информация должна распространяться свободно // Троицкий вариант. 2021. № 326. URL: <https://trv-science.ru/2021/04/penskaya-pilshchikov/> (дата обращения: 14.04.2021).

The ProSiberia Platform: The First Year of Operation and Development Prospects

Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing, 2021, 27, pp. 139–154.

DOI: 10.17223/23062061/27/8

Valeriya A. Esipova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: esipova_val@mail.ru

Natal'ya N. Svetlichnaya, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: nn_svet@lib.tsu.ru

Keywords: philology, digital humanities, research infrastructure, Siberia, digital platform.

The study is supported by the Tomsk State University Competitiveness Improvement Programme.

The article aims to review the experience of creating and launching the ProSiberia platform, and to discuss the prospects for its further development. Based on the aggregation of digital sources of Siberian origin, the ProSiberia project aims to create a research platform that will bring together scholars, content curators (libraries, museums, archives) and society in order to study Siberia and position the region in the global information space. Work on the platform began in 2020 within the framework of the Program for Increasing the Competitiveness of National Research Tomsk State University by the staff of the Tomsk State University Research Library. Now the platform has implemented opportunities both for humanitarian researchers and for civic science representatives (volunteers). For researchers, access to digital copies of texts about Siberia with detailed description and full-text search is organized; it is possible to create one's own collections of texts; there are some text collaboration tools. It is also possible to find researchers with similar interests and exchange views. A volunteer can edit texts, operate a blog, participate in challenges. The platform is also being filled with new texts. Prospects for the development of the project are considered; they were formulated based on the results of surveys and focus groups. The main directions of development include: work on improving the quality of texts (attracting volunteers for their correct recognition); aggregation of digital tools for the humanities in one place for effective work with texts; attraction of partners; integration into the educational process. The most difficult issue is the aggregation of digital tools. The article lists their most interesting groups: tools for creating and working with digital facsimiles, textometric tools, and a number of tools for working with digitized manuscripts. Thus, at the moment, the initial version of the ProSiberia platform has been created. It allows implementing remotely the basic functions characteristic for any research in the field of humanities. However, most probably, the most important and difficult will be the next stage of the work, which includes, among other things, the aggregation of digital tools for working with the text of interest for the researcher. Therefore, it is extremely important to have a broad discussion in the professional community of both the work already done within the ProSiberia project and the further prospects for its development.

References

1. Gumbrecht, H.W. (2016) *Filologiya i slozhnoe nastoyashchee* [Philology and the complex present]. Translated from English by N. Poselyagin. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2. [Online] Available from: <https://magazines.gorky.media/nlo/2016/2/filologiya-i-slozhnoe-nastoyashchee.html> (Accessed: 17th March 2021).
2. *ProSibir'*. [Online] Available from: <https://prosiberia.tsu.ru/> (Accessed: 14th April 2021).
3. Novitskiy, G.I. (1715) *Kratkoe opisanie o narode ostyatskom* [A brief description of the Ostyak people]. Tobolsk: [s.n.]. [Online] Available from: <https://prosiberia.tsu.ru/catalog/4/3> (Accessed: 14th April 2021).
4. Australia. (n.d.) *Trove. Search. Uncover*. [Online] Available from: <https://trove.nla.gov.au/> (Accessed: 14th April 2021).
5. Tomsk State University. (n.d.) *Master's programs. Majors. Faculty of Philology*. [Online] Available from: <http://philology.tsu.ru/node/615> (Accessed: 14th April 2021).
6. Southern Federal University. (n.d.) *Tsifrovye tekhnologii v filologii. Komp'yuternaya lingvistika: masterskaya programma* [Digital Technologies in Philology. Computational Linguistics: Master's Program]. [Online] Available from: <http://mdh.philol.sfedu.ru/> (Accessed: 14th April 2021).
7. Perm State University. (n.d.) *Scientific and Educational Center for Digital Humanities*. [Online] Available from: <http://www.psu.ru/nauka/nauchnye-tsentry/nauchno-obrazovatelnyj-tsentr-tsifrovoj-gumanitaristiki> (Accessed: 14th April 2021).
8. Department of Historical Informatics. Faculty of History, Moscow State University. (n.d.) *Periodicheskie izdaniya* [Periodicals]. [Online] Available from: <http://www.hist.msu.ru/Departments/Inf/BOOKS/period.htm> (Accessed: 14th April 2021).
9. *Text Encoding Initiative (TEI)*. [Online] Available from: <https://tei-c.org/> (Accessed: 14th April 2021).
10. Textualheritage.org. (n.d.) *Pis'mennoe nasledie i informatsionnye tekhnologii – El Manuscript* [Written heritage and information technology – El Manuscript]. [Online] Available from: <https://textualheritage.org/russian/conf.html> (Accessed: 14th April 2021).
11. Manuscripts.ru. (n.d.) *Manuskript. Slavyanskoe pis'mennoe nasledie* [Manuscript. Slavic Written Heritage]. [Online] Available from: <http://manuscripts.ru/> (Accessed: 14th April 2021).
12. Lavrentiev, A.M. (n.d.) *Vvedenie v tekstometriyu i platformu TXM* [Introduction to textometry and the TXM platform]. [Online] Available from: <https://textualheritage.org/ru/el-manuscript-2014/txm-2.html> (Accessed: 14th April 2021).
13. Kuryshева, L.A. & Lavrentiev, A.M. (2019) “The story of Labelle and the Beast”: a digital edition of a manuscript of the first russian translation of the “Beauty and the Beast” fairy-tale powered by the TXM demo portal. *Sibirskiy filologicheskij zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 1. pp. 54–61. (In Russian). DOI: 10.17223/18137083/66/4
14. Textometrie.ens-lyon.fr. (n.d.) *Textometrie project*. [Online] Available from: <http://textometrie.ens-lyon.fr/?lang=en> (Accessed: 14th April 2021).

15. Driscoll, M.J. (2010) The words on the page: Thoughts on philology, old and new. In: Quinn, J. & Lethbridge, E. (eds) *Creating the medieval saga: Versions, variability, and editorial interpretations of Old Norse saga literature*. Odense: Syddansk Universitetsforlag. pp. 85–102.
16. Cohen, M. (2017) The New, New, New Philology. *Electronic Book Review*. 5. [Online] Available from: <https://electronicbookreview.com/essay/the-new-new-new-philology/> (Accessed: 17th March 2021).
17. *Institute de recherché et d'histoire des textes (IRHT)*. [Online] Available from: <https://www.irht.cnrs.fr/> (Accessed: 14th April 2021).
18. Memoryofpaper.eu. (n.d.) *Bernstein. Memory of paper*. [Online] Available from: https://www.memoryofpaper.eu/Bernstein_Portal/app_start_disp (Accessed: 14th April 2021).
19. MINIARE. (n.d.) *Manuscript Illumination: Non-Invasive Analysis, Research and Expertise*. [Online] Available from: <https://www.miniare.org/Project.php> (Accessed: 14th April 2021).
20. Pilshchikov, I. & Pinskaya, E. (2021) Informatsiya dolzhna rasprostranyat'sya svobodno [Information should be distributed freely]. *Troitskiy variant*. 326. [Online] Available from: <https://trv-science.ru/2021/04/penskaya-pilshchikov/> (Accessed: 14th April 2021).

УДК 655.4/.5

DOI: 10.17223/23062061/27/9

Н.В. Гольцова, С.А. Сафронова

ФОРМИРОВАНИЕ ИЗДАТЕЛЬСКИХ ПРОЕКТОВ КАК ПРАКТИКО-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ ПОДХОД К ПОДГОТОВКЕ БАКАЛАВРОВ ИЗДАТЕЛЬСКОГО ДЕЛА

Аннотация. Рассматриваются вопросы, связанные с проектной деятельностью в рамках подготовки бакалавров издательского дела и журналистики в Московском политехническом университете. Сделан акцент на концепции внедрения проектной деятельности в учебный процесс в условиях реализации ФГОС и рассмотрены различные практики и подходы к реализации этой концепции.

Ключевые слова: проектная деятельность, издательский проект, компетенции, моделирование издания, инновационные методики в обучении, практико-ориентированные подходы в обучении.

В последние годы широко обсуждаются инновационные методики в сфере высшего образования. Особое место в дискуссиях занимают практико-ориентированные подходы в обучении, связанные с профессиональными сферами. Не стало исключением и внедрение новых подходов в обучении бакалавров в области издательского дела и журналистики.

Функционирование любой профессиональной области связано с появлением новых технологий, усложнением производственных процессов и формированием и развитием целого комплекса творческих, организационных, правовых, технологических и коммуникационных составляющих. Эти компоненты напрямую влияют на характер деятельности и формируют требования к компетенциям современного специалиста в области медиаиндустрии. Экономические условия заставляют искать свою нишу в технологической, информационной, культурной и социальной среде, прогнозировать ее развитие, реагировать на запросы потребителей, формировать новые тренды и потребности пользователей. Происходит смена приоритетов: на первом месте для обучающегося оказывается не «информированность, а умение организовать свою работу» [1. С. 82]. Все это требует постоянного пересмотра подходов, внедрения новых методик и формирования ре-

сурсных связей с профессиональными отраслями. Это соотносится с идеей подготовки специалистов нового уровня, «способных решать современные производственные задачи и быстро адаптироваться в реальном секторе экономики» [2. С. 10].

Неслучайно одной из главных задач, по мнению многих руководителей вузов, является «подготовка специалистов мирового класса, способных работать на передовых производственных линиях, сочетая исследовательскую, проектную и предпринимательскую деятельность» [Там же. С. 9]. Важна и педагогическая составляющая проектной деятельности, которая позволяет молодым людям успешно адаптироваться к современным социальным и экономическим условиям, формирует запрос на повышение профессионального уровня, потребность в знаниях, профессиональную и образовательную мотивацию [3].

Использование метода проектной деятельности связано с задачами подготовки бакалавров, сформулированными в Государственном стандарте [4]. Кроме того, метод проекта является важным инструментом профессиональной мотивации студентов. Свяzano это в первую очередь с тем, что учащиеся вовлечены в процесс разработки и создания проекта, видят конечный результат, а часто и конечный продукт, принятый в производство, прошедший полную издательскую подготовку и получивший материальное воплощение.

Проектная деятельность является составляющей проектно-исследовательской деятельности. Ведущий компонент проектной деятельности – «проектирование учебных, квазипрофессиональных и профессиональных объектов, каждый этап которого сопровождается исследованием, самостоятельным поиском субъективно и объективно новых знаний как об объекте проектирования, так и о способах решения проектных задач» [5].

Метод интеграции проектов в учебный процесс позволяет структурировать и организовать самостоятельную работу студентов и экспериментальные исследования, что открывает возможности как для исследовательской, так и для практической деятельности. Кроме того, проектная деятельность расширяет границы видения в профессиональной области, развивает творческие способности и способствует личностному росту.

Современная издательская деятельность включает множество различных аспектов – творческие, организационные, коммуникативные,

технические и др. За пять лет существования в составе Московского политехнического университета и за многие годы работы по программе формирования издательских проектов на кафедре издательского дела и книговедения накопился определенный опыт. Так, при осуществлении учебной деятельности на базе образовательного стандарта, основанного на компетентностном подходе и призванного формировать уровень научных и практических компетенций бакалавра издательского дела, к организации проектов привлекаются различные субъекты как образовательной среды, так и профессиональной практической деятельности – преподаватели вуза, проводящие регулярные занятия по дисциплине, заведующие профильными кафедрами, специалисты центра проектной деятельности, руководящие и ведущие специалисты издательств.

Работа предусматривает изучение определенной ситуации, обсуждение ее, выявление возможностей формирования нового проекта, определение условий его реализации, формирование идеи и концепции проекта, определение путей воплощения идеи, постановку конкретных задач и их решение. В конце предполагается публичная презентация проекта с участием представителей издательства, на базе которого и происходило выстраивание проекта нового издания.

Такая программа дает возможность не только осваивать теорию, но и получать новую информацию и знания самостоятельно.

В процессе осуществления проектной деятельности приобретаются умения: ставить цели и формулировать задачи, самостоятельно решать их; осуществлять поиск, отбор необходимой информации и ее систематизацию; работать по сформированному плану и графику; анализировать различные концепции, представлять и защищать результаты своей деятельности; оценивать проекты других участников.

Инновационный подход в обучении бакалавров издательского дела и журналистики присутствует в различных направлениях подготовки и в различных форматах. Так, используются разнообразные практики, предполагающие использование инновационных методик решения профессиональных задач. Это и использование интерактивных форм проведения занятий, и участие в проектной деятельности, и определение тем ВКР на основе разработки проектов изданий, и участие в практико-ориентированных мероприятиях, связанных с издательским делом. Остановимся на них подробнее.

Во-первых, в учебный план подготовки бакалавров включаются дисциплины, связанные с формированием проектов изданий («Управление издательскими проектами», «Разработка нового издания») и издательств («Формирование издательских портфелей»). Сами дисциплины предполагают интерактивные формы проведения занятий – использование деловых игр, кейсов, ролевых игр, моделирования в управлении проектами (от разработки концепции изданий до представления и продвижения – коммуникативные практики поддержания интереса к изданию). Процесс освоения этих дисциплин предполагает:

- изучение истории издательских практик в различные периоды новейшей истории (формирование новых подходов, изменение облика изданий: новое содержание – новое оформление, новые подходы в представлении; автор нового типа; изменения поведения издателей);
- создание концепции издания (содержательной, оформительской и маркетинговой модели);
- формирование команды, а также графика подготовки издания.

Во-вторых, предлагается работа над ВКР на основе проекта издания или издательства. Исследования могут быть проведены в области управления издательской деятельностью: инструменты комплектования портфелей отечественных издательств, организация редакционно-издательского процесса, деятельность подразделения смежного профиля на предприятии книгоиздательского бизнеса, подготовка маркетингового плана современного издательства. Это может быть изучение опыта и современных методов реализации издательских проектов (иллюстрированного детского / научно-популярного / учебного / справочного / литературно-художественного издания (по выбору студента), разработка нового издательского продукта (направление и тематика – по выбору студента)), модели аппарата издания, стратегии продвижения нового журнала (тематика — по выбору студента), а также темы, связанные с проектами представления и продвижения изданий – проведение PR-кампании издательства в социальной сети, формирование имиджа издательства с помощью социальных сетей. Исследовательские темы могут быть связаны с изучением экономических, организационно-правовых аспектов издательской проектной деятельности.

Исследователи традиционно выделяют ряд этапов в проектировании:

- предпроектные исследования, включающие выявление проблемы, определение логических рамок проекта;

- прогнозирование результатов, визуализация объекта, формирование образа будущего продукта;
- планирование действий по реализации проекта, определение методики и графика подготовки проекта;
- мобилизация ресурсов, актуализация, поиск и анализ информации;
- исследование и проектирование, выполнение проектных действий, обобщение результатов и формирование самого проекта;
- презентация проекта с последующим обсуждением и оценка проектной деятельности [6. С. 597].

Можно говорить и о таких уровнях погружения студентов в проектную деятельность, как теоретическая подготовка, практика, создание проектной документации и отчета, представление продукта [7. С. 211]. В любом случае обучение проектной деятельности в области издательского дела предполагает участие в основных этапах подготовки проекта: генерации идеи; выработки концепции, принятия решения и презентации проекта заказчику.

В-третьих, важную роль в обучении проектной деятельности по программе подготовки бакалавров играет его начало с первого курса. Среди образовательных технологий используются, кроме технологий проектного обучения, интерактивные и информационно-коммуникативные образовательные технологии. Основной формой обучения является аудиторное занятие, которое предполагает различные формы взаимодействия студентов с ведущим преподавателем и приглашенными специалистами, со студентами групп других специальностей. Формами организации процесса обучения становятся также лекционная часть, выездная экскурсия на предприятие, онлайн-экскурсия, деловая игра.

Таким образом, у учащихся, начиная с первого курса, формируются навыки работы в команде, умения представлять содержание и результаты совместной работы, определять сферу индивидуальной ответственности, а также потребности в развитии своих профессиональных компетенций. Вследствие этого реализуются задачи, связанные с результатами обучения, сформулированные в программе [4].

В-четвертых, практико-ориентированный образовательный подход включает в себя проведение различных мероприятий. Так, в сентябре 2019 г. Российским Книжным Союзом была организована Читатель-

ская ассамблея Содружества, в рамках которой состоялся молодежный форум «Книга: пространство профессий», проведенный на базе Московского политехнического университета. В программу форума вошли брифы для команд, работа проектных команд в форме воркшопов, создание презентаций и представление сформированных проектов, академические лекции, в частности о характере и механизмах восприятия информации при чтении традиционных и электронных книг, интерактивные лекции специалистов в различных областях – дизайнеров, графиков, специалистов в области Future Skills, мастер-классы редакторов, театральных режиссеров и радиоведущих, в частности по искусству презентации издательского проекта, проектированию аудиокниг, ораторскому мастерству, творческие встречи с писателями. Перебегающие виды деятельности позволили студентам переосмысливать и обогащать учебный материал, формулировать свои идеи и апробировать их на практике.

Останемся подробнее на этой части программы форума. Студентам, его участникам, предлагался сложный кейс, на решение которого давалось два дня. Проектная деятельность в рамках форума предполагала прототипирование издательства, магазина и т.п., создание прототипов сервисов, прототипов инженерных и технологических решений реальных проблем, формирование издания, издательства, библиотеки, книжного магазина будущего. Применялась методика решения сложных ситуационных задач в четырех командах, составленных из учащихся разных специальностей – журналистов, издателей, книжных графиков, IT-специалистов, менеджеров. У каждого специалиста команды была своя задача: например, у издателей – сформировать концепцию и разработать все элементы издания, у менеджеров – сократить дистанцию между заказчиком и разработчиками, у журналистов – организовать коммуникацию с потенциальным пользователем и т.п. Таким образом, студенты с разными профильными компетенциями были вовлечены в совместную деятельность – выработать эффективное и жизнеспособное решение задачи согласно технологии дизайн-мышления.

Такой интенсивный курс обучения позволяет студенту особым образом мобилизовать и активизировать имеющиеся ресурсы (работа в команде в ситуации сжатого тайминга и агрессивной внешней среды), а преподавателю – привести каждого члена команды в ресурсное

состояние. Подобные компетенции влияют и на уровень профессиональной адаптации в постоянно меняющейся среде, и на способность реализовывать идеи и вырабатывать стратегии развития, основанные на проектно-исследовательской деятельности.

Обобщая сказанное, отметим, что все упомянутые выше практики внедрения проектной деятельности в обучение создают многоуровневую систему формирования компетенций, позволяют интегрировать предметы гуманитарного и технического циклов, реализуя основные идеи и задачи работы над издательским проектом. Мультидисциплинарный подход в проектной деятельности позволяет обучающемуся «оказываться в деятельностных ситуациях, способствующих становлению его ключевых компетенций» [7. С. 210].

Литература

1. Савина О.Н. Новые методологические подходы к организации проектной деятельности в рамках образовательного процесса в магистратуре // Педагогика и просвещение. 2014. № 4. С. 82–90.
2. Рудской А.И. Интеграция позволяет добиться прорывов в науке // Университетская книга. 2019. № 3. С. 8–14.
3. Бухаркина М.Ю., Полат Е.С. Современные педагогические и информационные технологии в системе образования : учеб. пособие. 2-е изд. М. : Академия, 2008. 368 с.
4. Государственный образовательный стандарт по направлению подготовки 42.03.03 Издательское дело. URL: <http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgosvob/420303.pdf> (дата обращения: 19.05.2021).
5. Новоселов С.А., Зверева Т.В. Феномен проектно-исследовательской деятельности в образовательном процессе // Педагогическое образование. 2009. № 3. С. 38–42.
6. Коваленко Ю.А., Жуковская Т.В. Проектно-исследовательская деятельность студентов ВУЗа в условиях информатизации учебного процесса // Образовательные технологии и общество. 2012. № 4. С. 590–602.
7. Семенова И.С., Семенов С.С. Актуализация проектной деятельности в аспекте мультидисциплинарного подхода в обучении // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2017. № 3 (27). С. 209–211.

Formation of Publishing Projects as a Practice-Oriented Approach to Training Students for a Bachelor's Degree in Publishing

Текст. Книга. Книгоиздание – Text. Book. Publishing, 2021, 27, pp. 155–163.

DOI: 10.17223/23062061/27/9

Natalia V. Goltsova, Moscow Polytechnic University (Moscow, Russian Federation).

E-mail: nataliagoltsova@yandex.ru

Snezhana A. Safronova, Moscow Polytechnic University (Moscow, Russian Federation).

E-mail: fil.snejana@yandex.ru

Keywords: project activity, publishing project, competencies, publication modeling, innovative teaching methods, practice-oriented approaches in teaching.

The article deals with issues related to project activities in the framework of training students for a bachelor's degree in publishing and journalism at Moscow Polytechnic University. The emphasis is placed on the concept of implementing project activities in the educational process in the context of the implementation of the Federal State Educational Standard and on the consideration of various practices and approaches to the implementation of this concept. The introduction of innovative methods in higher education and practice-oriented approaches in training related to professional fields have been developed in the training of students for a bachelor's degree in publishing. The complexity of production processes and the formation of a complex of creative, organizational, legal, technological, and communication components directly affect the nature of the activity and form requirements for the competencies of a modern specialist in the media industry. This leads to a revision of approaches and the introduction of new teaching methods. At the forefront is the formation of resource links with professional industries and the implementation of the idea of training specialists who can quickly adapt to changing economic conditions and solve production problems. The project method is an important tool for the professional motivation of students for it allows them to participate in the development and creation of a project, to see the final product that has been accepted into production, has passed full publishing preparation, and has been materialized. The method of integrating projects into the educational process allows structuring and organizing students' independent work and experimental research. Within the framework of the practice-oriented approach to teaching at Moscow Polytechnic University, various subjects of both the educational and professional environment are involved in the organization of projects so that students form the scientific and practical competencies of a BA in publishing. An innovative approach to teaching students majoring in publishing and journalism is present in various areas of training and in various formats. Moscow Polytechnic University implements diverse practices involving the use of innovative methods for solving professional problems. Among them are the use of interactive forms of conducting classes, participation in project activities, development of bachelor's thesis topics based on the development of publication projects, participation in practice-oriented events related to publishing. The bachelor's curriculum includes disciplines related to the modeling of publications, the formation of projects of publications and publishing houses. The bachelor's thesis is made on the basis of a project of a publication or a publishing house; it involves research in the field of publishing management, organization of the editorial and publishing process in a publishing house, development of a marketing plan for a modern publishing house. Interactive and informational-communicative educational technologies are used. Various events with workshops on

the creation of publishing projects are held. The considered practice-oriented approaches in training implement the main ideas and tasks of project activity – they create a multi-level system for the formation of students' competencies.

References

1. Savina, O.N. (2014) Novye metodologicheskie podkhody k organizatsii proektnoy deyatel'nosti v ramkakh obrazovatel'nogo protsessa v magistrature [New methodological approaches to the organization of project activities within the educational process in the magistracy]. *Pedagogika i prosveshchenie*. 4. pp. 82–90.
2. Rudskoy, A.I. (2019) Integratsiya pozvolyaet dobit'sya proryvov v nauke [Integration allows you to achieve breakthroughs in science]. *Universitetskaya kniga*. 3. pp. 8–14.
3. Bukharkina, M.Yu. & Polat, E.S. (2008) *Sovremennye pedagogicheskie i informatsionnye tekhnologii v sisteme obrazovaniya* [Modern pedagogical and information technologies in the education system]. 2nd ed. Moscow: Akademiya.
4. *State Educational Standard 42.03.03 Publishing*. [Online] Available from: <http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgosvob/420303.pdf> (Accessed: 19th May 2021).
5. Novoselov, S.A. & Zvereva, T.V. (2009) Fenomen proektno-issledovatel'skoy deyatel'nosti v obrazovatel'nom protsesse [The phenomenon of design and research activities in the educational process]. *Pedagogicheskoe obrazovanie*. 3. pp. 38–42.
6. Kovalenko, Yu.A. & Zhukovskaya, T.V. (2012) Proektno-issledovatel'skaya deyatel'nost' studentov VUZa v usloviyakh informatizatsii uchebnogo protsessa [Design and research activities of university students in the context of educational process informatization]. *Obrazovatel'nye tekhnologii i obshchestvo*. 4. pp. 590–602.
7. Semenova, I.S. & Semenov, S.S. (2017) Aktualizatsiya proektnoy deyatel'nosti v aspekte multidistsiplinarnogo podkhoda v obuchenii [Updating project activities in the aspect of a multidisciplinary approach to teaching]. *Professional'noe obrazovanie v Rossii i za rubezhom – Professional Education in Russia and Abroad*. 3(27). pp. 209–211.

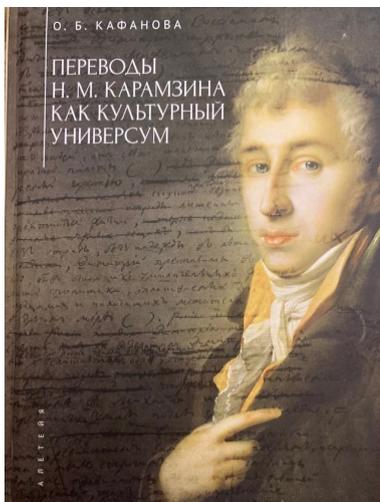
РЕЦЕНЗИИ

УДК 82.09

DOI: 10.17223/23062061/27/10

Н.Е. Никонова

РЕЦЕНЗИЯ НА НАУЧНУЮ МОНОГРАФИЮ О.Б. КАФАНОВОЙ «ПЕРЕВОДЫ Н.М. КАРАМЗИНА КАК КУЛЬТУРНЫЙ УНИВЕРСУМ». СПБ.: АЛЕТЕЙЯ, 2020. 356 с., ил.

Аннотация. Рецензируемая работа отличается фундаментальностью, новизной и достоверностью источниковой базы, которую составляют библиография переводов Н.М. Карамзина (1783–1800), насчитывающая более 500 номеров, и обнаруженные в результате изучения иностранных сочинений и периодических изданий оригиналы. Рецензия указывает на новизну и перспективность целого ряда авторских наблюдений.

Ключевые слова: история русской литературы, Н.М. Карамзин, переводная литература, художественный перевод.

Новая работа профессора Ольги Бодовны Кафановой является настоящим событием в истории и современности карамзиноведения XXI века. В 2016 г. заинтересованная общественность отмечала 250-летие со дня рождения писателя, переводчика, историка. Юбилейные мероприятия прошли в нескольких странах и собрали в дискуссии десятки ученых, их результаты известны не только специалистам в изучении творчества Н.М. Карамзина.

При совместном участии исторического факультета и факультета политологии Московского государственного университета, а также

Отделения историко-филологических наук РАН была организована научная конференция «Н.М. Карамзин в культурной и политической памяти России» [1], Российская государственная библиотека подготовила электронный путеводитель по ресурсам, связанным с наследием Н.М. Карамзина [2], при этом основной акцент был сделан на «Истории государства Российского» как на основополагающем произведении отечественной историографии. «Литературоведческий журнал» ИНИОН РАН посвятил изучению наследия Карамзина отдельную рубрику [3]. МГПУ запустил цикл виртуальных выставок «Последний летописец Руси» [4]. Ереванский государственный университет языков и социальных наук им. В.Я. Брюсова принял на своей площадке крупную международную конференцию «Н.М. Карамзин: русская и национальные литературы» [5]. Этот ряд не исчерпывает всего спектра знаковых мероприятий, одним из частных результатов которых, безусловно, является наблюдение о необходимости комплексного осмысления творчества Карамзина-переводчика на новом уровне. Рецензируемая монография О.Б. Кафановой своевременно восполняет возникшую в академической мысли лагуну и на уникальном материале осуществляет решение задачи по популяризации и сохранению русской литературной классики.

В первую очередь рецензируемая работа привлекает фундаментальностью, новизной и достоверностью источниковой базы, которую составляют библиография переводов Н.М. Карамзина (1783–1800), насчитывающая более 500 номеров, и обнаруженные в результате изучения иностранных сочинений и периодических изданий оригиналы. В представленной в виде приложения библиографии указаны более 50 авторов английской, немецкой и французской литературы, к текстам которых обратился Карамзин.

Опираясь на составленный корпус, который может послужить основой для различного рода дальнейших исследований, О.Б. Кафанова выбирает аналитический подход, последовательно отражающий эволюцию системы взглядов самого Н.М. Карамзина, с одной стороны, и базирующийся на классических образцах отечественного литературоведения и переводоведения – с другой. В результате в пяти частях книги, каждая из которых состоит из 3–9 глав, реализованы методология и риторика, предложенные в свое время адресатом посвящения рецензируемой монографии Юрием Давидовичем Левиным (1920–2006),

заложившим основы петербургской школы сравнительного литературоведения. В то же время логика и терминологическая парадигма монографии обнаруживают и отчетливый томский след. Напомним, что тема «Н.М. Карамзин-переводчик» была выбрана О.Б. Кафановой для своей кандидатской диссертации, защищенной под руководством основателя томской филологической школы Фаины Зиновьевны Кануновой (1922–2009) и одновременно Ю.Д. Левина. Таким образом, увлекательный нарратив новой книги совмещает в себе лучшие традиции отечественной гуманитарной науки, в рассуждениях Ольги Бодовны компетентный читатель с удовольствием узнает слог и стиль уважаемых учителей. Особо следует отметить высокую культуру научной полемики автора: опора на фундаментальные и часто забытые труды карамзиноведов XX в. иногда приводит к развенчанию новейших гипотез.

Жанрово-родовая призма видения ученого позволяет непринужденно синтезировать сразу несколько измерений литературной, редакторской и институциональной деятельности Карамзина-переводчика, не вызывают никаких сомнений четкие дефиниции, относящие труды классика по освоению текстов иностранных авторов к тому или иному типу. В первых главах представлена целая палитра подобных выявленных интересных вариаций: переводы «для сердца» и «разума», перевод с посредника (на материале «Юлия Цезаря» Шекспира в переводе с немецкого), театральные переводы (на материале пьесы «Эмилия Галотти» Лессинга), стратегия циклизации художественных переводов (на материале «Нравоучительных сказок» Мармонтеля). Эта концепция закольцовывается в комплексном обзоре главы 9, освещающем позицию Карамзина в переводческом дискурсе эпохи, где неожиданным образом для сопоставления привлекаются известные в транслатологии труды зарубежных теоретиков и историков: Джона Локка (1632–1704), Фрейзера Тейтлера (1747–1813), Джона Драйдена (1631–1700), Александра Поупа (1688–1744), Йозефа Якоба Брейтингера (1701–1776) и других мыслителей. В результате делается важный вывод о созвучии карамзинской позиции современным мировым тенденциям в отношении взглядов на перевод, о новаторстве и принципиальном значении выработанных им требований (свободное владение языком оригинала и перевода, а также «понимание предмета переводимого») для российского литературного процесса. Наконец,

основное умозаключение убеждает нас в том, что «проблемы стиля не рассматривались Карамзиным изолированно, в отрыве от более общих эстетических идей», а «требования к стилю зависели от жанра» [6. С. 199].

Второе направление мысли исследователя связано еще с одним фундаментальным научным подходом в науке о литературе, согласно которому история литературных процессов рассматривается как ряд сменяющих друг друга течений и направлений гуманитарной мысли. Благодаря вдумчивому анализу и широкому профессиональному кругозору ученого мы можем узнать о нюансах эпохи преромантизма (на материале экспериментального перевода из Оссиана), о тонкостях интерпретации «сентиментальных историй чувствительной героини» Стерна, о «портретном» проекте, связанном с «чувствительными авторами» (Виландом, Геснером, Клопштоком и др.), а также об особенностях Просвещения и европейской Античности в пантеоне словесности Карамзина и его современников. Выполненная в указанной логике вторая часть монографии развенчивает многие стереотипы о русском сентиментализме как о периоде, ставшем подготовительным к последующему золотому веку отечественной словесности, позволяет представить его многомерно. Не только художественные переводы, но и оригинальные произведения, история театра, эстетика и философия расцветают новыми красками за счет вовлечения в дискурс под знаком Карамзина яркой палитры имен его зарубежных «собеседников» и их произведений, среди таковых Шекспир и Лессинг, Мармонтель, Флориан и Коцебу, Оссиан и Губер, Калидаса и Бернарден де Сен-Пьер, Бутервк, Гарве, Мориц, Эберхард и Энгель, Виланд, Геснер и Клопшток, Ж. де Сталь, Саади и Бенджамин Франклин. Однако эта процессия гармонично выстраивается за счет разумной классической аналитики автора книги, которая будет интересна и специалистам в области творчества упомянутых фигур.

Третьей основной направляющей в рецензируемом сочинении выступает один из самых свежих междисциплинарных подходов в теоретико-методологическом поле истории зарубежных связей русской литературы – рецептивная эстетика и выросшая из нее имагология. Идеальным материалом для этого является межкультурный дискурс «Пантеона иностранной словесности» (1798), представляющий сложный синтез интерпретаций образов «других», «чужих», в разной сте-

пени инородных для воспринимающего. Действительно, в «культурном универсуме» Карамзина-переводчика и в поле зрения автора монографии отрываются нетривиальные схождения: европейская античность (глава 2, 4 части), средневековый и современный Восток (глава 3), в заключительных главах этот спектр расширяется посредством обращения к персоналогии «Нового света» и восприятию особенностей английского и французского Просвещения. Здесь впервые устанавливаются источники, послужившие опорой для создания представлений автора «Пантеона иностранной словесности»: к примеру, журнал-посредник *Bibliothèque britannique* стал таковым при определении круга избранных публикаций об английской литературе [6. С. 294–298]. Справедлив вывод О.Б. Кафановой о том, что материалы «Пантеона» требует «специального исследования, в котором можно было бы не только подробнее рассмотреть крупным планом все представленные сюжеты, но и проследить взаимосвязь разных изданий этого альманаха» [Там же. С. 299].

Словом, новая монография Ольги Бодовны Кафановой «Переводы Н.М. Карамзина как культурный универсум» (СПб., 2020) позволяет значительно расширить представление о выдающемся мастере слога и стиля, создателе сентименталистской повести, журналисте и историографе. Новые материалы и установленные впервые иноязычные источники (более 160 переводов с атрибуцией оригиналов, 17 просмотренных иноязычных изданий), а также методология, слог и стиль самого ученого определяют широкий круг целевой аудитории, которой будет интересна книга, содержащая итоги многолетних исследований и системное изучение переводческого дискурса Н.М. Карамзина.

Литература

1. Программа Научной конференции «Н.М. Карамзин в культурной и политической памяти России» (к 250-летию со дня рождения Н.М. Карамзина). Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, 8 декабря 2016 г. М., 2016. 8 с.
2. «Он открыл историю России широкой публике...»: к 250-летию Н.М. Карамзина. URL: https://www.rsl.ru/photo/!_ORS/4-IZDANIJA/3-bibliografickeckije-izdanija/doc_9349ro.pdf (дата обращения: 30.08.2021).
3. К 250-летию рождения Н.М. Карамзина // Литературоведческий журнал ИНИОН РАН. URL: <http://inion.ru/ru/publishing/prochie-nauchnye-zhurnaly/literaturovedcheskii-zhurnal/rubriki/k-250-letiiu-rozhdeniia-n.m-karamzina/> (дата обращения: 30.08.2021).

4. «Последний летописец Руси» : цикл выставок к 250-летию Н.М. Карамзина // Моск. гор. пед. ун-т. URL: <http://mpgu.su/ob-mpgu/struktura/biblioteka/kulturno-prosvetitel'skie-proekty/posledniy-letopisets-rusi-tsikl-vystavok-k-250-letiyu-n-m-karamzina/> (дата обращения: 30.08.2021).

5. Н.М. Карамзин: русская и национальные литературы : материалы междунар. науч.-практ. конф., 14–16 октября 2016 г. Ереван, 2016. 707 с.

6. Кафанова О.Б. Переводы Н.М. Карамзина как культурный универсум. СПб. : Алетея, 2020. 356 с.

Book Review: Kafanova, O.B. (2020) *Perevody N.M. Karamzina kak Kul'turnyy Universum* [Translations by N.M. Karamzin as a Cultural Universe]. Saint Petersburg: Aleteyya

Tekst. Kniga. Nigoizdanie – Text. Book. Publishing, 2021, 27, pp. 164–170.

DOI: 10.17223/23062061/27/10

Natalia Ye. Nikonova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: nikonat2002@yandex.ru

Keywords: history of Russian literature, N.M. Karamzin, translated literature, literary translation.

The review notes Olga Kafanova's great contribution to the study of the history of Russian literature, and especially works by Nikolai Karamzin, and productivity of her research as evidenced by the presented monograph. The book excels in its fundamental nature, novelty and reliability of the source base (more than 500 items of the bibliography of translations by Karamzin (1783–1800) and originals discovered while studying foreign works and periodicals). The review indicates the novelty and prospects of a number of Kafanova's observations. In 2016, the public celebrated the 250th anniversary of Karamzin's birth. The jubilee events were held in several countries and brought together dozens of scholars. One of the particular results of these events is an observation on the need for a comprehensive understanding of the work of Karamzin as a translator at a new level. The reviewed monograph promptly fills the noted gap and, using unique material, solves the problem of popularizing and preserving the Russian literary classics. The bibliography presented in the form of an appendix contains names of more than 50 authors of English, German, and French literature, whose texts Karamzin referred to. Based on the compiled corpus, Kafanova chooses an analytical approach that consistently reflects the evolution of Karamzin's own system of views, on the one hand, and is based on the classic examples of Russian literary criticism and translation studies, on the other. Kafanova's genre-generic approach easily synthesizes the several dimensions of the literary, editorial and institutional activities of Karamzin as a translator; there is no criticism of the clear definitions that classify Karamzin's work on mastering the texts of foreign authors to one type or another. Another idea in the book is connected with a fundamental approach in the science of literature, according to which the history of literary processes is considered as a series of successive trends and directions of humanitarian thought. The reviewed book tells about the nuances of the era of

pre-Romanticism, about the intricacies of interpreting Stern's "sentimental stories of a sensitive heroine", about the "portrait" project associated with "sensitive authors" (Wieland, Gesner, Klopstock, and others), and about the peculiarities of the Enlightenment and European Antiquity in the pantheon of literature by Karamzin and his contemporaries.

References

1. Moscow State University. (2016) *N.M. Karamzin v kul'turnoy i politicheskoy pamyati Rossii (k 250-letiyu so dnya rozhdeniya N.M. Karamzina)* [N.M. Karamzin in the cultural and political memory of Russia (to the 250th anniversary of N.M. Karamzin)]. Program of the Conference. Moscow, December 8, 2016.

2. Malysheva, T.N. (2016) "*On otkryl istoriyu Rossii shirokoy publike...*": *k 250-letiyu N.M. Karamzina* ["He opened the history of Russia to the general public ...": to the 250th anniversary of N.M. Karamzin]. [Online] Available from: https://www.rsl.ru/photo/!_ORS/4-IZDANIJA/3-bibliograficheckije-izdaniya/doc_9349ro.pdf (Accessed: 30th August 2021).

3. INION. (n.d.) *K 250-letiyu rozhdeniya N.M. Karamzina* [To the 250th anniversary of N.M. Karamzin's birth]. [Online] Available from: <http://inion.ru/ru/publishing/prochie-nauchnye-zhurnaly/literaturovedcheskii-zhurnal/rubriki/k-250-letiiu-rozhdeniia-n.m-karamzina/> (Accessed: 30th August 2021).

4. Moscow State Pedagogical University. (n.d.) "*Posledniy letopisets Rusi*": *tsikl vystavok k 250-letiyu N.M. Karamzina* ["The Last Chronicler of Russia": a cycle of exhibitions dedicated to the 250th anniversary of N.M. Karamzin]. [Online] Available from: <http://mpgu.su/ob-mpgu/struktura/biblioteka/kulturno-prosvetitel'skie-proektyi/posledniy-letopisets-rusi-tsikl-vystavok-k-250-letiyu-n-m-karamzina/> (Accessed: 30th August 2021).

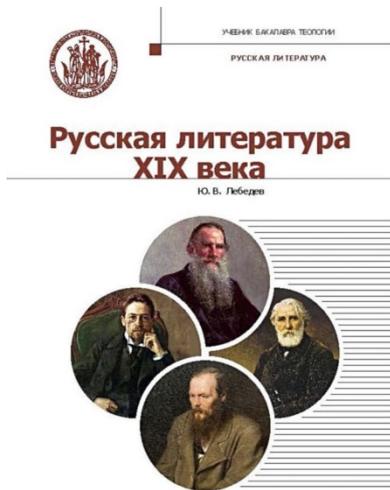
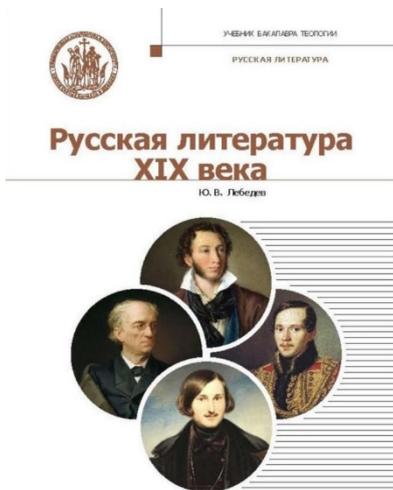
5. Gasparyan, G.R. (ed.) (2016) *N.M. Karamzin: russkaya i natsional'nye literatury* [N.M. Karamzin: Russian and national literature]. Erevan: Lusabats.

6. Kafanova, O.B. (2020) *Perevody N.M. Karamzina kak kul'turnyy universum* [Translations by N.M. Karamzin as a cultural universe]. St. Petersburg: Aletyya.

УДК 821.161.1.09"19"
DOI: 10.17223/23062061/27/11

В.Г. Андреева

КЛЮЧ К ОТКРЫТИЮ РУССКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. РЕЦЕНЗИЯ НА УЧЕБНИК Ю.В. ЛЕБЕДЕВА «РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XIX ВЕКА: КУРС ЛЕКЦИЙ ДЛЯ БАКАЛАВРИАТА ТЕОЛОГИИ»: в 2 т. М.: ОБЩЕЦЕРКОВНАЯ АСПИРАНТУРА И ДОКТОРАНТУРА ИМ. СВЯТЫХ РАВНОАПОСТОЛЬНЫХ КИРИЛЛА И МЕФОДИЯ; ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ «ПОЗНАНИЕ», 2020

Аннотация. Учебник «Русская литература XIX века» в двух частях доктора филологических наук Юрия Владимировича Лебедева рассматривается как одно из важнейших изданий в серии учебных книг автора. Отмечаются широта учебника, особенности его построения, позиция автора-исследователя и его концепция развития русской классической литературы. Подчеркивается глубокая научная основа учебника, множество ценных открытий и обобщений, которые делают издание востребованным среди студентов и широкого круга литературоведов.

Ключевые слова: русская литература XIX века, национальное своеобразие, русская классика, словесность, личность, православные ценности, народ, историзм, творчество.

В 2020 г. в издательстве «Познание» вышел учебник по русской литературе XIX в., автором которого является известный не только в России, но и за рубежом ученый – доктор филологических наук, Заслуженный деятель науки Российской Федерации Юрий Владимирович Лебедев. Сразу же необходимо оговориться, что учебник позиционирован как курс лекций для бакалавриата теологии. В указанном издательстве вышла целая серия книг для теологов – «Святые Отцы и учителя Церкви»; «Четвероевангелие»; «История нехристианских религий» и др. Однако данный учебник, на наш взгляд, является не просто продуманным и глубоким курсом лекций для учащихся определенных специальностей, но одним из самых ярких и полных изданий по литературе указанного периода для высших учебных заведений, которое имеет и несомненную научную ценность, может быть использовано как бакалаврами-теологами и студентами, так и аспирантами, докторантами, научными работниками. Рецензируемый труд продолжает самую патристическую и востребованную серию учебников Ю.В. Лебедева, наиболее популярную не только среди учителей, но и среди ученых, в том числе академических научных литературоведческих центров – ИМЛИ РАН и ИРЛИ РАН.

Ю.В. Лебедев органично совмещает в себе маститого ученого и замечательного педагога, на книгах и учебниках которого сформировалось не одно поколение филологов. Несмотря на основную цель издания – учебную, два рецензируемых тома по глубине охватываемого материала, по количеству новых мыслей и значимых выводов являются научным трудом, только с упрощенной системой ссылок и свернутой до минимума аргументацией (для облегчения понимания сути излагаемого молодыми читателями). Интересно, что в этом плане книги Ю.В. Лебедева можно уподобить именно классической литературе: написанное в них доступно почти всем читателям, но каждый из них должен совершить определенные усилия для постижения внутренних, скрытых смыслов, в них заключенных.

Литературоведы, знакомые с научными трудами Ю.В. Лебедева, вне всякого сомнения, отметят, что учебник с курсом лекций аккумулирует находки автора, сделанные им на протяжении творческого пути в статьях и монографиях, посвященных многим классикам русской литературы, а также второстепенным и третьестепенным писателям XIX в. Курс лекций обращен к юношеству, вручает молодому поко-

лению ключ для открытия дверей в удивительный мир русской классической литературы, которая, по мнению автора, неотделима от жизни, поскольку поколение за поколением наши соотечественники выбирали в качестве духовных авторитетов своих писателей. Чтение классической литературы, как показывает автор, является напряженным духовным трудом, нелегким, требующим от личности усилий и нередко борьбы с собой.

Русская литература ставится автором учебника в особое положение – это больше чем просто литература, для русских людей это и философия, и нравственный ориентир, и лучшее описание определенного периода жизни страны и народа. Умело и тонко вычленяет автор учебника основные мотивы разных периодов творчества того или иного писателя, показывая моменты радости, очарований, сменяющих их сомнений.

Отечественная литература, как отмечает Ю.В. Лебедев вслед за многими религиозными философами и литературоведами, – это святая литература, для которой характерны «жгучая христианская совесть», обостренное чувство вины, готовность пройти через все страдания ради счастья своей земли.

Автор учебника очень точно и пронизательно замечает, что при различиях путей русских писателей все они неизменно схоже смотрели на мир и человека, так как это был взгляд с позиции православно-христианской культуры, отвергающей все эгоистические проявления. Именно поэтому сами писатели для нас должны быть *нравственными ориентирами*, но не *кумирами*. Высший идеал для православного человека один – Иисус Христос.

Ю.В. Лебедев показывает, насколько важны активная жизненная позиция человека, его волевые усилия на пути самосовершенствования, преображения мира, но при этом ученый на множестве примеров из русской классической литературы разъясняет: наши лучшие писатели понимали, что настоящие, вечные ценности и их иерархии созданы не людьми, а существуют до человека, даны ему свыше. Неслучайно несколько раз в книгах повторяет автор слово «предвечно», комментируя его читателям. Отмечая две основы, которые удерживают русскую классику от гордыни и самообмана, Ю.В. Лебедев говорит о православно-христианской антропологии и особом понимании нашими писателями истории: «История Отечества – не только про-

дукт свободных человеческих усилий, но и процесс, в котором действует невидимая Воля – Божественный Промысел, Провидение, – направляющая ход событий в нужное русло тогда, когда человеческая воля нарушает *предвечный* божеский Закон» [1. С. 11]. Еще раз о предвечном, изначальном говорит Ю.В. Лебедев, рассматривая пушкинскую иерархию предметов, его удивительное чувство меры. Ученый цитирует слова Л.Н. Толстого об А.С. Пушкине и обращает внимание на указанную лексему: «Обратим внимание на слово “предвечный”, употребленное Толстым. Оно означает, что иерархия ценностей не нами придумана, не художником изобретена» [Там же. С. 186].

Ю.В. Лебедев доказывает, что эта утонченная и сложная иерархия ценностей организует и наш русский литературный язык (неслучайно большое внимание уделяется автором процессу его формирования в произведениях писателей), она связана со словом русских богослужебных книг и Православной литургии, поскольку русский язык органично принял в себя их высокую духоносную первооснову. Еще в начале первой главы первого тома учебника автор обращается к вопросу наследования русской светской литературой заветов древнерусской книжности, подчинявшейся целям воспитательным, просветительским. Уникальность пути нашей литературы в том, что светский ее характер, по словам Ю.В. Лебедева, не лишил писательский труд «религиозного ореола».

Учебник представляет собой два тяжелых тома большого формата в твердом переплете, более 600 страниц в каждом. Издания очень привлекательны и эстетически притягательны: обложки книг белого цвета, на каждой – по четыре портрета классиков, представленных в небольших кругах. Главам предшествуют черно-белые портреты писателей и небольшие иллюстрации. Два тома учебника состоят из очень лаконичных и концептуальных введения и заключения, 38 объемных и содержательных разделов, посвященных русским писателям и поэтам XVIII и преимущественно XIX в., и небольшой главы «О генетических корнях классической русской литературы XIX века», следующей за введением и посвященной национальному своеобразием классики. Есть в издании (среди указанных 38) и отдельные обобщающие главы – «Поэты пушкинской поры»; «Русская литература 1840–1860-х годов», «Русская критика 1850–60-х годов», «Русская литература и общественное движение 1870–90-х годов», которые передают

особенности литературного процесса того или иного периода, расстановку общественных сил в России, своеобразие литературно-критических взглядов различных представителей русской критики.

Как любое учебное издание, «История русской литературы XIX века» не утяжелена многочисленными ссылками и примечаниями, подстрочными и затекстовыми пояснениями – это отличает ее от научной литературы. Однако литературоведы прекрасно понимают, что все наблюдения и рассуждения автора сделаны с учетом огромного массива изученной литературы. Очень важным видится нам привлечение в качестве научной основы и даже упоминания в книгах видных трудов по «Истории русской литературы», созданных еще в XIX в. (под редакцией А.Н. Пыпина, Д.Н. Овсяннико-Куликовского и пр.)

При минимуме ссылок все цитаты, приводимые автором, особенно гармоничны и доказательны. Особое внимание уделяет Ю.В. Лебедев отзывам и мнениям самих писателей о своих современниках и предшественниках. Так, в учебнике мы слышим не просто голоса литераторов, но их читательские мнения. В учебнике немало общих оценок творчества классиков, данных самим же классиками: речь Ф.М. Достоевского о Н.А. Некрасове, слова Л.Н. Толстого о творчестве А.С. Пушкина. Также часто автор книг цитирует высказывания писателей по поводу особенностей поэтики, какого-либо произведения современников. Рассуждая об эпической основе драм А.Н. Островского, Ю.В. Лебедев приводит слова И.А. Гончарова: «Русскому драматургу “как будто не хочется прибегать к фабуле – эта искусственность ниже его...”» [1. С. 209]. Художественные оценки классиков становятся своеобразными вехами на общем пути читателя в постижении смыслов русской литературы. Еще один пример: автор учебника показывает, что А.С. Пушкин тонко почувствовал лиризм «Горе от ума». И далее Ю.В. Лебедев объясняет проявление этого лиризма, тайного присутствия автора не только в Чацком, но и во многих других героях комедии.

Отмечая религиозный характер русской письменности, различие словесности и литературы, автор учебника большое внимание уделяет осмыслению самими писателями и поэтами процесса творчества, в котором наши классики видели не самовыражение, а служение. Он показывает глубинную основу русского мировоззрения, соборного в своей основе: для наших писателей жизнь личная, обособленная от народной, является лишь жалким существованием.

Учебник Ю.В. Лебедева открывается цитатой из Н.В. Гоголя – обращением писателя к юношеству: «Забирайте же с собою в путь, выходя из мягких юношеских лет в суровое ожесточающее мужество, забирайте с собою все человеческие движения, не оставляйте их на дороге, не подымете потом!» [1. С. 7]. Вслед за классиком автор учебника говорит о важности воспитания молодого поколения, сохранения чуткости, которая присуща юности и так часто утрачивается позднее. Несмотря на тот факт, что со временем жизни и творчества классиков XIX в. нас разделяет в среднем более полутора веков, русская литература при всем ее глубоком содержании, множестве поднятых ею философских проблем видится читателю живой и молодой, актуальной как никогда. Об этом говорит Ю. В. Лебедев в последнем абзаце учебника, как нельзя лучше рифмуящемся с его началом: «Уроки русской классической литературы и до сих пор еще не усвоены и даже не поняты вполне, мы еще только пробиваемся к их постижению, проходя через горький опыт исторических потрясений XX века. И в этом смысле русская классика все еще остается впереди, а не позади нас» [2. С. 604].

Учебник Ю.В. Лебедева, как и все его книги, имеет богатый научный потенциал: каждая глава его подобна цельному научному описанию жизни и творческого пути того или иного классика. Текст учебника способствует осмыслению целостности литературного процесса и вызывает у читателя-литературоведа множество размышлений, касающихся литературных параллелей, вопросов поэтики и т.п. Как и в более раннем своем учебнике для высших учебных заведений в трех томах, в этом курсе лекций для теологов Ю.В. Лебедев раскрывает особенности русского реализма: «Возрожденческий реализм Пушкина явился тем зерном, из которого вырастает литературный процесс XIX века. Это обстоятельство и обусловит в конечном счете то влияние, которое русская классическая литература окажет на развитие литературы мировой, и то высокое место, которое она займет в ряду других литератур Западной Европы и всего мира. <...> Но в зерне русского представления о человеке лежит православно-христианская антропология, существенно отличающаяся от антропологии литератур Западной Европы. Русский реализм свободен от соблазна обожествления человека, свойственного западноевропейскому Возрождению, от искушения – “и будем, как боги”» [1. С. 10].

Вторая книга открывается рассуждением об эволюции русского реализма. Два тома и отдельные главы, линии развития сцеплены в учебнике даже на уровне образов: так, в главе «Русская литература 1840–1860-х гг.» повторяется образ, данный ранее. Автор вновь обобщает характерные отличия русской литературы первой половины века и пишет, что она уподобляется зернам и бутонам, которые распустьются после: «Это литература кратких, но перспективных в своем дальнейшем развитии художественных формул, заключающих в себе мощную образную энергию, еще сжатую в них, еще пока не развернувшуюся» [2. С. 7].

Читателя поражает в учебнике широта представленного материала (причем автор удивительно точно делает акцент на важных моментах разного масштаба), а также воссоздаваемая концептуальная связь всех событий и явлений литературного процесса XIX в. Мы не просто понимаем те явления, которые происходили в жизни России XIX в., в русской литературе, но и ощущаем колорит эпохи, чувства и умонастроения писателей и всего общества, подавляющего большинства людей. Ю.В. Лебедев отмечает, что хотя для русских писателей было свойственно особо острое переживание проблемных вопросов времени, все их творчество требует оценки с позиции вечности. И сам автор учебника настойчиво выводит читателя именно к такому взгляду: сочувствующему, но и беспристрастному, объективному. Он показывает, что в силу различных причин до сих пор наследие многих классиков не осмыслено в правильном направлении – духовного поиска.

Ю.В. Лебедев ставит вопрос о понимании гражданских стихов А.С. Пушкина и отмечает, что множество ассоциаций частной, исторической, интимной и политической жизни вводило читателей в заблуждение. «Что же касается политического радикализма этих стихов, то его не следует преувеличивать, как это было в работах о Пушкине на протяжении многих десятилетий» [1. С. 207]. Еще одним примером может быть оценка творчества Н.В. Гоголя, не понятого современниками и отнесенного к сонму единственно сатириков и обличителей. Ю.В. Лебедев представляет взгляд на Н.В. Гоголя как на глубоко религиозного человека и писателя. «В Гоголе все видели писателя-сатирика, обличителя пороков современного общественного строя. Но скрытые духовные корни, которые питали его дарование, современники склонны были не замечать» [Там же. С. 415]. Автор

учебника за внешней веселостью писателя открывает трагические ноты и тайный вызов, показывает духовную драму Н.В. Гоголя, высвечивает его человеческие слабости: «Открыв завершённую уже рукопись, Гоголь вдруг почувствовал мучительную неудовлетворённость ею, начал правку и в несколько месяцев превратил беловик в черновик. А физические и нервные силы писателя были уже на пределе» [1. С. 480].

При необходимой схожести и унифицированности глав, посвящённых русским писателям и поэтам, каждая из них имеет неповторимую композицию и не похожа на все остальные. Ю.В. Лебедеву удаётся передать основной нерв творчества каждого русского писателя, но при этом показать, что он не изолирован от общего ощущения жизни классиками отечественной литературы. Почти в каждой из глав о персоналиях есть разделы «О своеобразии художественного мира», «Художественный мир», в которых переданы основы мировидения литераторов и отдельные важнейшие черты их стиля. Например, один из самых объёмных разделов «Художественный мир писателя» видимы в главе о Н.С. Лескове. Автор учебника пошагово отмечает особенности манеры писателя, которые делают его прозу сразу же отличимой от произведений всех других мастеров слова: установка на документализм, отсутствие вымысла, очарованность красотой и многообразием мира, обилие случайностей как элементов стихии непознанного, стыдливость художественной формы, анекдотизм, хроникальный способ повествования, ослабленность композиционного единства и яркий образ рассказчика. А разделы «Жизнь и творческий путь», присутствующие во многих главах, содержат не только биографии писателей, но, что гораздо важнее, объяснение сложностей, с которыми сталкивались наши классики, их сомнений, колебаний, духовной борьбы и т.п.

Привлекают и даже несколько интригуют (особенно молодого читателя) непохожие начала глав: так, глава о И.И. Козлове начинается со стихотворения «Вечерний звон» и его значения для каждого русского человека, глава о П.П. Ершове – с описания памятника писателю в Тобольске, глава о А.С. Грибоедове – с ключевого вопроса многих читателей – «Почему Грибоедов создал лишь одну великую комедию?», глава о А.К. Толстом – с его обращения к любимой женщине и будущей жене, глава о Н.Г. Чернышевском – с описания гражданской казни писателя, глава о И.С. Тургеневе – с лирического рассуждения

о преходящем и вечном в художественном мире писателя, глава о Н.А. Некрасове – с иллюстрации образа музы поэта, глава о Л.Н. Толстом – с достаточно спорной и противоречивой цитаты из трактата «О жизни», глава о А.П. Чехове – с описания эпохи, в которую формировался талант писателя и т.п.

Объем каждой главы зависит от значимости фигуры, о которой говорит автор. Но всегда перед нами стереоскопический взгляд исследователя, закономерно подводящий читателя к рассуждению о роли писателя в возрождении и развитии христианского искусства, о его вкладе в литературу, наконец, о том, насколько творчество классика отражает национальное своеобразие нашей словесности. Ю.В. Лебедев создает «живую» историю литературы, без пробелов, показывает целостный литературный процесс; неслучайно автор цитирует С.А. Венгерова: «История литературы, как всякая история органического развития, не знает скачков и всегда создает связующие звенья между отдельными гениальными деятелями» [1. С. 107].

С первых страниц «Истории русской литературы XIX века» привлекает инициатива автора в представлении параллелей, благодаря которым открываются связь русской и европейской литератур, оригинальный путь нашей классики, а также общие идеи и жизненные схемы, которые никуда не пропадали из поля зрения писателей, а творчески осваивались ими в каждом новом поколении.

Вот автор сравнивает традицию «Сентиментального путешествия» Стерна и «Письма русского путешественника» Н.М. Карамзина и показывает, что русский писатель не замыкается на себе, на субъективной череде своих эмоций, ему важно передать объективный взгляд на жизнь. Ю.В. Лебедев открывает читателю, что находки Н.М. Карамзина – писателя еще XVIII в., своеобразно питали писателей и XIX в.: у Н.М. Карамзина предвосхищается и дар переводчика Жуковского, и всемирная отзывчивость А.С. Пушкина, а мотивы «Бедной Лизы», связанные с Эрастом, будут не только звучать в «Цыганах» Пушкина, но отзовутся и через век (1792), у позднего Толстого («Казачи», «Живой труп», «Воскресение») [Там же. С. 27].

Примечательно с этой точки зрения творчество А.С. Пушкина. Несмотря на то, что для писателей второй половины XIX в. характерна совсем иная манера, в кратких и емких формулах Пушкина, как пишет Ю.В. Лебедев, есть все, что будет далее в XIX в. Очень доступно,

обстоятельно, а вместе с тем и лаконично объясняет автор молодым читателям коллизии романа в стихах «Евгений Онегин», показывая меркантильный уклад Запада, пошлость светской жизни, отмечает, как долго не открывались духовные глаза Онегина, который прозрел только к финалу романа. Автор оставляет его на пороге новой жизни и нового поиска: в характере Онегина Пушкин «дает художественную формулу будущего героя русских романов Тургенева, Толстого, Достоевского. Все эти писатели “раскроют скобки” пушкинской формулы и поведут своих героев путями, векторы которых, а также границы и горизонты очерчены Пушкиным» [1. С. 273].

Ю.В. Лебедев показывает, что у «гения меры» А.С. Пушкина мы встречаем почти все темы и мотивы, характерные для русской классической литературы. Не обходит А.С. Пушкин и рассуждения о причинах падения авторитета Церкви, критического отношения к государственности (от этих идей легко перебросить мостик к концу века, особенно к позднему Л.Н. Толстому): «В черновых набросках к письму [Чаадаеву] Пушкин более четко назвал причину падения авторитета Русской Православной Церкви и ее духовенства в послепетровский период развития России. Петр, по мнению Пушкина, понизил роль духовенства, “отменив патриаршество” и поставив Церковь в зависимое положение от государства. <...> В поздний период творчества у Пушкина появляются критические ноты в оценке петровской государственности» [Там же. С. 278].

И в рецензируемом учебнике, и в самой русской литературе центральное место занимает христианский идеал, который для наших писателей никогда не был абстракцией, наоборот, был руководством к росту, действию, преображению. Ю.В. Лебедев пронизательно отмечает, что настоящий христианин начинает преображение окружающего с себя, с работы над собственным «я», без которой нечего и замахиваться на грандиозные перемены в обществе. Хотя это не значит, что русские писатели думали исключительно в масштабах конкретной личности. От главы к главе Ю.В. Лебедев открывает глубокую философию истории, показывая понимание классиками христианских заветов: «Христианский идеал Достоевского отрицает концепцию краха и неудачи истории. Но он не принимает и социалистической утопии “земного рая”. В этой утопии прогресс совершается только в сфере социальной и не предполагает никакого онтологического совершенствования ми-

ра и человека. Для Достоевского же христианский идеал предполагает преображение всей земли и всей природы человека» [2. С. 368].

Большое внимание в учебнике уделяется поэтике: изменениям и динамике жанров, контаминации отдельных черт течений и направлений, изображению человека и его психологии, внутреннего мира. Ю.В. Лебедев прослеживает, как трансформируются манера и голос писателей, их темы на протяжении творческого пути: от ранних произведений к поздним, как все более ощущается ими нарастающий в стране глубокий религиозный кризис.

В плане сопоставления раннего и позднего творчества писателей особенно интересны главы о А.Н. Островском (в учебнике опровергается распространенное мнение о перепевах прежних мотивов в поздних пьесах писателя), Л.Н. Толстом (противоречия между художественным и публицистическим творчеством писателя, изменение его голоса и появление обличительного тона). Автор обозначает вехи и события (личной и исторической жизни), которые ярко отражаются в бытии классиков, их драматические искушения на этом пути. Ю.В. Лебедев сопоставляет ранние и поздние стихотворения Ф.И. Тютчева: «Перемены, случившиеся в лирике поэта, особенно очевидны при сопоставлении двух перекликающихся друг с другом стихотворений – “Осеннего вечера” (1830) и “Есть в осени первоначальной...” (1857)» [1. С. 542]. Каждое замечание о структуре стихотворения, его особенностях подкреплено в учебнике примерами, причем важно, что публикуются не отдельные стихи, а строфы или даже целые стихотворения.

Ю.В. Лебедев максимально объективен и беспристрастен, он не пытается давать оценки крайним точкам зрения, некоторым полюсным мнениям писателей, но показывает их. К примеру, он констатирует, что хаос страстей у Ф.И. Тютчева в определенный момент времени начинает влиять на оценку исторических фактов и государственных деятелей: «Надежда на русскую политику Николая I, появившаяся в первые годы его царствования, вскоре показала свою несостоятельность. Крымская война со всей очевидностью подтвердила ее. Поражение России заставило Тютчева подвергнуть деятельность умершего государя беспощадной критике: “Для того, чтобы создать такое безвыходное положение, нужна была чудовищная тупость этого злосчастного человека”» [Там же. С. 540].

Удивительную меру находит автор курса лекций между «мелочностью» и «генерализацией» изучаемого материала. Это касается соотношенности событий частной жизни с судьбами народными. Одной из самых ярких иллюстраций сопряжения судьбы личности с ходом русской и западноевропейской истории являются «Былое и думы» А.И. Герцена. Ю.В. Лебедев показывает постепенный процесс доведения до логического конца атеистического гуманизма в этой книге, завершающийся открытием неразрешимых противоречий в той материалистической философии, которую Герцен считал когда-то безупречной.

Понятно, что ключевым произведениям русской классики уделяются разделы большего объема, но при этом интересно, что структура их разнится. Разделы, посвященные роману «Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова выстроены по главам самого романа, разделы, посвященные роману «Обрыв» И.А. Гончарова – по героям, разделы, посвященные «Грозе» А.Н. Островского имеют смешанный тип: тут и герои, и позиции критиков.

Автор учебника вместе с читателем идет путем научного поиска, только все вопросы ставятся открыто. Возьмем для примера раздел «Композиция романа и ее содержательный смысл», посвященный роману «Герой нашего времени». Ю.В. Лебедев предлагает читателю ряд вопросов, в их числе: «Почему Лермонтов нарушил хронологическую последовательность в освещении жизни Печорина?» Конечно, все проясняется самим автором издания сразу же. А вопросы без ответов есть в учебнике в виде методических приложений после каждой главы. Они позволяют студентам проверить собственные знания и уровень осмысления представленного в главах материала.

Слог Ю.В. Лебедева отличают удивительные четкость и легкость: в текстах ученого не встретишь сложностей и затемнений смысла, которые, к сожалению, часто встречаются в современной научной литературе. Каждое его замечание подкрепляется знаковыми примерами. А ведь многие произведения русской классической литературы до сих пор остаются до конца не разгаданными – стоит вспомнить хотя бы роман И.А. Гончарова «Обрыв», который исследователи всерьез сравнивают с ребусом, настолько он сложен и многомерен. Поэтому молодой читатель нуждается в ключе к русской классике, которым открываются и общие идейные смыслы, и характеры героев,

и символика и пр. Читая раздел учебника об «Истории одного города» М.Е. Салтыкова-Щедрина, читатель остро ощущает, насколько важны и нужны комментарии, поскольку представленный в книге особый порядок вещей истолковывался критиками и литературоведами неоднозначно. Например, Ю.В. Лебедев говорит о трактовке символического финала истории города Глупова: «Долгое время считали, что это картина революционного гнева, проснувшегося, наконец, в глуповцах и победоносно убравшего с лица земли деспотический режим и связанную с ним “глуповскую” историю. Однако существовала и иная точка зрения: грозное *оно*, прилетевшее извне <...> – это еще более суровый и деспотический режим» [1. С. 634]. Но ученый предлагает иную трактовку взамен прежних: «Ясно, что грозное оно, надвигающееся на Непреклонск с *севера*, – это кара, равно сулящая гибель и глуповцам, и их градоначальникам – неспроста же *оно* издаст *каркающие* звуки. Кто является носителем этого возмездия? Может быть Тот, Кто сказал: “Мне отмщение и Аз воздам”? Ведь библейская история устами пророков поведала нам о Божьем гневе, приводившем к разрушению страны и города за разврат и нечестие отпавших от Бога жителей – Содом, Гоморра, Вавилон, Иерусалим...» [Там же. С. 635].

Особое внимание Ю.В. Лебедев уделяет новациям русских классиков. Разрушая еще до конца не опровергнутые стереотипы в восприятии творчества писателей, ученый показывает, что герои А.Н. Островского москвитянинского периода не умещаются в рамки «натуральной школы», а сам драматург не отступает от реализма, а преобразует его, что поэтическая сатира Н.А. Некрасова как «сатира изнутри» имеет принципиально новый характер, связанный с саморазоблачением героев, образ мыслей которых предельно заострен.

Одним из центральных в «Истории русской литературы XIX века» является мотив неустанного духовного труда: таким путем шли русские классики, такой путь они как пример показали и всем читателям. Ю.В. Лебедев разбирает и объясняет многие ошибки и заблуждения наших писателей, нашедшие воплощение не только в их биографиях, но и в их произведениях. Автор учебника подробно останавливается на критике учения социалистов, поставивших нравственное совершенствование общества в прямую зависимость от экономического строя. Ю.В. Лебедев показывает, как через это учение прошел Ф.М. Достоевский, который противопоставил ему высокие христианские идеалы,

образы «положительно прекрасного человека»: «Европейскому цивилизатору Версильову, так и не преодолевшему муки раздвоения, противостоит в романе простой человек из народа с княжеской фамилией – Макар Долгорукий. С этим героем связано завершение религиозного и художественного замысла романа» [2. С. 352].

Учебник Ю.В. Лебедева поражает не просто широтой охвата материала и объемом, научной эрудицией автора (над такими изданиями обычно трудится целый коллектив), но и глубоким сердечным расположением ученого к своему делу и ко всем читателям.

Литература

1. Лебедев Ю.В. Русская литература XIX века : курс лекций для бакалавриата теологии : в 2 т. / науч. ред. свящ. Георгий Андрианов. М. : Общецерковная аспирантура и докторантура им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия ; Изд. дом «Познание», 2020. Т. 1. 656 с.

2. Лебедев Ю.В. Русская литература XIX века : курс лекций для бакалавриата теологии : в 2 т. / науч. ред. свящ. Георгий Андрианов. М. : Общецерковная аспирантура и докторантура им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия ; Изд. дом «Познание», 2020. Т. 2. 608 с.

The Key to the Discovery of Russian Classical Literature. Book Review: Lebedev, Yu.V. (2020) *Russkaya Literatura XIX Veka: Kurs Lektsiy Dlya Bakalavriata Teologii: V 2 T.* [Russian Literature of the 19th Century: A Course of Lectures for Bachelors of Theology: In 2 Vols]. Moscow: Ss Cyril and Methodius Theological Institute of Postgraduate Studies; Poznanie

Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing, 2021, 27, pp. 171–185.

DOI: 10.17223/23062061/27/11

Valeria G. Andreeva, Kostroma State University (Kostroma, Russian Federation); A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: lanfra87@mail.ru

Keywords: 19th century Russian literature, national identity, Russian classics, literature, personality, Orthodox values, people, historicism, creativity.

The textbook *Russian Literature of the 19th Century* in two volumes written by the famous scholar, Doctor of Philology Yuriy V. Lebedev is regarded as one of the most important publications in the author's entire patriotic series of educational books. The review notes the scope of the textbook, the peculiarities of its structure, the position of the author and his concept of the development of Russian classical literature. The concept is particularly emphasized: Russian classical literature is more than just literature, for Russian people it is both philosophy and a moral guideline, and the best description of a certain period of the life of the country and the people. The review reflects the main

advantages of the textbook, emphasizes its scientific basis, many valuable discoveries and generalizations that make the book relevant not only for students, but for a wide range of literary critics. Despite the primary educational goal of the reviewed work, both volumes – in terms of the depth of the covered material, the number of new thoughts and significant conclusions – are a scientific publication with a simplified system of references and minimized argumentation. Lebedev, together with the reader, takes the path of academic search, raising all questions openly. The textbook accumulates the findings Lebedev made throughout his career in articles and monographs dedicated to many classics of Russian literature, as well as minor writers of the 19th century. Lebedev recreates the conceptual connection of all events and phenomena of the literary process of the period under consideration. The review notes that the *History of Russian Literature of the 19th Century* attracts the reader by the researcher's initiative in presenting parallels that reveal the connection between Russian and European literatures, the original path of our classics, as well as general ideas and life schemes that never disappeared from the writers' field of vision but were creatively mastered in each new generation. Much attention in the textbook is paid to poetics: changes and dynamics of genres, blending of certain features of currents and trends, the image of a person and their psychology and inner world. Lebedev traces how the writers' manner, voice, and themes are transformed along the creative path: from early to late works, how they increasingly feel the deep religious crisis growing in the country.

References

1. Lebedev, Yu.V. (2020a) *Russkaya literatura XIX veka: kurs lektsiy dlya bakalavriata teologii: v 2 t.* [Russian literature of the 19th century: a course of lectures for bachelors of theology: in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Ss Cyril and Methodius Theological Institute of Postgraduate Studies; Poznanie.
2. Lebedev, Yu.V. (2020b) *Russkaya literatura XIX veka: kurs lektsiy dlya bakalavriata teologii: v 2 t.* [Russian literature of the 19th century: a course of lectures for bachelors of theology: in 2 vols]. Vol. 2. Moscow: Ss Cyril and Methodius Theological Institute of Postgraduate Studies; Poznanie.

УДК 655.4/.5

DOI: 10.17223/23062061/27/12

Е.В. Динер

РЕЦЕНЗИЯ НА УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ «ПРОБЛЕМА ЧИТАТЕЛЯ В ТОМСКЕ И ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.» / ОТВ. РЕД. Т.Л. ВОРОБЬЁВА. ТОМСК: ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА, 2020. 226 с.

Аннотация. Показана высокая актуальность результатов исследования личности читателя Томска и Томской губернии конца XIX – начала XX в., проведенного авторами книги, для изучения современных процессов в области чтения, отмечено значение этих результатов для развития профессиональных компетенций работников книгоиздательской и библиотечной отраслей. Дана характеристика основного содержания учебного пособия, определена значимость его использования с целью изучения проблем социологии и психологии чтения, регионального и российского книгоиздания, вопросов истории развития культуры Сибири.

Ключевые слова: личность читателя Томска и Томской губернии конца XIX – начала XX в., читательские практики, читательские предпочтения, тенденции развития личности читателя,

региональный литературный процесс, закономерности формирования регионального книжного репертуара.

Развитие личности читателя в современных социально-коммуникативных условиях осознается как одна из актуальных проблем, имеющих ярко выраженный междисциплинарный характер [1–4]. Основные направления ее исследования формируются главным образом на базе синхронного научного среза социокультурного пространства, развития инфокоммуникационных технологий, психофизиологических особенностей читателя, новых читательских практик и т.д.

Между тем немаловажное значение в изучении этой проблематики имеет диахронический подход, поскольку обращение к историческим

аспектам формирования читательской личности дает возможность рассмотреть данный процесс в динамике, учитывая «связь времен», преемственность поколений, проанализировать культуру чтения как фундамент культуры личности, показатель ее социальной зрелости вне зависимости от векторов развития социокультурной среды [5]. В настоящее время такой подход содействует более основательному изучению факторов, вызвавших в начале XXI в. глубокие трансформации в области чтения, выявлению наиболее эффективных методов преодоления системного кризиса чтения.

В таком контексте учебное пособие «Проблема читателя в Томске и Томской губернии в конце XIX – начале XX в.», написанное коллективом преподавателей Томского государственного университета, очень своевременно, оно имеет высокую степень актуальности для всех, кто занимается изучением вопросов чтения, книжной культуры, историей книжного дела, кого волнуют проблемы культуры Сибири, регионального и российского книгоиздания.

В книге представлены результаты фундаментального исследования важнейших вопросов, связанных с формированием читателя Томска и Томской губернии в конце XIX – начале XX в. Базой исследования стали уникальные архивные материалы из фондов Научной библиотеки Томского государственного университета, Томского областного краеведческого музея, Государственного архива Томской области. В учебном пособии определены факторы, под воздействием которых складывался образ читателя в Томском регионе рубежа эпох, социальные и психологические особенности читательской аудитории, читательские интересы и предпочтения различных социальных слоев населения, выявлены закономерности формирования читательского репертуара.

Учебное пособие представляет большой интерес для специалистов библиотечной, библиографической, книгоиздательской сферы, студентов, получающих образование в этих областях, так как направлено на развитие базовых профессиональных компетенций, необходимых для решения проблем социологии и психологии чтения, выбора средств и способов регламентации чтения, развития мотивации к чтению, для определения эффективных методов формирования издательской политики в условиях современного коммуникационного пространства.

Пособие содержит уникальные сведения о том, как складывалась система библиотечного дела, книгоиздания и продвижения книги в конце XIX – начале XX в. в Томске и Томской губернии. Изложенный в нем материал позволяет оценить региональные события не как «самодостаточный факт, а как значимый элемент более общей системы взаимосвязанных процессов» [6. С. 12], рассмотреть развитие этих отраслей в России рубежа эпох через призму локальной истории.

Учебное пособие, безусловно, будет полезно молодежной аудитории. Становление читательской личности в настоящее время происходит под влиянием новейших информационных технологий, которые, с одной стороны, позволяют создавать смысловое пространство книги, воздействуя на все инструменты восприятия, а с другой – препятствуют формированию навыков вдумчивого, глубокого чтения, приучают к готовому зрительному образу, поверхностному «снятию» информации [7]. Знание о том, что читали, а главное, как читали более ста лет назад, может помочь молодым людям выбрать собственную траекторию читательского развития, научиться размышлять над книгой, выстраивать диалог с ней.

В этом ключе определена *цель* учебного пособия – выявить основные тенденции становления читательских практик конца XIX – начала XX в. и определить их значение в книжной культуре рубежа эпох [8]. В проблемном поле книги отражены коренные трансформации читательской аудитории того времени, изменения, носящие не только региональный, но и общероссийский характер и предопределяющие когнитивную, социальную и другие функции книги, которые она выполняет в современном обществе.

Реализации этой цели подчинена структура книги. Пособие состоит из предисловия, пяти глав и заключения, в которых дана характеристика социального состава читающей аудитории того времени, коллективных и индивидуальных читательских практик, рассмотрены вопросы цензурного надзора и регламентации чтения, читательские интересы интеллигенции, чиновничества, проблема формирования студенческой субкультуры чтения, распространение книги в деревне, специфика детского чтения, развитие форм читательской самостоятельности, а также обобщены результаты исследования.

Каждый параграф предваряется аннотацией изложенного материала, включает вопросы и задания для самостоятельной работы, имею-

щие в основном проблемный характер и направленные на активное закрепление изученного. В конце параграфов дан список дополнительной литературы, призванной расширить знания обучающихся о тенденциях развития чтения как в региональном, так и в общероссийском масштабе.

В первой главе «Формирование массовой читательской аудитории последней трети XIX века» на базе глубокого анализа социально-экономических факторов, повлиявших на становление читательских практик в Томске и Томской губернии, показан процесс качественного и количественного изменения читательской аудитории, характерный для всего российского общества того времени, но имеющий свою специфику в этом регионе. Определены особенности тех групп населения, за счет которых происходило пополнение читателя, дана характеристика тенденций в развитии читательских предпочтений населения. Во втором параграфе подробно освещены вопросы государственной политики в области чтения, а также дан анализ личности чиновников, ответственных за эту сферу в Томском регионе.

В выводах сформулировано положение о том, что развивающиеся в этот период читательские практики становятся «главным фактором регионального литературного процесса, существенно меняя характер взаимодействия книги и общества» [8. С. 17]. Оно обладает высокой актуальностью и в настоящее время, поскольку для преодоления проблем чтения всегда важно понимать роль социокультурных процессов, происходящих в обществе, учитывать характер тех изменений, которые вызваны трансформациями коммуникативной среды.

Вторая глава «Читательские практики жителей Томска и Томской губернии конца XIX – начала XX в.» содержит результаты исследования условий, воздействующих на развитие личности конкретного читателя, на характер его взаимодействия с книгой. На примере томской интеллигенции авторы наглядно показали, какой интеллектуальный и творческий потенциал содержит книга для зрелого, ищущего читателя.

Детальный анализ архивных источников дал возможность выявить круг чтения образованных томичей, реконструировать их читательское поведение. Среди читательских предпочтений этой части населения Томска прежде всего русская классика XVIII–XIX вв. В главе это наглядно показано на примере личности томского чиновника Александра Михайловича Горохова. Характеризуя методы его работы

с книгой, авторы пособия воссоздали образец созидательного чтения, чтения-размышления, активного диалога с книгой, подтверждающий ее великую миссию в духовном развитии человека.

Здесь представлен и яркий образец личности библиофила, собирателя, истинного ценителя книги. Анализ библиотеки Гавриила Константиновича Тюменцева, известного томского краеведа, педагога, наглядно демонстрирует «любовь владельца к изданиям художественной литературы как к явлениям культуры той или иной эпохи, к тем мыслям и чувствам, которые переданы в них содержанием и формой сочинения и книги, на страницах которой это сочинение опубликовано» [7. С. 74].

Несомненной заслугой авторов является наглядная демонстрация методов исследования читательского поведения личности. Всесторонний анализ продуктов творческой деятельности читателя, изучение комментариев к прочитанным произведениям показывают, как эффективно могут быть использованы эти методы для моделирования круга индивидуального, семейного чтения, выявления читательских предпочтений различных социальных групп.

От личности читателя-интеллигента авторы переходят к рассмотрению проблемы формирования собственно сибирской литературы, реконструкции образа ее читателя. В третьем параграфе главы на основе социокультурных факторов, сложившихся на рубеже эпох, изучены вопросы развития книжной культуры Сибири, имеющей ярко выраженный самобытный характер.

Материал параграфа содержит характеристику первых литературно-художественных альманахов, включающих произведения сибирских поэтов и писателей краеведческой тематики. Он расширяет представление о формировании книгоиздания в Сибири, о способах «продвижения» региональной литературы. Пристальное внимание авторы уделяют анализу деятельности библиотекарей, меценатов, повлиявших на развитие литературных и книгоиздательских процессов в Томске и Томской губернии, дают образцы бескорыстного служения малой родине, примеры подвижнической деятельности, имеющие огромное значение для воспитания профессионалов в этих сферах деятельности.

В четвертом параграфе содержится характеристика читательских практик студенческой молодежи, которые складывались в условиях

бурного развития системы образования в Сибири на фоне революционных событий начала прошлого века. Определяя закономерности, повлиявшие на формирование читательских предпочтений молодежи, авторы показали, что особую роль в этом процессе играли досуговые формы, принятые в молодежной среде. Ими обусловлены, например, увлечение студенчества детективной, массовой литературой, произведениями писателей-модернистов, развитие субкультуры молодежного чтения [8].

Интереснейшие исторические факты, изложенные в параграфе, позволяют выстроить важные параллели с современностью, исследовать изменение читательских интересов как закономерность, связанную с развитием общества и в значительной степени влияющую на процессы чтения. Это дает возможность сформировать у будущих библиотекарей, книгоиздателей правильное отношение к трансформациям, происходящим в данной области, понимание необходимости их принятия и глубокого изучения.

В третьей главе «Сельский читатель в Томской губернии конца XIX – начала XX в.» содержится анализ личности регионального сельского читателя, описаны способы распространения книги, имеющие общие для российских регионов черты. Материал об истории создания народных, школьных библиотек дает полное представление о методах популяризации книги в деревне, о развитии библиотечного и книгоиздательского дела в Томском регионе.

Результаты исследования читательских предпочтений сельского жителя позволили авторам сделать выводы, опровергающие традиционное представление о крестьянском читателе как о потребителе преимущественно «легкого чтения». На базе статистических данных наглядно показано, что сельский читатель Томской губернии конца XIX – начала XX в. проявлял большой интерес к русской и зарубежной классике, повестям и рассказам писателей-современников, к литературе по сельскому хозяйству и кооперации, местной периодике. Авторы вполне закономерно рассматривают становление личности сельского читателя в зависимости от социальных условий, сложившихся в регионе на рубеже эпох, от уровня образованности сельской читательской аудитории того времени.

Помимо этого, в главе представлен глубокий анализ читательских предпочтений сельского жителя, определены психологические факто-

ры, оказавшие значительное влияние на формирование круга чтения сибирского крестьянина. В контексте привлечения массового читателя к книге заслуживает пристального внимания та часть главы, в которой содержится материал о читательских практиках, сложившихся на рубеже эпох в крестьянской среде. Авторы отмечают, что с целью приобщения неграмотных и малограмотных крестьян к книге использовались такие практики, как чтение вслух, народные чтения, организовывались спектакли по мотивам литературных произведений и т.д. [8. С. 161]. Важным является вывод о том, что эта работа тщательно планировалась, использовались методы мотивации крестьян к чтению, основанные на новых в то время информационных технологиях.

Уникальный материал представлен авторами во втором параграфе третьей главы. Здесь дана характеристика читательских интересов и практик старообрядцев, рассмотрен состав старообрядческих книжных собраний Томской губернии, показаны методы работы с книгой, применявшиеся в этой социальной среде, большое внимание уделено технике украшения старообрядческих рукописей. Глубокий анализ этих вопросов позволил авторам выявить особенности читательского поведения старообрядцев, показать их отношение к книге как к сакральному предмету, неотъемлемой части культуры и быта человека.

В четвертой главе «Детское чтение в Томске и Томской губернии конца XIX – начала XX в.» рассмотрены проблемы управления детским чтением, определена специфика их решения на рубеже эпох. В настоящее время эти вопросы являются особенно актуальными, так как приучение детей к чтению в условиях современного информационного пространства часто требует нестандартных подходов. В этом контексте материал, изложенный в главе, имеет высокий потенциал для практического применения. В нем на примере библиотеки Вадима Ефимова представлены методы анализа домашних библиотек, позволяющие определить читательские интересы семьи и на этой базе составить круг семейного чтения, наилучшим образом содействующий духовно-нравственному развитию детей.

Кроме этого, в главе дана характеристика факторов, влияющих на становление читательской личности ребенка, которые не утратили своей актуальности и в настоящее время. Это методы работы с читателем, направленные на развитие у детей мотивации к чтению, мето-

ды регламентации читательского репертуара в рамках школьного и внешкольного образования, это значение личности человека, управляющего детским чтением. На примере отдельных учреждений авторы пособия показали, как строился процесс управления чтением в Томской губернии того времени, какие цели ставили перед собой учителя, библиотекари, стремящиеся приобщить детей к книге, как творчески относились к этому процессу.

Отдельного внимания заслуживает четвертый параграф главы, в котором рассмотрена личность Петра Ивановича Макушина, видного деятеля народного просвещения Сибири, основателя первой в Томске публичной библиотеки. Характеризуя П.И. Макушина как библиотекаря, авторы знакомят читателя с основными принципами управления детским чтением, методами составления книжного репертуара для детей, спецификой каталогизации детских изданий. Этот материал имеет огромное воспитательное значение, поскольку процесс управления детским чтением осмысливается читателем на примере личности человека, чья деятельность имела ключевое значение для развития детского книгоиздания в Томском регионе.

Пятая глава «Формы читательской самодеятельности» посвящена теме, которая в настоящее время мало изучена и мало представлена как в учебной, так и в научной литературе. Она содержит анализ самодеятельных школьных журналов, позволяющий определить специфике журналистской деятельности молодых читателей Томского региона той эпохи и оценить созидательную роль активного читателя в развитии региональной периодики. В главе дана классификация самодеятельных школьных журналов по тематике и способу тиражирования, определены их цели и задачи, некоторые жанровые особенности, способы тиражирования. Авторами выявлены формы взаимодействия членов редколлегии журналов с потенциальным читателем, что, безусловно, может быть полезно современному книгоиздателю при выборе способов продвижения изданий в молодежной среде. Кроме того, изучение этого материала будет содействовать развитию навыков, необходимых для изучения предпочтений читателей через их творческую деятельность.

Результаты исследования личности читателя Томска и Томской губернии в конце XIX – начале XX в., читательских практик, сложившихся к этому времени в Томском регионе, обобщены в заключе-

нии. Подводя итоги проведенного исследования, авторы сформулировали закономерности формирования регионального книжного репертуара. Особого внимания заслуживают следующие:

- лидирующая роль в создании местного репертуара чтения и его продвижении частного капитала и культурно-просветительных организаций;

- создание различных площадок для встреч авторов и читателей, установление «обратной связи» между автором и читателем через создание литературных объединений и выступления авторов на народных чтениях со своими произведениями;

- сочетание чтения с другими формами досуга: музыкальными номерами, танцами, показом «туманных» картин, театральными представлениями и кинематографом;

- отношение к развитию местных литературных сил как к экономическому ресурсу развития региона [8. С. 224].

Эти закономерности, во-первых, отражают как региональные, так и общероссийские тенденции развития читательской аудитории на рубеже эпох, во-вторых, имеют весьма современное звучание в плане продвижения книги и чтения в региональном пространстве.

Таким образом, представленные в учебном пособии результаты исследования полно и последовательно раскрывают главные тенденции развития библиотечного дела и книгоиздательской отрасли в Томском регионе рубежа эпох, факторы развития регионального литературного процесса, на базе которых формируется книжная культура Сибири. Изложенный в нем исторический материал, а также сделанные выводы обладают высокой актуальностью, поскольку дают возможность глубоко изучить закономерности формирования личности читателя, освоить методы анализа читательского поведения и применить их в профессиональной деятельности с учетом особенностей современного инфокоммуникационного пространства.

Необходимо отметить, что учебное пособие содержит богатый иллюстративный материал, призванный познакомить читателя с архивными документами, составившими доказательную базу исследования. В нем представлено систематизированное знание, которое может быть использовано в качестве основного и дополнительного источника учебного материала по дисциплинам библиотечного, библиографического и книгоиздательского циклов.

Литература

1. Мелентьева Ю.П. Чтение: явление, процесс, деятельность. М. : Наука, 2010. 181 с.
2. Мелентьева Ю.П. О чтении = On reading : размышления о теоретических аспектах чтения. М. : Канон-плюс, 2014. 182 с.
3. Чтение. XXI век / науч. ред.-сост. В.Я. Аскарова. Челябинск : Челябинская гос. акад. культуры и искусств, 2014. 309 с.
4. Сметаниникова Н.Н. Стратегический подход к обучению чтению. Междисциплинарные проблемы чтения и грамотности. М. : Школьная б-ка, 2005. 509 с.
5. Воронцов А.В. Чтение как социальная проблема // Вестник Герценовского университета. 2009. № 11. С. 24–33.
6. Библиотечная история: современное состояние и перспективы изучения / науч. ред. Н.В. Лопатина. М. : Изд. дом МГИК, 2021. 280 с.
7. Динер Е.В., Мосунова Л.А. Развитие воображения в процессе чтения электронной книги // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2017. Т. 7, № 2. С. 34–48.
8. Проблема читателя в Томске и Томской губернии в конце XIX – начале XX вв. : учеб. пособие / под ред. Т.Л. Воробьевой. Томск : Изд. дом Том. гос. ун-та, 2020. 226 с.

Book Review: Vorobyeva, T.L. (Ed.) (2020) *Problema Chitatelya v Tomске i Tomskoy Gubernii v Kontse XIX – Nachale XX Vv.* [The Problem of the Reader in Tomsk and Tomsk Province in the Late 19th – Early 20th Centuries]. Tomsk: Tomsk State University

Текст. Книга. Книгоиздание – Text. Book. Publishing, 2021, 27, pp. 186–196.

DOI: 10.17223/23062061/27/12

Elena V. Diner, Vyatka State University (Kirov, Russian Federation). E-mail: sautinalina@yandex.ru

Keywords: personality of reader of Tomsk and Tomsk Province in late 19th – early 20th centuries, reading practices, reading preferences, trends in development of reader's personality, regional literary process, patterns of regional book repertoire formation.

The reviewed textbook presents the results of a study of the personality of the reader of Tomsk and Tomsk Province in the late 19th – early 20th centuries. The review shows the high relevance of these results for the study of modern processes in the field of reading and notes the importance of these results for the development of professional competencies of workers in the publishing and library industries. The content of the textbook is characterized. The significance of its use for studying the problems of sociology and psychology of reading, regional and Russian publishing, issues of the history of the development of culture in Siberia is determined.

References

1. Melentieva, Yu.P. (2010) *Chtenie: yavlenie, protsess, deyatelnost'* [Reading: phenomenon, process, activity]. Moscow: Nauka.
2. Melentieva, Yu.P. (2014) *O chtenii = On reading: razmyshleniya o teoreticheskikh aspektakh chteniya* [On reading: Reflections on the theoretical aspects of reading]. Moscow: Kanon-plyus.
3. Askarova, V.Ya. (2014) *Chtenie. XXI vek* [Reading. 21st century]. Chelyabinsk: Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts.
4. Smetannikova, N.N. (2005) *Strategial'nyy podkhod k obucheniyu chteniyu. Mezhdistsiplinarnye problemy chteniya i gramotnosti* [A strategic approach to teaching reading. Interdisciplinary problems of reading and literacy]. Moscow: Shkol'naya b-ka.
5. Vorontsov, A.V. (2009) *Chtenie kak sotsial'naya problema* [Reading as a social problem]. *Vestnik Gertsenovskogo universiteta – UNIVERSUM: Bulletin of the Herzen University*. 11. pp. 24–33.
6. Lopatin, N.V. (ed.) (2021) *Bibliotchnaya istoriya: sovremennoe sostoyanie i perspektivy izucheniya* [Library history: current state and prospects of study]. Moscow: MGIK.
7. Diner, E.V. & Mosunova, L.A. (2017) Imagination development in the process of reading e-books. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*. 7(2). pp. 34–48. (In Russian). DOI: 10.15293/2226-3365.1702.03
8. Vorobyeva, T.L. (2020) *Problema chitatelya v Tomske i Tomskey gubernii v kontse XIX – nachale XX vv.* [The problem of the reader in Tomsk and Tomsk province in the late 19th – early 20th centuries]. Tomsk: Tomsk State University.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Айзикова Ирина Александровна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой общего литературоведения, издательского дела и редактирования Томского государственного университета.

E-mail: wand2004@mail.ru

Алексенко Анастасия Дмитриевна – ассистент кафедры отечественной и мировой литературы Северо-Кавказского федерального университета.

E-mail: nastasya140@rambler.ru

Андреева Валерия Геннадьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры отечественной филологии Костромского государственного университета, ведущий научный сотрудник ИМЛИ им. А.М. Горького РАН.

E-mail: lanfra87@mail.ru

Волошина Светлана Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Томского государственного университета.

E-mail: vsv1304@yandex.ru

Воробьева Татьяна Леонидовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего литературоведения, издательского дела и редактирования Томского государственного университета.

E-mail: tatnick@mail.ru

Гольцова Наталья Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры издательского дела и книговедения Московского политехнического университета.

E-mail: nataliagoltsova@yandex.ru

Дворцова Наталья Петровна – доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики Тюменского государственного университета.

E-mail: n.p.dvorcova@utmn.ru

Демешкина Татьяна Алексеевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Томского государственного университета.

E-mail: demeta@yandex.ru

Динер Елена Васильевна – доктор педагогических наук, доцент, и.о. заведующей кафедрой журналистики и интегрированных коммуникаций Вятского государственного университета.

E-mail: sautinalina@yandex.ru

Есипова Валерия Анатольевна – доктор исторических наук, заведующая сектором отдела рукописей и книжных памятников Научной библиотеки Томского государственного университета.

E-mail: esipova_val@mail.ru

Зусева-Озкан Вероника Борисовна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела литератур Европы и Америки Новейшего времени ИМЛИ им. А.М. Горького РАН.

E-mail: zuseva_v@mail.ru

Никонова Наталья Егоровна – доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой романо-германской филологии Томского государственного университета.

E-mail: nikonat2002@yandex.ru

Панина Нина Леонидовна – доктор искусствоведения, доцент кафедры истории, культуры и искусств Гуманитарного института Новосибирского государственного университета.

E-mail: pa.nina@mail.ru

Сафронова Снежана Алексеевна – старший преподаватель Центра проектной деятельности Московского политехнического университета.

E-mail: fil.snejana@yandex.ru

Светличная Наталья Николаевна – заведующая отделом электронной библиотеки Научной библиотеки Томского государственного университета.

E-mail: nn_svet@lib.tsu.ru

Страшкова Ольга Константиновна – доктор филологических наук, профессор кафедры отечественной и мировой литературы Северо-Кавказского федерального университета.

E-mail: olga.strashkova8@gmail.com

Толстова Мария Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Томского государственного университета.

E-mail: tolstova_11@mail.ru

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ В НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ «ТЕКСТ. КНИГА. КНИГОИЗДАНИЕ»

Редакция принимает статьи, набранные в текстовом редакторе WinWord. Статьи должны быть представлены в электронном и распечатанном виде (формат А4). Иллюстрации (рисунки, таблицы, графики, диаграммы и т.п.) дополнительно предоставляются в отдельных файлах, вложенных в авторскую электронную папку.

Все рисунки выполняются только в черно-белой гамме, полноцветные иллюстрации не допускаются.

В начале статьи указывается номер по Универсальной десятичной классификации (УДК), приводятся (каждый раз с новой строки):

- 1) инициалы и фамилия автора;
- 2) название статьи (строчными буквами, например: Идеологический контекст «Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году»);
- 3) краткая аннотация (500 знаков), которая выделяется курсивом и отделяется от текста статьи пропуском строки;
- 4) ключевые слова (3–5).

Текст набирается шрифтами Times New Roman, размер шрифта – 14 кеглей, межстрочный интервал – полуторный, поля (все) – 1,5 см, абзацный отступ – 0,5 см.

При использовании дополнительных шрифтов при наборе статьи такие шрифты должны быть представлены в редакцию в авторской электронной папке.

Нумерация страниц сплошная, с 1-й страницы, внизу по центру.

Ссылки на использованные источники приводятся после цитаты в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника цитирования, тома и страницы, например: [1. Т. 2. С. 27]. При повторном обращении к одному и тому же источнику в пределах страницы ссылка оформляется следующим образом: [Там же. С. 100] – если источник на русском языке, или [Ibid. P./S. 100] – если на английском / немецком. Список литературы располагается после текста статьи, нумеруется (начиная с первого номера), предваряется словом «Литература» и оформляется в порядке упоминания или цитирования в тексте статьи (не в алфавитном порядке!). Под одним номером допустимо приводить только один источник. Обязательно указание количества страниц в используемых источниках.

Примечания оформляются в виде постраничных сносок. Если в примечаниях присутствуют ссылки на используемую литературу, номер этих источников в списке литературы должен быть соотнесен с нумерацией источников в основном тексте статьи, после которых (перед которыми) вставлено примечание со ссылкой на источник. Примеры оформления можно посмотреть на сайте журнала (<http://vestnik.tsu.ru/book/>) в разделе «Архив».

Двумя отдельными файлами (а также в виде распечаток) обязательно представляются:

1. Англоязычный блок:
  - английский вариант инициалов и фамилии автора;
  - перевод названия своей организации;
  - перевод названия статьи (например: Ideological context of "Collection of Poems Relating to the Unforgettable 1812");

– автореферат статьи на английском языке (2 500–3 000 печатных знаков, включая пробелы) и исходный текст автореферата на русском языке;

– перевод ключевых слов на английский язык.

2. Сведения об авторе по форме:

– фамилия, имя, отчество (полностью);

– ученая степень, ученое звание;

– должность и место работы / учебы (кафедра / лаборатория / сектор, факультет / институт, вуз / НИИ и т.д.) без сокращений, например: **Киселев Виталий Сергеевич** – д-р филол. наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Томского государственного университета. E-mail: kv-uliss@mail.ru

Кроме того, отдельно в том же файле указываются:

– Ф.И.О., должность и место работы научного руководителя (для студентов, аспирантов и соискателей);

– специальность (название и номер по классификации ВАК);

– телефоны (рабочий, сотовый).

Статья и сведения об авторе заверяются подписью автора (и научного руководителя – в случае, если автор не имеет ученой степени).

Всего оформляется и подается три электронных и бумажных документа:

1) текст статьи с аннотацией на русском языке;

2) английский вариант имени и фамилии автора, названия своей организации; перевод названия статьи и ключевых слов; автореферат статьи на английском языке (2 500–3 000 печатных знаков, включая пробелы) и исходный текст автореферата на русском языке;

3) сведения об авторе.

Файлы, представляемые в редакцию, должны быть поименованы по фамилии автора в латинской графике (например, Ivanov1.doc, Ivanov2.doc, Ivanov3.doc) и вложены в папку, названную аналогично (например, Ivanov). При передаче электронной папки обязательно использование архиваторов WinZip или WinRar (например, Ivanov.zip или Ivanov.rar).

Авторы должны представить в редакцию заполненный бланк, в котором указывается согласие автора на публикацию статьи и размещение ее в интернете. Письмо должно быть подписано автором и заверено в организации, в которой работает или обучается автор. В случае соавторства каждый из авторов подписывает и заверяет отдельное письмо.

Статьи принимаются по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет (ГУ), филологический факультет, редакция журнала «Текст. Книга. Книгоиздание», Воробьевой Татьяне Леонидовне*.

Электронные версии материалов обязательно размещаются в «личном кабинете» автора на сайте журнала <http://vestnik.tsu.ru/book/>

После регистрации и прикрепления статьи авторы имеют возможность отслеживать изменение ее состояния (получение бумажного варианта, результат рецензирования и т.д.).

---

* По желанию автора бумажные варианты могут быть заменены сканированными PDF-файлами и представлены в редакцию в отдельной заархивированной папке посредством прикрепления на сайте параллельно с электронными вариантами материалов.

Научно-практический журнал
ТЕКСТ. КНИГА. КНИГОИЗДАНИЕ
TEXT. BOOK. PUBLISHING

2021. № 27

Редактор Е.Г. Шумская
Редактор-переводчик В.В. Кашпур
Оригинал-макет Е.Г. Шумской

Подписано в печать 07.12.2021 г. Формат 60×84¹/₁₆.

Печ. л. 12,5; усл. печ. л. 11,6.

Тираж 50 экз. Заказ № 4807. Цена свободная

Дата выхода в свет 10 декабря 2021 г.

Журнал отпечатан на оборудовании
Издательства Томского государственного университета,
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 52-98-49
<http://publish.tsu.ru>; e-mail; rio.tsu@mail.ru